

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Е. В. Максимов

СРЕДНЕЕ
ПОДНЕПРОВЬЕ
НА РУБЕЖЕ
НАШЕЙ ЭРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА»
КИЕВ - 1972

В монографии показаны археологические материалы, обнаруженные на поселениях и в могильниках Среднего Приднепровья, относящихся к зарубинецкой культуре. Рассматриваются ремесла и хозяйственная деятельность населения, устройство жилищ и поселений, погребальный обряд.

Большое внимание уделяется проблеме происхождения зарубинецкой культуры и этнической принадлежности обитателей Среднего Приднепровья рубежа нашей эры, в которых автор видит далеких предков нынешних славян.

Ответственный редактор

кандидат исторических наук

М. И. Вязьмитина

Рецензент

член-корреспондент Академии наук УССР'

Л. М. Славин

Редакция исторической
и археологической литературы

Зав. редакцией *Е. А. Квятковский*

Киевский полиграфический комбинат

ВВЕДЕНИЕ

В нашей науке важное место занимает проблема происхождения и ранних периодов истории восточных славян. Если история древней Руси — первого восточнославянского государства — известна достаточно хорошо, то истоки ее во многом неясны. Это обстоятельство отмечал еще Нестор Летописец, начавший свою «Повесть временных лет» вопросом — «откуда есть пошла Руськая земля». Ответ на этот вопрос искали все последующие авторы сводных трудов по истории Руси.

В выяснении ранних этапов восточнославянской истории большой интерес представляет период, отстоящий от нашей эпохи приблизительно на 2000 лет, причем особо важное место принадлежит в нем племенам Среднего Приднепровья — территории, ставшей затем ядром древней Руси.

История Среднего Приднепровья рубежа нашей эры разработана еще далеко недостаточно. Причиной является, прежде всего, скудость источников. Литературные сведения, которые бы освещали это время на Среднем Приднепровье, отсутствуют. В этом отношении южным и западным соседям среднеднепровских племен повезло значительно больше: в произведениях античных авторов содержатся некоторые сведения о сарматах, фракийцах, кельтах и германцах, которые были тогда ближайшими соседями Римской империи.

Другой важнейший исторический источник — археологические памятники — был сравнительно небольшим.

Несмотря на то что Среднее Приднепровье не попало в поле зрения античных писателей, население этой области не стояло в стороне от событий европейской истории конца I тысячелетия до н. э.

Огромное значение для определения исторических судеб Среднего Приднепровья, как и всей Юго-Восточной Европы в целом, имело крушение Скифии. Некогда могущественное скифское политическое объединение в IV в. до н. э. начало клониться к упадку, ставшему особо заметным после военного поражения скифов в 339 г. до н. э. III в. до н. э. представлял собой уже закат Скифии, территория которой уменьшается до пределов Таврики. Однако сарматы, вытеснившие скифов с территории украинских степей, не смогли полностью заменить их. В южной части Восточной Европы образовался политический вакуум, заполнить который начали лесостепные племена, находившиеся до того в полной экономической и политической зависимости от скифов.

Важнейшей отличительной чертой европейской жизни этого времени следует считать передвижения различных племен, которые были предвестниками «великого переселения народов» II—VI вв. н. э. Причинами этих передвижений,

приведших к образованию европейских средневековых наций и государств, были внутренние социально-экономические противоречия в развитии первобытных племен, объяснение которым дал К. Маркс. «...Давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров... вторгаться в государства древнего мира... Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени... Рост численности у этих племен приводил к тому, что они взаимно лишали друг друга территории, необходимой для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено осуществлять те полные приключения великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»*.

Эта мысль Маркса имеет решающее значение для понимания механизма внутренних закономерностей первобытно-общинной и раннеклассовой эпохи. Наличие давления избытка населения на производительные силы обществ, находившихся на низком уровне развития, объясняет одно из самых важных и характерных событий далекого прошлого — причины передвижения племен и природу межплеменных войн.

При переселении племена захватывали большие территории, приводили в движение значительные массы населения. Расселение сарматов, например, которые, начиная с III в. до н. э., занимают территорию украинских степей, заставило живших здесь ранее скифов уйти в Крым и за Днестр. В северном направлении сарматы продвинулись в лесостепь к землям, занятым племенами возникшей здесь зарубинецкой культуры.

Заметная роль в истории Европы этого времени принадлежала кельтам. В V—III вв. до н. э., расселяясь с территории Франции и Швейцарии, они подчинили своей власти племена, населявшие Испанию, Британию, Северную Италию, Южную Германию, Чехию, частично Венгрию, Трансильванию и Фракию. Отдельные кельтские племена проникли в Южную Польшу и Закарпатье, Балканы и Малую Азию. Кельты, обладая высокой и самобытной культурой, оказали большое влияние на развитие покоренных и соседних с ними европейских племен, заимствовавших у кельтов многие достижения в самых различных областях жизни.

Кельтская военная гегемония пала во II в. до н. э., но созданная кельтами латенская культура оставалась и продолжала развиваться дальше, уже на местной почве. Особенно заметным было влияние латенской культуры на германские племена, которые переняли у кельтов многие производственные навыки в изготовлении железных орудий и инструментов, в сельскохозяйственном и ремесленном производстве, в изготовлении украшений и посуды, которая своими формами, способом обработки поверхности восходит к кельтским образцам (Филип, 1961, стр. 192).

Латенская культура не могла не оказать влияния и на племена, жившие на территории современной Украины, где были обнаружены различные металлические изделия кельтского происхождения или изготовленные на месте по кельтским образцам. Значительное количество таких предметов найдено в Среднем Приднепровье (Кухаренко, 1959, стр. 43, рис. 3).

* К. М а р к с. Вынужденная эмиграция.—К. Маркс, Ф. Энгельс. Об Англии. М., 1952, стр. 333.

Обширную область к юго-западу от Среднего Приднепровья на рубеже н. э. занимали многочисленные фракийские племена, жившие между Карпатами и Балканским полуостровом, между Тиссой на Западе и Днестром на востоке.

Фракийцы — геты и даки — достигли в то время значительных успехов в металлургическом и металлообрабатывающем ремесле, добывая железо, драгоценные и цветные металлы, изготавливая из них различные орудия и украшения. На высоком уровне находились также гончарное производство, сельское хозяйство, торговля, строительное дело (Федоров, 1960, стр. 11). Фракийские племена стояли на грани возникновения классового общества — в I в. до н. э. у них возник мощный племенной союз во главе с Баребистой, в I в. н. э. образовалось царство Децебала, представлявшее собой уже организацию государственного типа. Дальнейшее самостоятельное развитие этих племен было остановлено на рубеже I—II вв. н. э. Римской империей. Легионы Траяна после упорного сопротивления даков захватили страну, преобразовав ее в римскую провинцию. Дакия, как и более ранние фракийские образования — союз Баребисты и царство Децебала, оказала сильное влияние на население соседней северной территории, где в это время обитали племена лукашевской и липицкой культур (Федоров, 1960, стр. 14, 52). Фракийское влияние простиралось до Днепра, о чем свидетельствуют материалы нижнеднепровских городищ и поселений этого времени (Погрובה, 1958, стр. 244).

Лукашевскую культуру, распространенную в междуречье Среднего Днестра — Прута, исследователи считают принадлежащей племенам, известным у древних писателей под именем бастарнов (Федоров, 1960, стр. 54). На этой территории бастарны были пришлым населением. Они переселились сюда с Псвисленья в III—II вв. до н. э. Этническая принадлежность бастарнов неясна: Плиний считал их германцами, Страбон — фракийцами, Тит Ливий — кельтами. Среди современных ученых также нет единого мнения по этому вопросу (Мади, 1967). Археологические материалы свидетельствуют о том, что их культура своими корнями уходит в лужицко-поморскую культуру Повисленья, принадлежавшую в какой-то своей части к западной группе праславянских племен.

В бассейне верхней и средней Вислы находились земли племен пшеворской культуры. Пшеворская культура возникла на лужицко-поморской основе. Английские авторы называют это повисленское население венедами. По мнению польских исследователей, в венедах следует видеть древних славян (Kostrzewski, 1965, стр. 245). Подтверждением указанной точки зрения является, как считают эти ученые, несомненная генетическая связь пшеворской (венедской) и более ранней лужицкой культуры, которая считается в своей восточной части праславянской. Историк VI в. н. э. Иордан свидетельствует о том, что склавины и анты — достоверно славянские племена середины I тыс. н. э. — в древности назывались венедами и обозначение славян словом «венеды» сохранилось вплоть до средневековья у германцев и финнов. Возможно, что в состав венедов входили и другие восточные соседи германцев, например бастарны, а также племена, жившие к востоку от Вислы (Тереножкин, 1961, стр. 230, 231). Менее вероятным является предположение, что под этим именем следует понимать только древние западнославянские племена.

Значительную часть территории Верхнего Приднепровья занимали племена различных археологических культур, оставившие после себя названия рек и

местностей, которые свидетельствуют о том, что это население являлось по своему этническому происхождению балтами (Топоров, Трубачев, 1962, стр. 230, 283).

Что касается самого Среднего Приднепровья, то, как мы уже отмечали, прямых сведений о его населении, жившем на рубеже н. э., в письменных источниках не содержится.

Только на основании выявленных археологических памятников можно говорить о приднепровских племенах этой эпохи. Такими памятниками являются поселения и могильники зарубинецкой культуры, известной исследователям уже более 70 лет.

В предлагаемой работе на основе археологических источников рассматриваются особенности хозяйства, быта и культуры среднеднепровского населения III-II вв. до н. э.—I в. н. э., которое нельзя исключить из звеньев наиболее ранних периодов истории восточных славян.

Автор видит свою задачу в рассмотрении этих среднеднепровских зарубинецких памятников и не касается материалов последующего времени (II—V вв.), в какой-то мере обязанных своим происхождением зарубинецкой культуре и связывающих ее с достоверно славянскими древностями третьей четверти I тысячелетия (Третьяков, 1968, стр. 58—67).

Эти памятники представляют собой особую сторону зарубинецкой проблемы, решение которой позволит окончательно выяснить версию о славянском происхождении этой культуры, в связи с чем упомянутые послезарубинецкие поселения и могильники требуют к себе особого внимания и специального исследования.

ЗАРУБИНЕЦКАЯ ПРОБЛЕМА В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. СЛАВЯНЕ, ГЕРМАНЦЫ ИЛИ БАЛТЫ?

Зарубинецкая культура была открыта известным киевским археологом В. В. Хвойкой, который в 1899г. у с. Зарубинцы Киевского уезда Киевской губернии обнаружил могильник с трупосожжением и специфическим набором погребального инвентаря (Хвойка, 1901, стр. 172—190). Подобные могильники были зафиксированы ими в других местах Среднего Приднепровья — Вите, Ржищеве, Пшчальниках, Пуховке, Вишеньках, Кийлове (Хвойка, 1913, стр. 43; Петров/1959, стр. 32—60). Раскопки на них, однако, не производились.

20 лет спустя на территории польского Подляся и белорусского Полесья велись небольшие работы на могильниках зарубинецкого типа: у с. Гриневичи Бельки — З. Шмитом (Szmit, 1922, стр. 111—120), у с. Иванчицы — В. Антоневичем (Antoniewicz, 1928, стр. 173), у с. Казаргать — А. З. Коваленей и С. С. Шутовым (Коваленя і Шутаў, 1930, стр. 351—356).

В 1940—1941 гг. на Среднем Приднепровье у с. Корчеватого, возле Киева И. М. Самойловским был раскопан большой могильник (Самойловский, 1947, стр. 101—109; Самойловский, 1959, стр. 61—93). Война помешала И. М. Самойловскому завершить исследования этого памятника, большая часть инвентаря которого в годы войны была утеряна.

Новый этап в изучении зарубинецких памятников наступил после окончания Великой Отечественной войны. Зарубинецкую культуру рассматривают уже как один из этапов славянского этногенеза.

Первая послевоенная разведочная Поросская экспедиция, возглавляемая Т. С. Пассек, обнаружила несколько зарубинецких памятников (Пассек, 1949, стр. 215). В последующие годы киевскими археологами — В. А. Богусевичем, В. И. Довженком, Е. В. Махно, И. М. Самойловским, Н. В. Линка, а затем Е. В. Максимовым, В. И. Бидзилей, А. И. Кубышевым, А. М. Шовкопляс, Е. А. Петровской, А. П. Савчуком, В. Д. Дяденко и др. — были исследованы зарубинецкие памятники, находящиеся на берегах среднего течения Днепра.

Раскопки различного масштаба велись на поселениях, расположенных у сел Пирогов, Великие Дмитровичи, Ходосовка (Махно, 1959), Таценки, Зарубинцы, Монастырек (Максимов, 1964; 1969б), у г. Канева (Богусевич и Линка, 1959; Максимов, 1971), в самом Киеве на горе Юрковице (Шовкопляс, 1969, стр. 78) и в прибрежной части города (Шовкопляс, 1971), а также севернее Киева — в с. Лютеж (Бидзиля и Пачкова, 1969).

Исследуется большой могильник южнее Киева, недалеко от с. Пирогов, раскопки которого уже в первый сезон дали перспективный материал (Кубышев и Максимов, 1969), и небольшой могильник, открытый к северу от Киева, у с. Хотяновка (Максимов, 1969б).

Отдельные погребения и обломки керамики были найдены на некоторых древнерусских приднепровских городищах: Витачев, Триполье, Ходоров, Щучинка, Иван, что указывает на существование здесь зарубинецких могильников и поселений (Кубишев и Куза, 1971).

В 50—60-е годы зарубинецкие памятники были найдены на берегах многих притоков Днепра. Это поселения на Тетереве (Куза, 1964; Максимов, 1969) и Ирпене, на Десне и ее притоке Сейме (Березовец, 1955), поселения Сахновка и Мержичи на Роси (Довженок и Линка, 1959), Суботовская группа памятников на Тясмине (Максимов, 1960).

П. И. Хавлюк открыл позднезарубинецкие поселения и могильник в среднем течении Ю. Буга и примыкающей с запада территории Поднестровья (Хавлюк, 1971), что имеет большое значение для представления о судьбах зарубинецкого населения в первые века н. э.

Важные для зарубинецкой проблематики сведения поступили с юга, где при раскопках нижнеднепровских позднескифских городищ и могильников была найдена зарубинецкая чернолощенная керамика (Граков, 1954, стр. 98; Погребова, 1958, стр. 139; Вязьмітiна, 1962, стр. 138).

В 50-е годы успешно проводились исследования северных областей распространения зарубинецкой культуры — Верхнего Приднепровья, Припятского Полесья и Верхнего Подесенья.

В Верхнем Приднепровье экспедиции Института археологии АН СССР, возглавляемые П. Н. Третьяковым, Ю. В. Кухаренко и О. Н. Мельниковской, производили раскопки на поселениях у деревень Чаплин (Третьяков, 1959), Мохов, Горошков и на Чаплинском могильнике (Кухаренко, 1959, стр. 154—180). Могильник раскопан на значительной площади; тут найдено 282 погребения, большая часть которых исследована белорусским археологом Л. Д. Поболем (Поболь, 1960).

П. Н. Третьяковым и Е. А. Шмидтом (Третьяков и Шмидт, 1963; Шмидт, 1959, стр. 181—183) были исследованы позднезарубинецкие поселения в районе Смоленска (Козичина, Верхние Немыкари, Хотылево, Спартак).

С 1952 г. в бассейне Припяти большие полевые работы проводились экспедициями Института археологии АН СССР и Государственного Эрмитажа под руководством Ю. В. Кухаренко (Кухаренко, 1961) и К. В. Каспаровой (Каспарова, 1967). Здесь были открыты и исследованы несколько могильников зарубинецкой культуры.

Интересные результаты дало изучение бассейна верхней Десны. Ф. М. Заверняев и А. К. Амброз (Заверняев, 1969; Амброз, 1964) открыли и в различном объеме исследовали поселения зарубинецкого времени Почеп и Синьково.

Результаты полевого изучения памятников зарубинецкой культуры опубликованы в упомянутых выше работах. В материалах к археологическим картам, составленных Е. В. Махно, И. М. Самойловским и Ю. В. Кухаренко, перечислено более 100 зарубинецких поселений и могильников (Махно и Самойловский, 1959; Кухаренко, 1959, стр. 11—21).

Ю. В. Кухаренко ввел в научный оборот памятники Полесья и опубликовал в 1964 г. сводку зарубинецких материалов Полесья и Приднепровья (Кухаренко, 1961; 1964).

Несмотря на несомненные достижения в полевом изучении зарубинецкой культуры, источниковедческая база все еще далека от своей необходимой пол-

ноты. На Среднем Приднепровье по-прежнему слабо изучены могильники, в бассейне Припяти не обнаружено хорошо сохранившихся поселений. Материалы Верхнего (гомельского) Приднепровья из-за их недостаточной публикации плохо известны, а на Побужье и Подесенье исследования только начаты. Многие важные вопросы истории зарубинецких племен остаются пока еще дискуссионными именно из-за незначительного количества опубликованных археологических материалов.

Недостаточность исторических источников способствовала появлению разногласий во взглядах исследователей, касающихся основных вопросов интерпретации зарубинецкой культуры, таких как ее генезис, хронология, хозяйственная деятельность, исторические судьбы, этническое определение.

В качестве примера можно сослаться на проблему возникновения и исчезновения зарубинецкой культуры и ее этнического содержания.

В. В. Хвойка считал зарубинецкую культуру местной. Это был, по его мнению, период, следующий за скифским и предшествующий славянской культуре Черняховского типа. Наличие у зарубинцев погребального обряда трупосожжения, свойственного славянам, а также керамики, близкой «скифскому типу», по мнению В. В. Хвойки, указывали на славянскую принадлежность зарубинецкой культуры (Хвойка, 1913, стр. 43). Новые черты, в частности наличие фибул, В. В. Хвойка объяснял влиянием латенской культуры Средней Европы.

Однако взгляды В. В. Хвойки не получили поддержки у большинства отечественных ученых начала XX века. Такому положению способствовали и недостаточная убедительность аргументации В. В. Хвойки, и утверждения немецких археологов того времени о германской принадлежности Зарубинецкого могильника. Но самым важным фактором были взгляды, разделявшиеся почти всеми видными историками того времени, о сравнительно позднем появлении славян в Восточной Европе. Считалось, что они появились здесь не ранее середины I тыс. н. э., то есть через 500—600 лет после возникновения зарубинецкой культуры. Поэтому даже наиболее прогрессивные русские ученые, как правило, воздерживались от объяснения этноса и происхождения зарубинецкой культуры. Так, в 1910 г. крупнейший русский археолог В. А. Городцов отнес население этой культуры к славяно-германской языковой семье (Городцов, 1910, стр. 403). В 30-е годы известный исследователь нашей древней истории — Ю. В. Готье, касаясь проблемы славянской принадлежности населения зарубинецкой культуры, писал, что этот «вопрос открыт, в нем много загадочного и при теперешнем состоянии наших знаний он не может быть разрешен в утвердительном смысле» (Готье, 1930, стр. 16).

Гипотеза В. В. Хвойки о местном происхождении зарубинецкой культуры: поддерживалась лишь теми немногими археологами, которые имели дело непосредственно с археологическим материалом предшествующего — позднескифского — времени. В связи с этим следует, прежде всего, назвать известного русского скифолога М. И. Ростовцева. Рассматривая позднескифские памятники днепровского Лесостепного Правобережья, он допускал наличие генетической связи: между ними и культурой полей погребальных урн. «Каневская группа скифских курганов,— писал Ростовцев,— составляет мост к еще более поздним памятникам Киевщины, к полям погребальных урн римского императорского времени, где определяющими являются типичные вещи Латенского типа, которые вновь

вводят нас в широкую среду развития культурной жизни Западной Европы, на этот раз в первые века христианской веры» (Ростовцев, 1925, стр. 504).

Немецкий археолог Макс Эберт, работавший одно время в нашей стране, также высказывался за принадлежность зарубинецкой культуры местному населению, на что, по его мнению, указывала связь погребального обряда этой культуры с позднейшими скифскими курганами с трупосожжением (Ebert, 1929, стр. 111).

Коренным образом положение изменилось после Великой Отечественной войны. В среде советских исследователей идеи Хвойки нашли многочисленных сторонников. Такое положение объяснялось интенсификацией разработки проблемы происхождения славян, в которой важное место отводили зарубинецкому звену.

В 1947 г., в предварительной публикации результатов раскопок Корчеватовского могильника, И. М. Самойловский отметил, что материалы этого памятника указывают на автохтонность оставившего его населения. В простой керамике, найденной на могильнике, заметны черты, роднящие ее с посудой предшествующей скифской эпохи. Об этом же свидетельствуют и погребения с обрядом трупоположения, обнаруженные в небольшом количестве на могильнике (Самойловский, 1947).

В 1948 г. вышла книга П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена», в которой зарубинецкая культура рассматривается как важный этап раннего периода славянской истории. Наличие генетических связей зарубинецких племен с земледельческими племенами Геродотовой Скифии в то время у П. Н. Третьякова сомнений не вызывало (Третьяков, 1948, стр. 43).

В 1950 г. московский скифолог П. Д. Либеров, изучавший скифские курганы Киевщины, пришел к выводу, что между этими курганами и «полями погребений» имеется много общего в особенностях обряда и в погребальном инвентаре. На этом основании П. Д. Либеров сделал вывод о наличии на Киевщине «единой этнической основы со времени бронзовой эпохи до самого предславянского времени» (Либеров, 1950, стр. 83).

В 1953 г. таких же взглядов придерживались Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. По их представлениям, в послескифский период, начиная со II в. до н. э., «продолжается дальнейшее развитие местной культуры и прежние навыки, в частности обряд трупосожжения и сильные связи с западными славянскими областями, несколько ослабленные под влиянием собственно скифской культуры в VIII—III вв. до н. э., получают вновь дальнейшее развитие, пока не оформляются, наконец, в раннюю культуру полей погребений» (Граков, Мелюкова, 1953, стр. 121).

Культуру позднескифских племен правобережного Среднего Приднепровья изучала московский археолог В. Г. Петренко. Анализ материалов памятников, расположенных на правобережных притоках Днепра — Тясмине и Роси, привел ее к выводу, что «совокупность данных относительно характера поселений, хозяйства, керамики и погребального обряда населения IV—III вв. до н. э. в Лесостепном Правобережье и населения «полей погребений» позволяют с большей определенностью предполагать наличие между ними генетической связи» (Петренко, 1961, стр. 100).

По мнению А. И. Тереножкина, истоки зарубинецкой культуры лежат в местной скифообразной культуре Среднего Приднепровья, «которая ведет свое про-

исхождение от чернолесской и белогрудовской культур позднего бронзового и самого начала железного веков». Возникнув в Среднем Приднепровье в конце III—II вв. до н. э., зарубинецкая культура распространяется отсюда на север, запад и юг. Во время своего расселения зарубинецкие племена включают в свой состав остатки подгорцевских (милоградских) и юхновских племен. С этим расселением связано появление зарубинецких памятников в западном Полесье, на Десне, на Нижнем Днепре (Тереножкин, 1961, стр. 8, 240).

Таким образом, идею В. В. Хвойки о происхождении зарубинецкой культуры Среднего Приднепровья из местной культуры скифского времени днепровского Лесостепного Правобережья поддержали многие археологи, отмечавшие сходство конструкций жилищ, форм кухонной керамики и пр.

Однако эта гипотеза не может удовлетворительно объяснить различия между скифской лесостепной и зарубинецкой культурами в топографии поселений, погребальном обряде, керамике, украшениях, предметах обихода, особенно заметного в северных районах зарубинецкой территории.

Не меньшие различия наблюдаются между зарубинецкой и подгорцевской культурами. Последнюю В. Н. Даниленко считает древнеславянской (Даниленко, 1953, стр. 240), происходящей от местной (лебедевской) культуры конца эпохи бронзы и начала эпохи железа. В. Н. Даниленко полагает, что памятники зарубинецкой культуры на Среднем Приднепровье существовали с III в. до н. э. по III в. н. э., а севернее они известны и в более позднее время.

Мысль, что подгорцевская культура является праславянской и лежит в основе зарубинецкой культуры, одно время разделял и П. Н. Третьяков (Третьяков, 1958, стр. 32). Однако раскопки памятников милоградской культуры, проведенные им и О. Н. Мельниковской, показали, что генетических связей между милоградской и зарубинецкой культурами не наблюдается. Зарубинецкая культура проникает на территорию милоградской культуры постепенно и, существуя там около 200 лет, в конце концов ассимилирует местный этнический субстрат (Третьяков, 1960, стр. 40), чем и объясняется некоторое сходство между милоградской и зарубинецкой культурами Верхнего Приднепровья.

Подобную точку зрения разделяет О. Н. Мельниковская (Мельниковская, 1963; 1963а).

Идею о подгорцевско-милоградской основе зарубинецкой культуры отстаивает белорусский археолог Л. Д. Поболь. По его мнению, «племена зарубинецкой культуры вообще, и территории БССР в частности, имеют свои истоки у племен более древней милоградской культуры, что вытекает из характера поселений, керамики, орнамента, погребального обряда и т. д.». По мнению Л. Д. Поболь, зарубинецкая культура существовала с середины III в. до н. э. до середины II в. н. э., занимая значительную территорию Восточной Европы — от водораздела Западной Двины и Припяти на севере до Тясмина и Роси на юге, от Десны и Сожа на востоке до Буга и Днестра на Западе (Поболь, 1960, стр. 17).

Большое распространение получили теории, совершенно по-иному объясняющие появление памятников зарубинецкого типа. Так, немецкий археолог Пауль Рейнеке еще в 1906 г. отнес Зарубинецкий могильник к одному из древнегерманских племен, переселившемуся в конце I тысячелетия до н. э. с Прибалтики в Среднее Приднепровье. Рейнеке аргументировал свое мнение тем, что зарубинецкие кружки с ручкой, чернолощенные горшки и бронзовые булавы с плоской, круглой и жезловидной головками аналогичны предметам из

нижнего Повисленья, занятого в то время, по утверждению немецких ученых, древнегерманским населением (Reinecke, 1906).

В 1930 г. другой немецкий археолог Курт Такенберг объявил зарубинецкую культуру принадлежащей западногерманскому- племени скиров, опять-таки переселившемуся с нижнего Одера на Среднее Приднепровье. В отличие от Рейнеке, Такенберг считал большую часть вещей, обнаруженных в Зарубинецком могильнике, а именно: лощеные кружки с ручкой, ребристые миски, а также фибулы, непригодными для определения этнической принадлежности зарубинецкого населения, поскольку эта керамика отражает влияние греко-римской культуры, а фибулы имеют очень широкий, захватывающий многие культуры ареал распространения. Этническим определителем Такенберг предложил считать зарубинецкие лощеные горшки, украшенные по корпусу шишечками или полукруглой формы подковками, и бронзовые булавки, аналогии которым есть в комплексах латенского времени территории Нижнего Одера, на которой в это время жили скиры (Tackenberg, 1930, стр. 283).

Однако сходство отдельных групп инвентаря у различных культур не доказывает их идентичности или генетической близости. Такой прием исследования методически неправилен. Поэтому взгляды Рейнеке—Такенберга признать научно аргументированными, что не мешает им оставаться на Западе весьма популярными.

Результатом миграции объясняют появление зарубинецкой культуры многие польские исследователи. Но их концепция содержит совсем иные исторические выводы. Согласно взглядам Ю. Костжевского, зарубинецкая культура принадлежала славянам. Возникла она в I в. н. э. на основе западнославянских позднелужицкой и поморской культур. Сам факт появления зарубинецкой культуры на Приднепровье является отражением первой по времени экспансии древних славян в I—II вв. н. э. с земель их прародины, располагавшейся между Вислой и Одером, на восток, в бассейн Среднего Приднепровья (Kostrzewski, 1961, стр. 103).

В среде советских ученых мнения о пришлом характере зарубинецкой культуры придерживаются М. И. Артамонов, Ю. В. Кухаренко, Д. А. Мачинский, В. В. Седов и др. Наиболее отчетливо оно сформулировано у Ю. В. Кухаренко (Кухаренко, 1960; 1964). По его мнению, зарубинецкая культура не могла сложиться в Среднем Приднепровье, поскольку она генетически не увязывается ни с одной из предшествовавших ей по времени культур этой территории, на юге которой обитали скифские племена, а на севере — балтские. Памятники зарубинецкой культуры по погребальному обряду, устройству жилищ и поселений, составу инвентаря резко отличны от памятников указанных предшествующих культур. Зато у них есть много общего с памятниками лужицкой и поморской культур, территория распространения которых захватывает западные районы Припятского Полесья и Волыни. Эта территория и явилась областью формирования зарубинецкой культуры. Ее создателями были переселившиеся из польского Поморья племена, смешавшиеся в Полесье и Волыни с местным лужицким населением. Для первых характерны подклешевые могильники типа Головно, датирующиеся IV—II вв. до н. э., для вторых — могильники более раннего времени типа Могиляны. Между этими памятниками и более поздними зарубинецкими существуют связывающие их элементы сходства, например небольшие кружки с ушком, характерные для лужицких и для зарубинецких погребений, или сосу-

ды с хрупчатой (бугристой) поверхностью, известные из подклешевых погребений зарубинецких могил Полесья.

Поскольку зарубинецкая культура возникла в Западном Полесье, на этой территории встречаются наиболее ранние зарубинецкие памятники II в. до н. э. В области же Приднепровья зарубинецкая культура появляется не ранее I в. до н. э. Ее появление здесь произошло вследствие переселения из Западного Полесья носителей зарубинецкой культуры.

Не все аргументы этой концепции Ю. В. Кухаренко подтверждаются конкретными материалами.

Прежде всего, вызывает сомнение предложенная им датировка среднеднепровской группы зарубинецкой культуры, памятники которой, по найденным на них фибулам среднелатенских типов, определяются, по мнению М. И. Артамонова, тем же временем, что и полесские (Артамонов, 1967, стр. 45), или даже являются более ранними, о чем свидетельствуют фрагменты амфор, найденные на среднеднепровских поселениях (Максимов, 1969а).

В результате дальнейшего изучения этого вопроса Ю. В. Кухаренко должен был прийти к выводу, что зарубинецкая культура в Полесье и Приднепровье появилась в общем в одно время, то есть, по его убеждению, в конце II в. до н. э. (Кухаренко, 1964, стр. 54).

Основная же мысль Ю. В. Кухаренко о том, что зарубинецкая культура является модификацией продвинувшейся на восток поморской культуры, не нашла одобрения у многих отечественных исследователей, поскольку археологические материалы свидетельствуют о более сложной ситуации. Вот, например, одно историческое несоответствие поморской концепции, на которое обратил внимание П. Н. Третьяков: «если рассматривать поморские племена в качестве основных предков зарубинецких племен, остается совсем неясным, почему на основе лужицкой и поморской культур в бассейне Вислы сложилась пшеворская культура, а в верховьях Припяти, где также известны и лужицкие, и поморские памятники, — зарубинецкая, по ряду признаков отличавшаяся от пшеворской?» (Третьяков, 1966, стр. 215).

Д. А. Мачинский, один из сторонников поморской теории, видит в этой культуре, занимавшей в IV—II вв. до н. э. бассейны Вислы, Одера, верхнего Днестра и верхней Припяти, предшественницу зарубинецких памятников и разделяет их на четыре группы: Припять, Верхний Днепр, Средний Днепр и Десна, Прут и Днепр. Различия между этими группами были обусловлены, прежде всего, неоднородностью состава самих поморских племен, а затем — неодинаковыми местными условиями. Наибольшее сходство наблюдается между среднеднепровской и западнополесской группами. Поэтому под зарубинецкой культурой Д. А. Мачинский предлагает понимать именно эти группы памятников. Областью первоначального формирования среднеднепровской группы Д. А. Мачинский считает не Полесье, как Ю. В. Кухаренко, а территорию бассейнов Верхней и Средней Вислы, Западного Буга и Верхнего Днестра (Мачинский, 1966, стр. 4, 7). Из этих областей раннезарубинецкое население переселилось потом в Среднее Приднепровье, через Южную Волинь и Подолию.

Отмеченные выше предположения Д. А. Мачинского не увязываются с некоторыми бесспорными фактами.

Так, зарубинецкая культура Среднего Приднепровья, датируемая античными материалами, оказалась на столетие более ранней и, следовательно, не

зависимой от поморских племен, «стремительно продвинувшихся на восток в конце II в. до н. э.»

Далее, предположение, что местом формирования зарубинецкой культуры Среднего Приднепровья была территория бассейнов Верхней и Средней Вислы, Западного Буга и Верхнего Днестра, не подтверждается, поскольку памятники переходного (от поморского к зарубинецкому) типа или раннезарубинецкого времени здесь неизвестны.

Мы не утверждаем, однако, что не было вообще никаких передвижений на территорию, занятую впоследствии зарубинецкой культурой. Но одними миграциями невозможно объяснить сложный исторический процесс возникновения этой культуры. Он был более многогранным, и для его реконструкции надо учитывать как внутренние изменения в жизни племен, так и внешние явления — влияния, передвижения, диффузии.

Сам же по себе один миграционизм, согласно которому археологические культуры привносятся извне, а смена культур происходит в результате заимствований или переселений, не может правильно осветить процесс появления новой культуры. Но и автохтонизм, объясняющий это явление постепенным развитием местных форм, лишенных всяческих перерывов, не в состоянии интерпретировать многие факты, которыми располагает наука. Поэтому археологическую культуру нужно рассматривать как категорию историческую, формирующуюся и изменяющуюся во времени, в соответствии с изменением внутренних социально-экономических и внешних политических условий.

В таком плане освещается этот вопрос в последних работах В. П. Петрова и П. Н. Третьякова (Петров, 1963, стр. 36; Третьяков, 1962; 1966; 1968).

В Среднем Приднепровье, в отличие от более северной—лесной — зоны, всегда происходили передвижения племен, осложнявшие ход этнического процесса. Новые археологические культуры нередко представляли собой образования, появившиеся на территориях, ранее занятых племенами иных этнических обликов. В полной мере это положение относится и к зарубинецкой культуре, которая известна на территории, принадлежавшей в предыдущий период трем группам племен с культурами различного облика. На западе этой территории обитали племена лужицкой, затем поморской культур, на северо-востоке — милоградские племена, южнее — на Среднем Приднепровье — племена окраинной Скифии. Это обстоятельство и способствовало возникновению трех теорий происхождения зарубинецкой культуры: западной, милоградской и скифской. Однако эти теории не в состоянии удовлетворительно объяснить многогранный вопрос генезиса зарубинецкой культуры. П. Н. Третьяков считает, что решить эту проблему можно лишь в том случае, если представлять зарубинецкую культуру как синтез местных среднеднепровских и западных элементов, как результат сложной культурно-этнической интеграции (Третьяков, 1966, стр. 217).

О местных корнях зарубинецкой культуры свидетельствует наличие в среднеднепровской зарубинецкой керамике не столько черт скифского времени, сколько предскифского — белогрудовского и чернолесского. Это — тюльпановидные формы сосудов, хребоватые горшки с лощенной шейкой и валиком по корпусу, орнамент в виде шишечек и подковок. На эти особенности зарубинецкой посуды исследователи уже обращали внимание. По мнению В. Г. Петренко, их наличие можно объяснить возрождением в послескифское время древних доскифских традиций (Петренко, 1961, стр. 100). П. Н. Третьяков думает иначе. Он считает, что «в меж-

дуречье Днепра и Днестра имелось население, непрерывно сохранявшее эти старые элементы от «доскифского» и вплоть до зарубинецкого времени» (Третьяков, 1966, стр. 218). Это были племена северо-западной окраины Скифии, жившие в глухих местах верхнего Поросья, на Стугне, Ирпене и по притокам Тетерева, а также западнее — в Подолии, почти не затронутые скифским экономическим, политическим и этническим влияниями, сохранившие в скифскую эпоху древние особенности белогрудовско-чернолесской культуры, потомки тшинецко-комаровских племен эпохи бронзы, родственных лужицко-поморскому населению Повисленья. «После того, как «скифская» оседлость в правобережной части Среднего Приднепровья рухнула под ударами сарматов, остатки собственно скифских элементов отошли на Нижний Днепр. Племена, занимавшие более северные и северо-западные области, менее пострадавшие от сарматов, оказались в этих условиях наиболее сильной и многочисленной группой населения между Средним, Днепром и Верхним Днестром. Здесь и возникла зарубинецкая культура, носители которой к исходу II в. до н. э. продвинулись к Днепру и за Днепр. Припятское Полесье было окраиной территории этих племен, скорее всего глухой окраиной, где культура имела более примитивный облик» (Третьяков, 1966, стр. 219).

Эта точка зрения более правильно отражает сущность исторического процесса, проходившего более 2000 лет тому назад на территории Центральной и Восточной Европы.

Конечно, далеко не все положения о месте и времени, слагаемых силах и других факторах, определяющих содержание процесса «генезис зарубинецкой культуры», уже доказаны. В частности, не подтверждается предположение П. Н. Третьякова о существовании на территории северо-западной Скифии племен, сохранивших в скифское время черты белогрудовско-чернолесской культуры. Здесь жило население, материальная культура которого не отличалась от культуры скифов-пахарей (Тереножкін, 1965) или подгорцевских племен (Петровська, 1964).

Есть и другие недоказанные предположения, свидетельствующие о том, что вопрос о происхождении зарубинецкой культуры еще нельзя считать окончательно решенным. Однако направление, развиваемое в работах П. Н. Третьякова, представляется правильным.

Не менее сложна проблема исторических судеб зарубинецкой культуры.

Помимо взгляда на зарубинецкую культуру как на субстрат черняховской (эта мысль была высказана В. В. Хвойкой и в настоящее время разделяется полностью или с известными оговорками М. Ю. Брайчевским, Е. В. Махно, Э. А. Сымоновичем и др.) (Брайчевский, 1964, стр. 3; Махно, 1950, стр. 72; Сымонович, 1962, стр. 42) существует мнение, что зарубинецкая культура «не оставила после себя сколько-нибудь заметных следов на той территории, на которой она была распространена». Такого взгляда придерживается Ю. В. Кухаренко, полагающий, что носители этой культуры были ассимилированы местным, главным образом балтийским населением, обитавшим в то время к востоку и северо-востоку от р. Горыни (Кухаренко, 1964, стр. 5).

В. В. Седов полагает, что «на рубеже I—II вв. зарубинецкое население оставляет Припятское Полесье и Среднее Поднепровье и переселяется в северо-восточном направлении» (Седов, 1966, стр. 13). В результате смешения зарубинецкого населения с местными балтскими (юхновскими) племенами в Подесенье складывается почепская, в левобережном поречье Верхнего Днепра — обидненская,

в бассейне Верхней Оки — мощинская культуры. Им соответствует распространение западнобалтийских гидронимов, что дает основание говорить о западнобалтийском происхождении зарубинецкого населения, которое, таким образом, проделало путь от Повисленья до Верхнеокского бассейна, где его и зафиксировала древнерусская летопись под именем голяди.

По мнению П. Н. Третьякова, судьбы зарубинецкого населения были более сложными (Третьяков, 1966, стр. 220—225). Та его часть, которая оказалась в северной части черняховской территории, была вытеснена черняховцами. На землях же, не занятых черняховской культурой (к северу от Житомира — Киева), зарубинецкая культура продолжала существовать. Лишь отдельные зарубинецкие племена под давлением готов, появившихся здесь в середине II в. н. э., могли отойти на север от Припяти по ее левым притокам или на восток, за Днепр.

Главным путем продвижения зарубинцев были Десна и Сож, где известны позднезарубинецкие памятники в районах Чернигова, Путивля, Почепа, Трубчевска, севернее Смоленска. Здесь зарубинецкие племена оказались в окружении балтов, что немало способствовало историческому обособлению восточного славянства.

Переселение зарубинецких племен привело к появлению важного аргумента их славянской принадлежности, а именно: «факт повторяемости речных названий славянского происхождения, с одной стороны, на Правобережной Украине, в среднем течении Днестра и прилегающих к нему верховьях Западного Буга, по Стъри, Горьни и Случи, а также по среднему течению Днепра и, с другой стороны, в бассейне Десны, Сожа и Ипути» (Топоров и Трубачев, 1962, стр. 244, карта 9).

Таким образом, зарубинецкие племена, теснимые в первые века н. э. готами и черняховцами, продвинулись на северо-восток и постепенно славянизировали обитавших в восточной части Верхнего Приднепровья балтов.

В середине I тысячелетия н. э. балто-славянское население снова продвинулось в Лесостепь, в области, некогда занятые зарубинецкими племенами, — на средний Днепр, Рось, Тясмин и верховья Южного Буга. Культура этих славян сохранила основные свои формы, которые сложились у них еще в зарубинецкое время, и дополнилась новыми чертами, приобретенными в процессе ассимиляции балтов (Третьяков, 1966, стр. 302).

Изложенная выше концепция П. Н. Третьякова о судьбах зарубинецкой культуры нуждается, естественно, в подтверждении археологическим материалом.

В равной мере это относится и к гипотезе В. Н. Даниленко, считающего зарубинецкую культуру основной линией развития славян на Поднепровье и усматривающего в памятниках так называемого киевского типа позднейший зарубинецкий этап, непосредственным производным которого являются памятники IV—V вв. типа Колочина (Даниленко и др., 1967, стр. 214).

Такой, в общих чертах, выглядит в научной литературе зарубинецкая проблема. Как видим, единой точки зрения по всем ее важнейшим вопросам пока не существует. Для подтверждения имеющихся гипотез или же для обоснования новых положений нужны новые материалы, новые данные. Мы уже не говорим о том, что для решения этой проблемы, одной из самых запутанных в нашей древней истории, нужен объективный подход к источникам.

ПАМЯТНИКИ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕМ ПРИДНЕПРОВЬЕ

На территории Среднего Приднепровья, согласно данным Е. В. Махно и И. М. Самойловского, относящимся к 1959 г., известно 66 памятников зарубинецкой культуры (Махно и Самойловский, 1959).

В 1964 г. Ю. В. Кухаренко назвал всего 29 зарубинецких памятников на том основании, что к ним могли быть причислены инокультурные памятники или же такие, принадлежность которых является спорной (Кухаренко, 1964, стр. 8, 61).

В число зарубинецких действительно могли попасть памятники иной культурной принадлежности, если на них во время разведки встречались материалы, присущие зарубинецкой культуре, например фибулы латенской конструкции. Но у Ю. В. Кухаренко не было достаточных причин исключить из числа зарубинецких такие памятники, как Суботовское поселение и могильник или отнести к «условно зарубинецким» сами Зарубинцы, которые, по его мнению, «своим историко-культурным комплексом резко отличаются от зарубинецких». Эталоном зарубинецкой культуры считаются все же не памятники Полесья, как полагает Ю. В. Кухаренко, а Зарубинцы и другие аналогичные могильники и поселения Среднего Приднепровья. П. Н. Третьяков считает, что «Припятское Полесье было окраиной территории зарубинецких племен, скорее всего — глухой окраиной, где культура имела более примитивный облик» (Третьяков, 1966, стр. 219). Сравнение среднеднепровских и полесских материалов убеждает в справедливости этого мнения.

В Среднем Приднепровье в настоящее время известно более 100 памятников зарубинецкого типа (рис. 1). Дальнейшие исследования этой территории увеличивают количество памятников, подобно тому как это произошло в Верхнем Поднепровье (в Южной Белоруссии), где до недавнего времени памятники исчислялись единицами, а теперь их насчитывают более 150 (Поболь, 1966).

В настоящее время большая часть среднеднепровских памятников представлена материалом, собранным на поверхности, поэтому среди них возможны и не зарубинецкие. Однако около трети всех поселений и могильников были исследованы различного масштаба раскопками, материалы которых (архивные и опубликованные) получили отражение в нашей сводке. Они дают представление о зарубинецкой культуре Среднего Приднепровья по данным на 1968 г.

1. Райки Бердичевского района Житомирской области.

Во время раскопок древнерусского городища, занимавшего высокий речной мыс, обнаружена зарубинецкая лощеная кружка с ручкой (Гончаров, 1950, стр. 8). По-видимому, здесь был могильник зарубинецкой культуры.

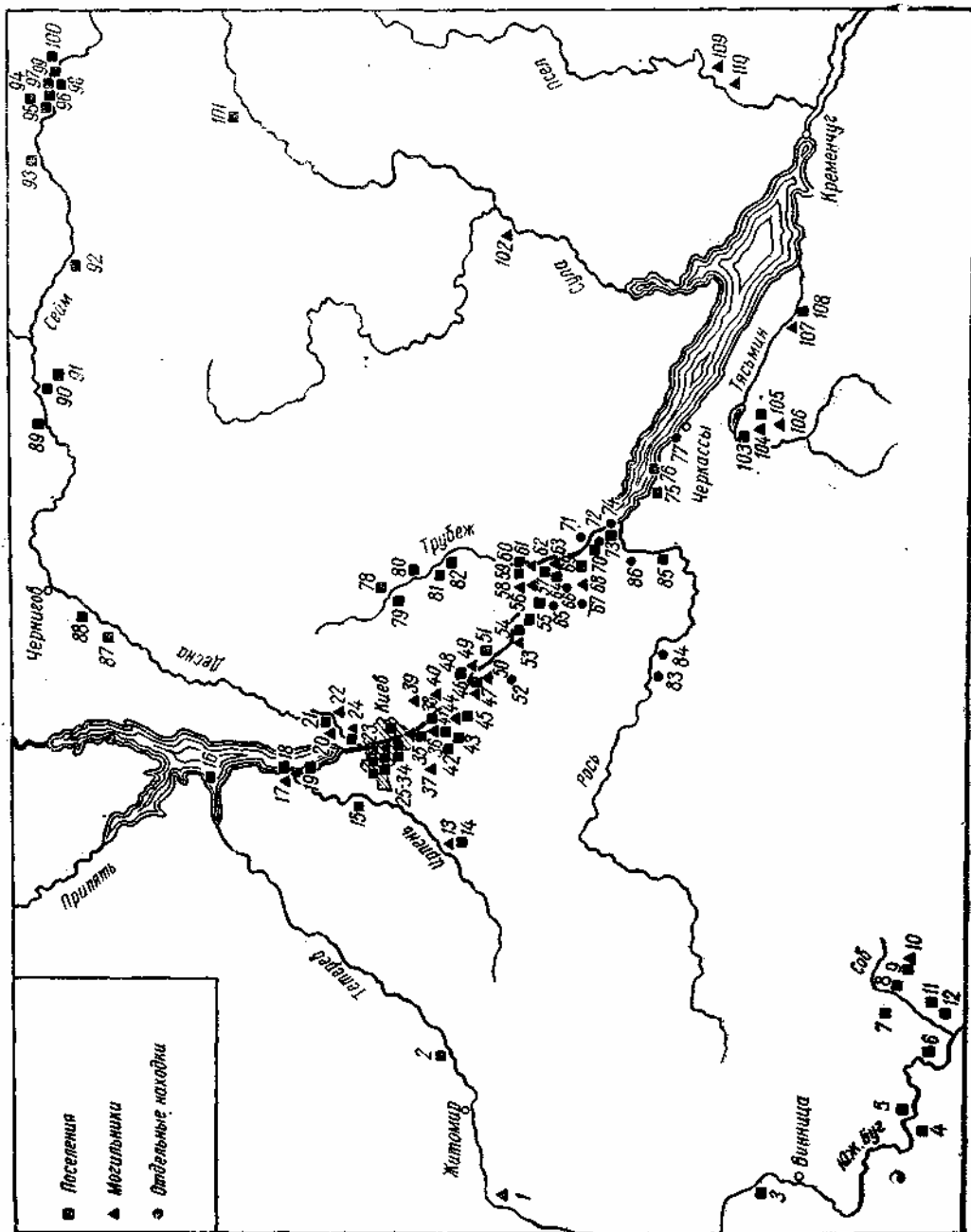

Рис. 1. Зарубинецкие поселения, могильники и отдельные находки на территории Среднего Приднепровья.

1 — Райки; 2 — Тетеревка; 3 — Ровец; 4 — Бортники; 6 — Остатковцы; 6 — Соколы; 7 — Носовцы; 8 — Хутор Карбовский; 9, 10 — Рахны; 11 — Марьяновка; 12 — Тетеревка; 13, 14 — Белгородка; 15 — Ирпене; 16 — Почаина; 17, 18 — Казаровичи; 19 — Лутеж; 20, 21 — Хатяновка; 22 — Пуховка; 23, 24 — Погребы; 25 — Киев; 26 — Юрковичи; 27 — Подол; 28 — Львовская площадь; 29 — Киселевка; 30 — Старокиевская гора; 31 — Печерк; 32 — Лыбель; 33 — Николаевская слобода; 34 — Корчевато; 35, 36 — Пирогов; 37 — Вита; 38 — Чапалева; 39 — Бортники; 40 — Вишеньки; 41 — Ходосовка; 42 — Великие Дитровицы; 43 — Новые Безрадыки; 44, 45 — Таленки; 46, 47 — Триполье; 48, 49 — Кийлов; 50 — Витаеве; 51 — Рудак; 52 — Стретьова; 53, 54 — Ржищев; 55 — Балыко-Шушчица; 56 — Ходоров; 57 — Великий Букрин; 58 — Трахтемирол; 59 — Монастырек; 60, 61 — Зарубинцы; 62 — Бучак; 63, 64 — Селище; 65 — Пинальнички; 66 — Гринищенцы; 67 — Курилівка; 68 — Тростяне; 69 — Гора Московка — Канев; 70 — Палинцова гора — Канев; 71 — Келляво; 72 — Цекери; 73, 74 — Хутор Хмельная; 75 — Мошны; 76 — Сантовок; 77 — Чернысь; 78 — Севляше; 79 — Пасеница; 80 — Коржич; 81 — Пригетрови; 82 — Волчок; 83 — Богуслав; 84 — Вельцы; 85 — Сахновка; 86 — Межечки; 87 — Шестовица; 88 — Таблевка; 89 — Старая Бутовка; 91 — Салтыкова Девица; 92 — Обирок; 93 — Хутор Червоный ралок; 94 — Путивль; 95 — Новая Слобода; 96 — Максимка; 99 — Старая Бутовка; 99 — Волынецово; 100 — Хорьвенка; 101 — Басовка; 102 — Дурицы; 103 — Заданка; 104, 105 — Жаботин; 106 — Митхайловка; 107 — Суботов; 108 — Верхняя Магуловка; 110 — Дьяченки.

2. *Тетеревка* Коростышевского района Житомирской области. Поселение расположено на высоком мысу левого берега р. Тетерев (Куза, 1964). Раскопками установлено наличие маломощного и слабонасыщенного культурного слоя. Жилища и ямы не найдены. Обломки керамики принадлежат зарубинецким лощеным остроплечим (поздним) мискам и горшкам, а также кухонным горшкам с шершавой и бугристой поверхностью. Некоторые из них украшены по венчику зашипами или жемчужным орнаментом. Найдена бронзовая булава с петлевидной головкой, железный шлак и обломок льячки.

3. *Ровец* Винницкого района и области. Поселение с керамикой зарубинецкоготипа обнаружено (Березовец, 1948, стр. 21) на правом берегу Южного Буга, в 400 м к востоку от нижней мельницы.

4. *Бортники* Тульчинского района Винницкой области. Поселение, по данным П. И. Хавлюка, находилось на надпойменной террасе правого берега Южного Буга.

5. *Остатковцы* Немировского района Винницкой области.

Поселение расположено на высоком левом берегу Южного Буга между двумя оврагами у северной окраины села. Здесь были собраны обломки зарубинецкой керамики, куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев, шлак (Березовец, 1948, стр. 22).

6. *Соколы* Гайсинского района Винницкой области.

Поселение расположено в пойме Южного Буга. В. Н. Даниленко найдены обломки кухонных горшков, фрагменты чернолощенных мисок с большим слабоотгнутым венчиком. Поселение существовало в I в. н. э., на что указывают обломки светлоглиняных амфор южнопричерноморского типа.

7. *Носовцы* Гайсинского района Винницкой области.

Поселение расположено на высоком холме, ограниченном долиной ручья и оврагом. Вещественный материал аналогичен найденному в Марьяновке.

8. *Хутор Карбовский* Гайсинского района Винницкой области.

В окрестностях хутора на высоком склоне плато П. И. Хавлюком зафиксировано два зарубинецких поселения.

9, 10. *Рахны* Гайсинского района Винницкой области.

Поселение расположено в окрестностях села на склоне плато. В 1968 г. П. И. Хавлюк раскопал несколько углубленных в грунт жилищ. В одном из них найдена пружинная фибула второй половины II—III вв. н. э. с кнопкой на приемнике.

На могильнике, расположенном на противоположном склоне долины ручья, исследовано 12 погребений. В могилах № 5 и 7 были найдены фибулы

зарубинецкого типа — I в. н. э., глазчатые — середины II в. н. э. и пружинная, подобная фибуле из жилища, второй половины II—III вв. н. э.; витые и плоские браслеты со змеевидными головками, бронзовые пронизки, биконические и плоские глиняные пряслица, гладкие и ребристые настовые бусы, чернолощенные крупные миски с вертикальным венчиком, округлобокие простые горшки с отогнутым венчиком. Все погребения совершены в неглубоких (0,4 м) овальных ямах, ориентированных на восток—запад. Пережженные кости очищены от остатков погребального костра и сложены на дне ям (Хавлюк, 1971).

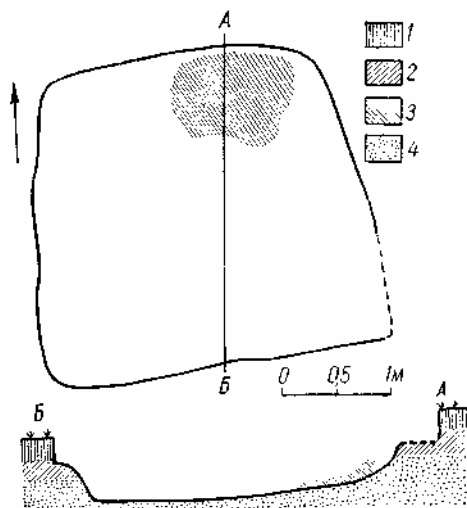

Рис. 2. Грини. План и разрез жилища:
1 — пахотный слой; 2 — культурный слой; 3 — очаг; 4 — материк.

Рахновское поселение и могильник один из наиболее поздних собственно зарубинецких памятников в Лесостепи.

11. Марьяновка Гайсинского района Винницкой области.

Поселение расположено на пологом склоне. Толщина культурного слоя 0,5 м. П. И. Хавлюком было исследовано четыре жилища с глинобитными очагами; рядом с жилищами находились хозяйственные ямы. Найдена зарубинецкая чернолощенная и простая керамика, обломки античных амфор I в. до н. э.— I в. н. э., несколько железных серпов, ножей, струги и шилья, две бронзовые фибулы, из которых одна хорошей сохранности:

одночленная, с двумя валиками на спинке и с высоким прорезным приемником (I в. н. э.). Обнаружены также: бронзовые ажурная подвеска трапециевидной формы, пронизки-трубочки, кольцо с парными литыми выступами-шишечками, обломок античного зеркала (Хавлюк, 1968). Поселение датируется I в. до н. э.— I в. н. э.

12. Игнатовка Гайсинского района Винницкой области.

Поселение расположено на высоком плато р. Кублич — притоке Южного Буга. П. И. Хавлюк собрал здесь фрагменты простой и чернолощенной керамики.

13. 14. Белгородка Киево-Святошинского района Киевской области.

Во время раскопок древнерусского городища В. В. Хвойкой были обнаружены вложенные один в другой зарубинецкие сосуды. Обломки зарубинецкой керамики отмечались затем здесь неоднократно. Эти данные указывают на существование в Белгородке зарубинецкого поселения и могильника.

15. Ирпень Киево-Святошинского района Киевской области.

В 1 км к югу от впадения в Ирпень р. Бучанки, на косе левого берега В. А. Товкачевским были обнаружены обломки зарубинецкой керамики, залежавшие на глубине 0,4 м (Махно и Самойловский, 1959, стр. 12).

16. Грини Чернобыльского района Киевской области.

На надпойменной террасе левого берега р. Тетерев во время раскопок неолитической стоянки (Телегин и Круц, 1963) открыто жилище позднезарубинецкого времени. Жилищное пятно зафиксировано на глубине 0,4 м от современной

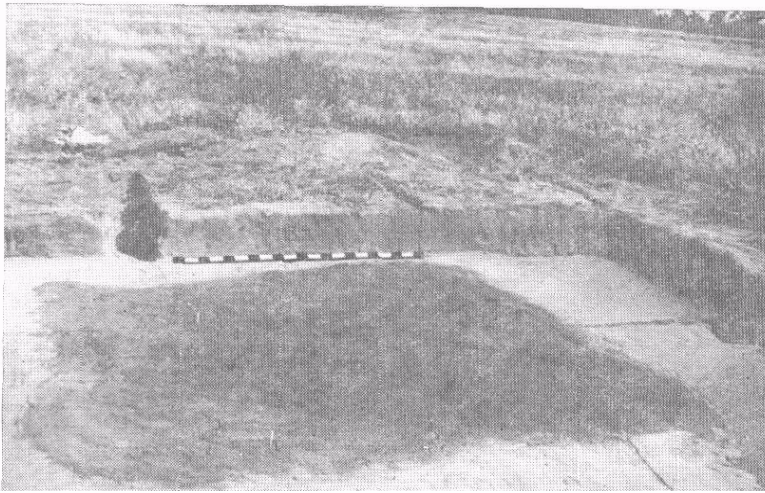

Рис. 3. Грини. Пятно жилища после снятия пахотного слоя.

поверхности (рис. 2). В нижней части заполнения и на полу жилища найдены обломки ленных горшков, лощеных мисок, кости домашних животных.

Жилище имело прямоугольную форму (рис. 3), пол на 0,3 м был углублен в материк. Вход находился в юго-восточном углу. В северо-восточном углу была глинобитная печь (или очаг). Горшки изготовлены из глины, содержащей примесь толченого камня. Выделяются высокоплечие горшки с узким дном (табл. I, 8) и низкоплечие с большими венчиками, иногда украшенными по краю ямками или косыми насечками (табл. I, 7). Степки многих ($\frac{1}{5}$) горшков покрыты штриховкой (табл. I, 7, 10, 11). Обломки остросереберных чернолощенных мисок (табл. I, 9) немногочисленны. В культурном слое встречены обломки горшков, мисок, античной краснолаковой мисочки, несколько конических пряслиц, обломков железного и три обломка бронзовых предметов, стеклянная бусина.

Материалы поселения Грини свидетельствуют о проникновении балтов — носителей культуры штрихованной керамики—в зарубинецкую область. Подобные памятники известны и в других районах зарубинецкого пограничья, например в бассейне верхней Десны, где они относятся к I в. н. э. (Амброз, 1964, рис. 2, 7).

17, 18. *Казаровичи* Киево-Святошипского района Киевской области.

Поселение находилось в пойме (рис. 4), на песчаном холме левого берега р. Ирпень, близ устья этой реки. Мощность культурного слоя 0,20—0,25 м (Митрофанова, 1962).

В наиболее высокой части холма обнаружено жилище прямоугольной формы размерами 4,2 x 4,3 м (рис. 5), ориентированное по сторонам света. Пол был на глубине 0,6 м от современной поверхности, вход в юго-восточном углу. У северной стенки отмечены остатки очага овальной формы. Возле него найдены железное шило, обломки сосудов и биконическое пряслице, кости животных. По углам жилища стояли корчаги для хранения запасов продуктов. По-видимому, жилище было срубного типа.

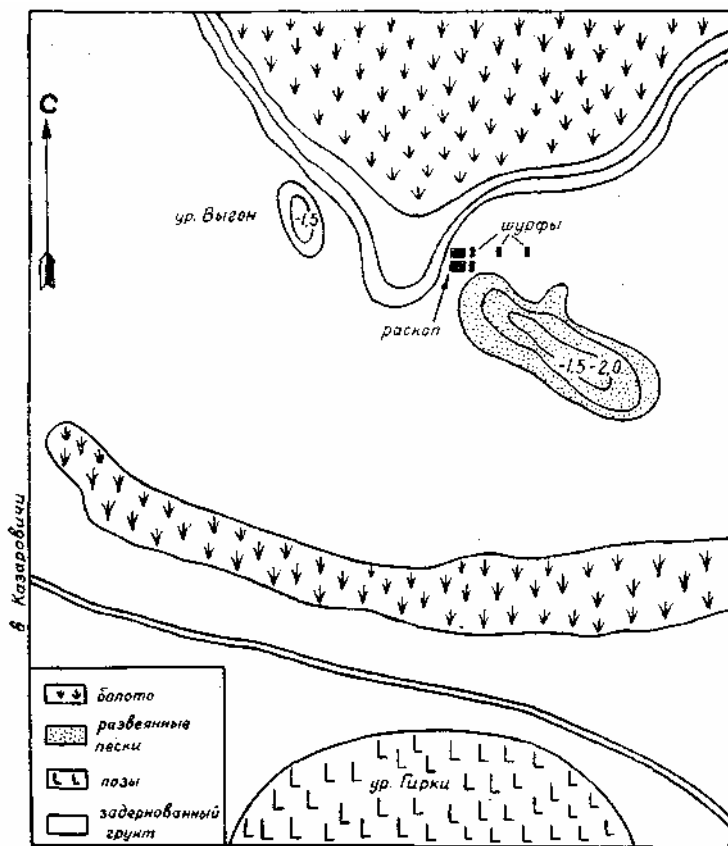

Рис. 4. Казаровичи. Месторасположение поселения.

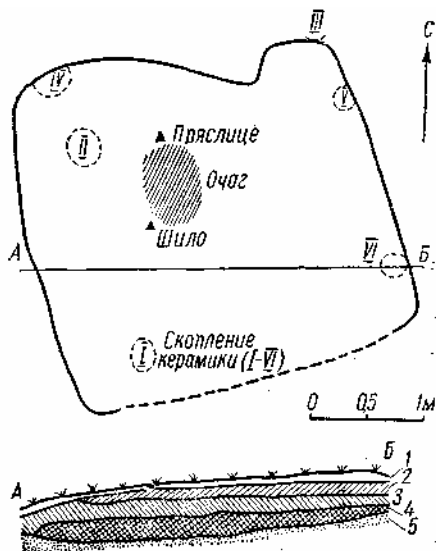

Рис. 5. Казаровичи. План и разрез жилища:
1 — навесный грунт; 2 — гумусированный песок; 3 — светлый песок; 4 — черное заполнение жилища; 5 — песчаный материк.

Рис. 6. Казаровичи. Горшки и кружки из погребений.

Горшки изготовлены из глины с небольшим количеством толченого камня. Исполнение аккуратное. Венчики отогнуты наружу (табл. I, 1, 2, 4, 6), некоторые украшены по краю частыми, слабо выраженными ямками (табл. I, 2). Горшки «круглобкие, с низкими плечиками, поверхность коричневого цвета. Встречен фрагмент горшка с хрупчатой поверхностью с валиком по плечу, расчлененным косыми насечками (табл. I, 1), и обломок, покрытый штриховкой (табл. I, 5).

Таковую обработку поверхности имела и часть лощеных мисок (табл. I, 3). Ближайшей аналогией им являются сосуды из Велемичей I (Кухаренко, 1961, табл. 22, 24, 34).

В 1,5 км к северо-западу от поселения на надпойменной террасе раскопаны остатки обнаруженного Р. С. Орловым могильника, разрушенного водами Киевского водохранилища, на берегу которого собраны чернолощенные горшки и миски (рис. 6). Раскопано пять трупосожжений, находящихся в 4—12 м один от другого. Ямы прямоугольные, около 0,6 x 1,4 м, глубиной до 0,7 м, ориентированы по линии восток—запад, то есть перпендикулярно течению Днепра. У восточной стенки стоял горшок или чернолощенная кружка (рис. 7). Кальцинированные кости находились в центре ямы или в западном ее конце. Они были положены на дно могилы кучками диаметром 0,2—0,4 м. Кости предварительно очищались от угля и золы. Исключение составило погребение (№ 3), в котором было много древесного угля.

В могилах кроме керамики найдены две бронзовые и две железные фибулы. Помимо ямных отмечено одно урновое погребение с квадратной (0,65 м) ямой глубиной 0,37 м. В центре ямы стоял большой биконический шершавый горшок, в котором обнаружено немного костей и две фибулы — бронзовая и железная. К северу от урны стояла чернолощенная кружка. Могильник датируется провололочными фибулами среднеслатенской схемы I в. до н. э.

19. *Лутеж* Киево-Святошинского района Киевской области.

Поселение находилось на правом берегу р. Ирпеня, близ его устья, среди болот, на невысоком песчаном холме размером 75 X 200 м.

Рис. 7. Казаровичи. Погребение № 5.

В 1962—1964 гг. поселение было полностью раскопано (Бидзиля и Пачкова, 1969). Культурный слой на площади 1,5 га содержал много железного шлака, обломки глиняной посуды, кости животных. Встречены единичные железные изделия и украшения. Керамика относится, в основном, к подгорцевской и зарубинецкой культурам.

В центральной и северной частях поселения раскопано три зарубинских и одно подгорцевское жилища прямоугольной формы площадью 12—16 м², вероятно, срубной конструкции. Открыто 411 ям, большая часть которых предназначалась для выжигания угля. Открыты остатки 15-ти железоделательных горнов колошниковой конструкции, с искусственным нагнетанием воздуха, с предгорновой ямой и без нее.

Горны первой группы более удобны в эксплуатации и по аналогии с европейскими, возможно, относятся к началу н. э. (R. Pleiner, 1958). Горны второй группы открыты на юге Польши и в нашем Закарпатье, где они относятся к последним векам до н. э.

Керамика зарубинского времени представлена обычными кухонными горшками (табл. II, 1, 2), чернолощеными мисками (табл. II, 4) и горшками (табл. II, 8). Встречены также сосуды позднезарубинецкого времени (табл. II, 6, 8) и синхронные им обломки черняховского стекла и керамики (табл. II, 5, 7, 9).

Найдено несколько железных ножей, шильев, два фрагмента серпов, несколько долот, подобных известным по раскопкам других зарубинецких памятников.

Найдена латунная глазчатая фибула, попавшая сюда с Повисленья или Южной Прибалтики, где они известны с середины II в. н. э. (Амброз, 1966, стр. 38).

При определении возраста зарубинецкого поселения в Лютеже необходимо принимать во внимание массовый керамический материал, типичный для зарубинецкого Приднепровья I в. до н. э.—I в. н. э. (табл. II, 1—4). Возможно, что поселение в Лютеже существовало и во II — начале III вв. н. э., как думают авторы публикации (Бидзиля и Пачкова, 1969, стр. 73), и даже в более позднее время —V—VI вв. н. э., о чем свидетельствуют отдельные находки (табл. II, 6, 8). Но в этот период поселение, как металлургический центр, не имело отношения к зарубинецкой культуре Среднего Приднепровья, которой здесь уже не было.

Вполне возможно, что Лютеж как железоделательный центр функционировал и в подгорцевское время.

20, 21. *Хатяновка* Киево-Святошинского района Киевской области.

В 1966 г. на берегу р. Десны был обнаружен древний челн и могильник зарубинецкой культуры*, расположенный на берегу Десны (рис. 8). Размеры холма 150 х 200 м. Во время шурфовки выявлено четыре погребения и поселение подгорцевской культуры(?), два погребения были открыты крестьянами.

Погребения находились на глубине 0,65—1,0 м (табл. III, 12). Контуры могил, за исключением № 4 (табл. III, 11), в песчаном грунте не прослеживались. Это были трупосожжения с захоронением кальцинированных костей на дне ям длиной 1—1,5 м, шириной 0,5—0,7 м, ориентированных по линии восток—запад, то есть перпендикулярно течению Десны. Сосуды располагались в западной части могилы, кости — в восточной (погребение № 2), или наоборот (погребения №4, 5). Костей немного, остатков погребального костра не выявлено. В каждом из погребений найден горшок (у края могилы) и, ближе к центру, миска. Костей животных в могилах не было.

Горшки высокоплечие (табл. III, 2, 3) и низкоплечие (табл. III, 8). Орнамент в виде валика по шейке (табл. III, 8) или подковок (табл. III, 7). Миски на поддоне (табл. III, 5, 6) и среднеднепровского типа (табл. III, 1, 4).

Датирующих предметов не обнаружено. Время могильника — зарубинецкое и, судя по формам сосудов, близкое к рубежу н. э.

22. *Пуховка* Броварского района Киевской области.

Близ села, расположенного недалеко от устья Десны, обнаружен могильник с трупосожжениями. В фондах КИМ хранится пять чернолощенных сосудов из Пуховки: две острореберные миски, два горшка и кружка с ручкой (Петров, 1959, рис. 10).

23, 24. *Погребы* Броварского района Киевской области.

Могильник зарубинецкой культуры расположен возле села, открыт В. В. Хвойкой (Хвойка, 1913, стр. 43). В 1952 г. В. И. Каневцем здесь, в урочище Лан — невысоком холме на берегу р. Десны, найдено поселение.

На склоне холма, обращенного к Десне, собраны обломки чернолощенной (табл. III, 9) и простой (табл. III, 10) керамики, кости животных, пряслица, куски глиняной обмазки стен.

В раскопе, на глубине 0,50 м обнаружены остатки жилища (Каневец, 1952) — завал глиняной обмазки стен. Северно-южная длина завала — 3,20 м. У за-

* Челн исследован Д. Я. Телегиным, работы на могильнике производились автором.

Рис. 8. Хатынковка. Месторасположение могильника.

падной стены был расположен очаг. Рядом с ним найдены развал большого горшка (высота 0,45 м), каменный точильный брусок и четырехгранное бронзовое шило.

В заполнении жилища встречены обломки керамики, кости животных, биконическое пряслице с врезным орнаментом. К жилищу примыкали две хозяйственные ямы круглой формы, диаметром 0,8—0,9 м, глубиной 1,15 м.

Датирующих материалов не найдено. Чернолощенная керамика позволяет отнести поселение к I в. до н. э.— I в. н. э.

25. Почайна, Киев.

В северо-восточной части правобережного Киева, в урочище «Криетерова горка», находящемся у дороги, ведущей из с. Приорка к р. Почайне, обнаружены целый чернолощенный горшок и обломки зарубинецкой керамики (Шовкопляс, 1969, стр. 79).

Восточное этого района, в болотистой пойме Днепра, на днах правого берега р. Почайны обнаружено несколько зарубиненских поселений (Самопловский, 1952, стр. 155; Шовкопляс, 1969, стр. 79). На одном из них (Луг 4) А. М. Шовкопляс, начиная с 1965 г., ведутся систематические раскопки. Вскрыто (Шовкопляс, 1971) около 3000 м² площади, исследованы остатки 13 жилищ и 363 хозяйственные ямы. Жилища, площадью 9—16 м², прямоугольной формы углублены на 0,3—0,7 м в грунт. Внутри каждого жилища располагался очаг. Овальные или круглые ямы диаметром в среднем около 1 м, глубиной до 0,9 м служили погребями. Их заполнение состояло из обломков кухонных горшков с отогнутыми наружу или прямыми венчиками, украшенными защипами или насечками, лощеных остроруберных мисок, печины, костей животных (свиньи, лошади, мелкого рогатого скота, оленя, лося) и рыб (сазана, судака, осетра, щуки, сома). На поселе-

ний найдены пряслица, плоские сковородки, фигурка животного, обломки греческих амфор, железные серпы, ножи, шилья, бронзовые и железные позднелатенские фибулы, подвеска, тигелек, точильный брусок, изделия из рога и кости. Амфоры и фибулы датируют поселение I в. до н. э. — I в. н. э.

26. Юрковица, Киев

Поселение открыто В. Д. Дяденко. Оно расположено в северо-восточной части Киева, на высоком холме правого берега Днепра. Ко времени раскопок, произведенных нами в 1965 г., сохранился останец 45 X 75 м, по краю которого проходил невысокий вал с эскарпом, относящийся к зарубинецкому времени.

Культурный слой поселения был перемещен в овраг, проходивший близ западного склона горы. Это было сделано в конце XIX ст. при создании кирпичного завода, когда верхние слои снимались до слоя керамической глины. Лишь на окраине останца удалось открыть два очага и пять хозяйственных ям зарубинецкого времени. В овраге найдено около 5000 фрагментов зарубинецкой керамики. Кухонные горшки изготавливались из глины, содержащей примесь песка. Поверхность ровная, шершавая, коричневого цвета, форма (табл. IV, 14) и орнамент обычные (ямки, выдавленные пальцем, или косые насечки) (табл. IV, 8, 10, 12). Днища плоские, без закраины. Диаметр днищ до 10 см, отверстия горшка по венчику 16—25 см. Некоторые стенки имели хруповатую поверхность (табл. IV, 11). Найдены обломки корчаг (табл. IV, 15) и плоские диски-сковородки (табл. IV, 13). Встречены шершавые миски скифоидного типа с прямым или загнутым внутрь краем (табл. IV, 2).

Чернолощенная керамика представлена горшками, мисками, кружками с ручкой. Преобладают остросереберные экземпляры (табл. IV, 1, 3, 4, 7). Лощение высокого качества.

Встретились фрагменты стенок античных амфор, по определению И. Б. Зеест, эллинистического времени, пряслиц (табл. V, 7), куски железных шлаков, стенка горна, обломки железных ножей с горбатой спинкой, наконечник копья с коротким острием (табл. V, 3) круглые в сечении шилья (табл. V, 2).

Найдены бронзолитейный тигель, проволочная фибула среднелатенской конструкции (табл. V, 4), пластинчатый браслет (табл. V, 1), спиральное кольцо (табл. V, 9), стержень (табл. V, 10), бронзовый трехгранный наконечник стрелы с внутренней втулкой (табл. V, 6) III в. до н. э., гранитные терочники (табл. V, 5) и пастовая зеленая бусина с глазками (табл. V, 8).

Обломки амфор и наконечник стрелы указывают, что поселение на Юрковицкой горе возникло в III в. до н. э., вероятно, в конце этого века.

27. Подол, Киев.

На Подоле — прибрежном районе Киева — по ул. Фрунзе, №81, в усадьбе С. И. Светославского, было обнаружено поселение. Здесь найдены обломки керамики и фрагмент бронзовой булавки (Самойловский, 1952, стр. 155).

28. Гора Черкень, Киев.

Это — отрог правого берега ручья Сырец, протекающего в северной части правобережного Киева. Здесь В. Д. Дяденко были собраны фрагменты зарубинецкой чернолощенной керамики (Шовкопляс, 1969, стр. 79).

29. Гора Киселевка, Киев.

Поселение расположено на высоком останце правобережного днепровского плато, возвышающемся над уровнем Днепра на 80 м. Размер площадки горы по линии север — юг 210 x 340 м.

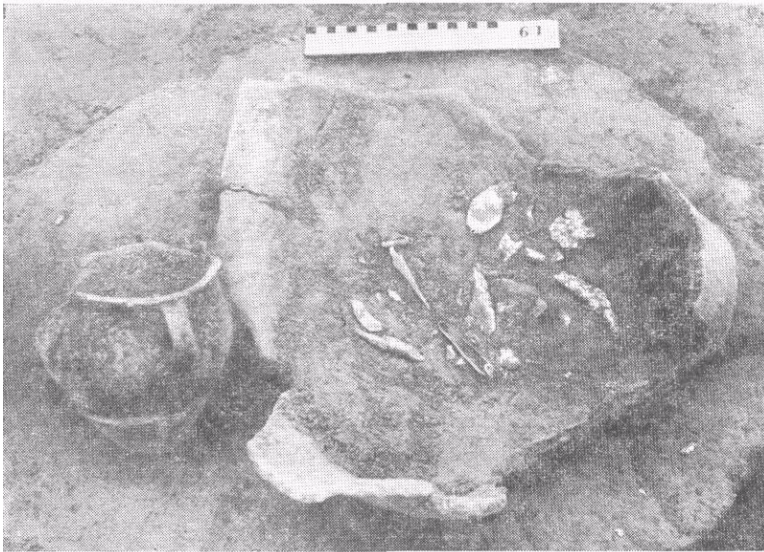

Рис. 9. Корчеватое. Погребение № 51. Смешанный тип.

На Киселевке культурный слой достигает 5 м толщины и состоит из шести прослоек, датируемых от периода бронзы до позднего средневековья, Зарубинецкий слой находился на глубине 4—4,4 м (Шовкопляс, 1969, стр. 75). В его состав входят простая и лощеная посуда, обломки античных амфор, кости животных, включения золы и угля.

Кухонные горшки имели округлобкопый корпус, отогнутый наружу венчик (табл. V, 16, 17], украшенный иногда пальцевыми ямками (табл. V, 16) или косыми насечками.

Чернолошпая керамика представлена обломками мисок скифоидного (табл. V, 12), среднеднепровского (табл. V, 11, 13) и острореберного (табл. V, 14, 15) типов.

Найдены обломки двустольной ручки (табл. V, 19), конического днища (табл. V, 18) светлоглиняной амфоры I в. до н. э.— I в. н. э. и бронзовой фибулы позднелатенской схемы.

Время возникновения поселения определяется находкой римского бронзового асса республиканского времени. На аверсе изображен двуликий Янус, на реверсе — нос корабля и надпись SAFRA — имя консула Спурия Афрания, при котором в 200 г. до н. э. была чеканена эта монета (Брайчевский, 1963, рис. 12).

30. *Старокиевская* (Андреевская) гора, Киев. На территории Десятинной церкви в 1907—1908 гг. найдены лощеная кружка с ручкой и бронзовые булавки, происходившие из погребения (Хвойка, 1913, стр. 65). Здесь же было обнаружено еще одно урновое трупосожжение, сопровождавшееся четырьмя сосудами. Обломки зарубинецкой керамики затем встречались здесь неоднократно (Самойловский, 1952, стр. 153).

Рис. 10. Корчеватое. Погребение № 40. Урновое.

31. *Печерск*, Киев. В юго-восточной части правобережного Киева, на плато, выходящем к Днепру, во время раскопок фундамента церкви Спаса на Берестове и на ул. Кирова, при строительстве Дома офицеров обнаружена зарубинецкая чернолощная керамика (Брайчевський, 1963, стр. 38).

32. *Лыбедь*, Киев.

В верховьях р. Лыбеди, протекающей в юго-западной части Киева, во время строительных работ на территории поселка Караваяевы Дачи обнаружен могильник, откуда происходит чернолощепый горшок-урна, орнаментированный подковками (Шовкопляс, 1969, стр. 79).

На правом берегу долины Лыбеди, на территории Первомайского жилого массива при разработке глиняного карьера разрушено несколько погребений с чернолощеными зарубинецкими сосудами (Брайчевський, 1963, стр. 43).

33. *Никольская Слободка*, Киев.

На дюнах левого берега Днепра, в пойме, найдены обломки керамики позднезарубинецкого типа, два очага и хозяйственные ямы — остатки кратковременного поселения (Дапиленко, 1956, стр. 172).

Кроме перечисленных находок, указывающих па местоположение поселений и могильников зарубинецкой культуры, существовавших на территории Киева, в различных местах города были найдены многочисленные римские монеты I—II вв. н. э. — в отдельных экземплярах и кладах, — а также отдельные вещи античного производства этого времени (Брайчевський, 1963; Шовкопляс, 1969; Толочко, 1970), свидетельствующие о значительной заселенности Киева в ту эпоху.

34. *Корчеватое*, Киев. Корчеватое—южная окраина правобережного Киева. Могильник находился па высоком мысу правого берега Днепра. Во время работ

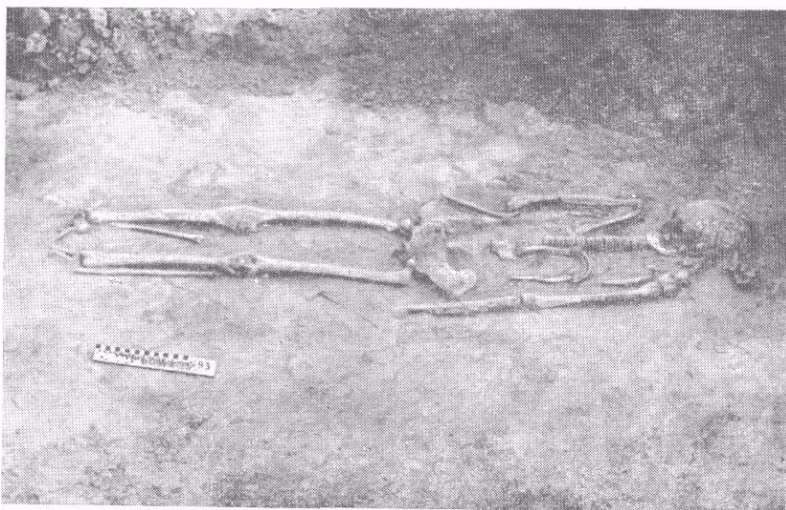

Рис. 11. Корчеватое. Погребение № 80. Труположение.

в глиняном карьере, производимых кирпичным заводом № 6, в 1937—1940 гг. было разрушено около 2500 м² площади могильника. Из погребений этого участка происходит 39 целых и фрагментированных сосудов, собранных И. М. Самойловским.

В 1940—1941 гг. И. М. Самойловский раскопал остальную площадь могильника (около 4500 м²), на которой открыл 103 погребения, находившихся в лессовидном суглинке на глубине 0,25—1,04 м. Выше суглинка шел пахотный черноземный слой, ниже—лесс с многочисленными кротовинами (Самойловский, 1959),

Изучение сохранившейся документации позволяет думать, что было раскопано 102 погребения: 84 трупосожжения, 13 труположений, пять кенотафов. Трупосожжения делятся на урновые (28), безурновые (ямные) (53) и смешанные (3), где кальцинированные кости помещались как в урне, так и на дне могильной ямы (рис. 9). Могильные ямы не были замечены. Однако расположение погребального инвентаря говорит о том, что безурновые погребения совершались в продолговатых ямах длиной 1,6—2,0 м, ориентированных на восток — запад. Кальцинированные кости занимали восточную половину могилы, в западной части находился погребальный инвентарь. Кости чистые, без остатков погребального костра; их немного. Ямы урновых погребений имели размеры до 0,50 м (рис. 10).

Были полные труположения (7) и погребения отдельных черепов (6). Погребенные лежали на спине, вытянуто, с руками, протянутыми вдоль туловища, головой на запад (рис. 11). В могилах № 10 и 37 кроме скелетов найдены и кальцинированные кости. Следует думать, что в каждой из этих могил было по два погребения — ямное трупосожжение и труположение (№ 10 и 10а; 87 и 87а). Подобная ситуация отмечена во время исследования погребений № 76 и 77.

Последней группой являются могилы, не имеющие останков умерших — кенотафы. Такие погребения имели вдревности мемориальное значение. По устрой-

йству могильной ямы, составу вещей и их размещению кенотафы ничем не отличаются от обычных погребений с трупосожжением.

Среди опубликованных И. М. Самойловским материалов три кенотафа из восьми содержали обломки керамики, печину и камни (№ 94, 99, 100). По нашему мнению, это не могилы, а культурный слой поселения (рис. 12), которое существовало здесь раньше, в скифское время — VI — V вв. до н. э.

Следует отметить, что территория могильника использовалась в древности неоднократно: к трипольской культуре относятся отдельные фрагменты керамики и двугорлый чернолощенный сосуд; к скифскому времени, кроме упомянутых фрагментов посуды, — глиняное пряслице, обработанная трубчатая кость быка, обломки зернотерок; к III—V вв. н. э. принадлежит бронзовая пряжка прямоугольной формы (Самойловский, 1959, т. VIII, стр. 114); к времени древней Руси — железный двухлопастный наконечник стрелы (Самойловский, 1959, стр. 89).

Урновые могилы Корчеватовского могильника образуют три более или менее компактных скопления, из которых одно (11 погребений) находилось в северо-восточной части могильника, второе (7 могил) — севернее, а третье (7 могил) — в юго-западной части.

Ямные погребения занимали, главным образом, юго-западную часть могильника. Между группой из 16 погребений, находящейся в восточной части этого участка, и другой группой, занимающей западную его часть (19 погребений), находилось свободное пространство.

В северной части могильника небольшая группа из шести ямных погребений разделяла два участка, занятые урновыми погребениями, о которых говорилось выше (рис. 13). Труположения обнаружены на северной окраине могильника. Что касается кенотафов, то три из них находились в юго-западной части могильника, а два других — в северо-восточной.

Таким образом, в размещении различных по обряду могил наблюдается определенная закономерность.

Есть основания думать, что прибрежная (восточная) часть могильника была наиболее ранней, поскольку здесь обнаружены погребения с типологически наиболее ранними фибулами: № 11, 12, 13, 59 (ямные погребения) и № 69 (смешанное).

Рис. 12. Корчеватое. Культурный слой скифского времени (погребение № 99, кенотаф — по И. М. Самойловскому).

Каждая группа погребений имеет свои отличительные особенности в инвентаре. Так, типичный для зарубинецкой культуры погребальный набор керамики — горшок, миска и кружка — встречен в девяти ямных и шести урновых погребениях. В 17 ямных погребениях были обнаружены: два железных ножа, нако-

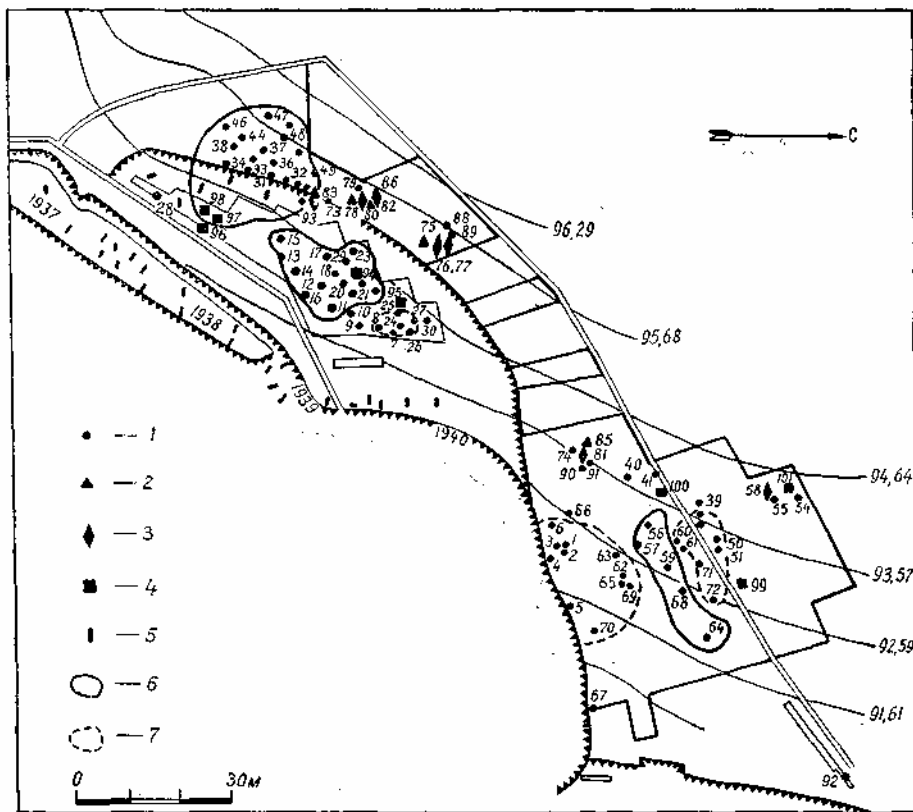

Рис. 13. План Корчеватовского могильника (по материалам И. М. Самойловского): 1-- трупосожжение; 2 — отдельный череп; 3 — трупоположение; 4 — кенотаф; 5 — находки керамики из разрушенных могил; 6 — концентрация безурновых (ямных) погребений; 7 — распространение урновых погребений.

нечник копья, бронзовый браслет, пастовые бусины, перстень. В 13 ямных были найдены фибулы, в то время как фибульных урновых погребений было только три — погребальный инвентарь урновых могил оказался беднее.

Еще более бедными были погребения с трупоположением. Сосуды обнаружены лишь в шести таких могилах — по одному экземпляру в каждой; в двух найдено по одной железной фибуле.

Важной составной частью погребального инвентаря являются кости домашних животных: козы и овцы (22), свиньи (12), коровы (9), лошади (2) и собаки (1). Эти кости найдены в 45 погребениях.

Рис. 14. Пирогов. Погребение № 35. Трупоположенне.

Всего в могилах обнаружено 188 зарубинецких сосудов (из указанных И. М. Самойловским 200 сосудов 6 являются раннескифскими, 5 — подгорцевскими, 1—трипольским, остальные (188)—зарубинецкими). Из них 142 (76%) имеют черную лощеную поверхность, причем многие из них отличаются очень старательным изготовлением. Остальные 46 сосудов (24%) представляют собой нелощеные корчаги или горшки кухонного типа.

К группе нелощеных сосудов относится также лепная амфора, по форме напоминающая греческие фасосские амфоры III—II вв. до н. э. {табл. VII, 12}.

По особенностям своих форм все корчеватовские сосуды делятся на четыре группы: горшки (105), кувшины (4), миски (41) и кружки с ручкой (38).

Крупные высокоплечие горшки использовались как корчаги — для хранения запасов продуктов (табл. VI, 1) или для приготовления пищи (табл. VI, 2, 3). Небольшие венчики, отогнутые наружу, украшены иногда ямками. Иногда горшки употреблялись также в качестве урн. Низкоплечие чернолощеные биконические горшки (табл. VI, 4—9) служили урнами. Низкоплечие округлобкие горшки (табл. VI, 10—12; VII, 1—6), иногда украшенные налепными подковками, чаще использовались как сопровождающий инвентарь, реже — как урны. К этой группе примыкают кувшины. Они отличаются от горшков узким горлом (табл. VII, 7—11), иногда — наличием ручки (табл. VII, 11). Биконических и округлобких горшков значительно больше, чем высокоплечих.

Реже всего встречались чернолощеные миски с загнутым внутрь венчиком (табл. VIII, 1, 2). Наиболее многочисленными были миски среднеднепровского типа с отогнутым наружу венчиком, пустотелым поддоном (табл. VIII, 3—5) или — чаще — плоским дном (табл. VIII, 6—11). У них высокие округлые, валикообразные плечики и прямой отогнутый наружу венчик, нередко граненый с внутренней стороны.

Рис. 15. Пирогов. Погребение № 9. Смешанный тип.

Следующей группой были остроплечие миски нескольких вариантов (табл. VIII, 12—14). Одни из них встречаются преимущественно в ранних комплексах (табл. VIII, 12, 13), другие — в поздних (табл. VIII, 14).

Кружки с ручкой имеют высокие (табл. VIII, 15—20) или низкие плечики (табл. VIII, 21). Они тщательно изготовлены, качество лощения высокое.

В погребениях обнаружены также бронзовые и железные фибулы, три куса бронзовой проволоки, перстень, височное спиральное кольцо (табл. IX, 18), обломки серег, подвеска в виде стерженька, фрагментированный железный наконечник копья (табл. IX, 19), два пожа (табл. IX, 17), мелкие бусинки из светлой пасты, куски стекла и стекловидной массы.

В 18 погребениях найдены 20 бронзовых и 3 железных фибулы (не сохранились). Фибулы среднелатенской схемы разделяются на гладкие проволочные (табл. IX, 1—4) и зарубиненские — с треугольным щитком (табл. IX, 5—16), последних большинство. Проволочные считаются более ранними. Их появление в Средней Европе Я. Филип относит к концу II в. до н. э. (Филип, 1961, рис. 21); Р. Хахман считает их более ранними (Nachmann, 1961). Зарубиненские фибулы, в зависимости от размеров щитка датируются I в. до н. э. — I в. н. э. (Кухаренко, 1964, стр. 48—51; Амброз, 1966, стр. 17).

Время Корчеватовского могильника по фибулам — I в. до н. э. — I в. н. э.

55. *Пирогов* Киево-Святошинского района Киевской области. Поселение расположено на высоком отдельно стоящем холме правого берега Днепра, на южной окраине села. Площадь поселения — 65 x 80 м. Крутые склоны холма усилены двумя эскарпами. Въезд на поселение был с западной, противоположной реке, стороны. У подножья северного склона холма протекает ручей Хотовка.

На поверхности поселения собраны обломки зарубиненской керамики и фрагменты эллинистических амфор III—II вв. до н. э. (Махно, 1959). Амфоры определены И. Б. Зеест. Культурный слой сохранился только в северо-западном конце поселения и по краям южной его части. Мощность его — 0,60—0,80 м.

Рис. 16. Пирогов. Погребение № 49. Ямный тип

Обнаружены две бронзовые фибулы зарубинецкого типа с треугольным щитком I в. до н. э.— начала I в. н. э. (Амброз, 1966, стр. 17).

На основании находок обломков амфор и фибул Пироговское городище датируется III—II вв. до н. э.— началом I в. н. э. Материалы поселения тождественны материалам Пироговского могильника.

36. Пирогов Киево-Святошинского района Киевской области.

Могильник открыт весной 1966 г. случайно. Он расположен в 1 км к югу от поселения, на высоком мысу правого коренного берега Днепра шириной до 100 м, длиной до 200 м, вытянутого в направлении восток — запад (Круц, 1967). В 1966 г. исследовалась восточная часть мыса. Во время раскопок были обнаружены хозяйственные ямы и жилища поселения поздиетрипольского времени, 49 зарубинецких и 4 раннескифских погребения VI—V вв. до н. э. (Кубышев и Максимов, 1969).

Зарубинецкие погребения находились на глубине от 22 до 86 см, располагаясь на расстоянии от 0,5 до 10 м друг от друга. Каких-либо внешних отличительных признаков на поверхности не было.

Обнаружено 46 труносожжений и 3 труположсения (рис. 14). Последние были безынвентарными, но по аналогии с такими же погребениями Корчеватовского могильника их можно отнести к зарубинецкому времени.

Трупосожжения Пироговского могильника разделяются на ямные (37), урновые (6) и смешанные (рис. 15); обнаружен один кенотаф, тип одного погребения установить не удалось.

В 25 погребениях замечены очертания могильных ям. Они имели овальную (16) или же близкую к прямоугольной (9) форму.

Размеры ям 60—70 X 120—140 см. Ориентированы ямы по длинной оси на восток—запад, перпендикулярно реке. Такой была и ориентация труположжений, которые не отличались от труносожжений глубиной захоронения.

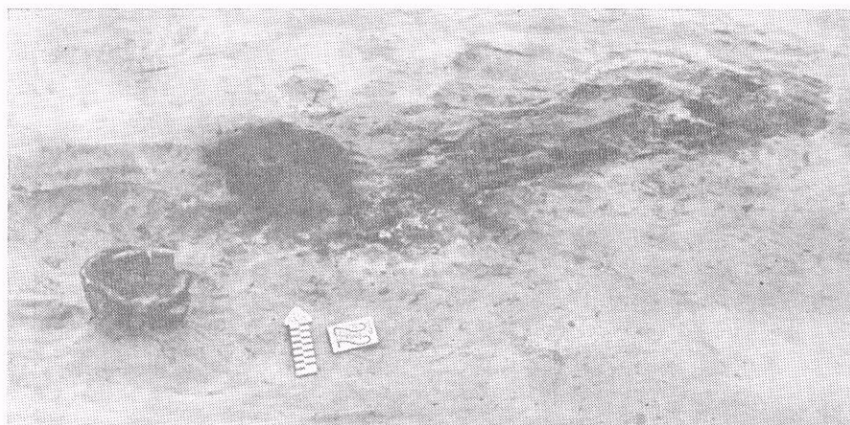

Рис. 17. Пирогов. Погребение № 22 с остатками сгоревшего дерева.

В ямных трупосожжениях пережженные кости находились, как правило, в восточной половине могилы (рис. 16). Кости складывались в одну или несколько кучек в центре и у восточной стены ямы. Количество пережженных костей обычно невелико. Кости чистые, без углей и пепла погребального костра. Исключение составляют погребения № 22 и 26, где найдены куски поленьев (рис. 17). Западную половину ямы занимала ритуальная посуда. Типичный ее набор состоял из горшка, миски и кружки с ручкой.

В 23 ямных погребениях восточнее сосудов лежали кости домашних животных. В урновых погребениях их не было. Удалось определить кости из 19 могил: 5 костей домашнего быка от 3 особей; мелкого рогатого скота 15 костей от 7 особей; свиньи домашней— 17 костей от 11 особей, всего 37 костей. В могилы клались лучшие куски туши молодых животных.

Из урновых погребений удалось установить очертания могилы № 10. Яма была квадратной, размером около 1 м (рис. 18).

В четырех погребениях урнами служили лощеные горшки, в одной из них (погребение № 6) найдено очень много костей. В двух погребениях урнами были кухонные горшки, единственные сосуды этого типа на могильнике.

В ямных и урновых могилах кроме сосудов встречены 11 бронзовых фибул, 2 железных ножа и пряжка, каменный пест, бруски. Фибулы найдены в девяти ямных погребениях.

10 экземпляров фибул изготовлено по среднелатенской схеме. Это: проволочная фибула со сложной, в виде двух восьмерок, спинкой, а также девять зарубинецких фибул. Фибула с восьмерками является наиболее ранней на Пироговском могильнике (середина II в. до н. э.— начало I в. до н. э.). Зарубинецкие фибулы с треугольным щитком датируются I в. до н. э.— началом I в. н. э. (Амброз, 1966, стр. 14, 17). Фибула позднелатенской схемы характеризуется прямым корпусом и сплошным приемником. Ее время — I в. н. э.

Вся керамика Пироговского могильника (93 сосуда, обнаруженные в 1966 г.) отчетливо делится на бытовую и изготовленную для погребений. Первая отличается высоким качеством работы, симметричностью форм. Столовые сосуды имеют хорошее черное лощение.

Сосуды, изготовленные для погребальных целей, в два-три раза меньше обычных. Они сделаны небрежно.

По типам керамику можно разделить на горшки (41), миски (28) и кружки (23); каждый из типов в свою очередь можно разделить на несколько групп.

Горшки бывают высокоплечие (табл. X, 12), биконические (табл. X, 3, 4) и округлобокие (табл. X, 5, 6). Обработка поверхности и лощение отличается высоким качеством. Встречается орнамент в виде подковок. На горле горшка из погребения № 6 изображены пролощенные знаки, нанесенные до обжига.

Встречаются миски с округлобоким корпусом и слегка загнутым внутрь венчиком (табл. X, 7); так называемые среднеднепровские — с прямым невысоким, немного отогнутым наружу венчиком, оформленным с внутренней стороны одной или двумя гранями (табл. X, 8, 9, 10); с округлыми плечиками и с плавно отогнутым наружу венчиком (табл. X, 11); остроплечие (табл. X, 12).

Известны округлые кружки с высокими плечиками (табл. X, 14); биконические (табл. X, 13) и округлобокие с низкими плечиками; остроплечие (табл. X, 15).

На основании фибул Пироговский могильник датируется серединой II в. до н. э.— I в. н. э.

37. *Вита* Киево-Святошинского района Киевской области.

В окрестностях села расположен зарубинецкий могильник, откуда происходят чернолощенные миска и кружка с ручкой (Петров, 1959, стр. 51).

38. *Чапаевка* Киево-Святошинского района Киевской области.

Близ села на останцах надпойменной террасы левого берега р. Виты обнаружено три поселения. На одном из них раскопано десять ям-погребов диаметром и глубиной до 1 м. Найдены обломки кухонных горшков и лощеных мисок, пряслица, кости животных (Телегин, 1954). На втором поселении собраны обломки зарубинецкой керамики, на третьем обнаружены ямы с золой, обломки кухонного горшка и лощеных мисок.

39. *Бортнички* Бориспольского района Киевской области.

Могильник в с. Бортнички открыт В. В. Хвойкой (Хвойка, 1913, стр. 43). В 1951 г. В. Н. Даниленко на дне боровой террасы, расположенной к северу от села, было найдено разрушенное трупосожжение с керамикой и фибулой вендского типа. На другой доне обнаружено еще одно разрушенное трупосожжение с кальцинированными костями, обожженными обломками простого горшка с косыми насечками по венчику, железным серпом и ножом. Вблизи найдены железные арбалетные фибулы с подвязным приемником конца II—III вв. н. э. (Махно, 1955а, стр. 62—65), обломки кухонной и лощеной керамики, три бронзовые трапециевидные подвески, орнаментированные концентрическими кругами, крестовидная подвеска с выемчатой эмалью.

Могильник относится к памятникам так называемого киевского типа II—IV вв. н. э.

40. *Вишеньки* Бориспольского района Киевской области.

В фондах КИМ хранилось 11 сосудов и 4 среднелатенских фибулы, еще две фибулы были в Институте археологии. Все они найдены при погребениях с сожжением (Петров, 1959, стр. 54). Сейчас в фондах КИМ сохраняется шесть сосудов: две миски на поддоне и с плоским дном, чернолощенная ваза с четырьмя ручками, два горшка с подковками на корпусе, из них один лощеный, другой — простой, большая кружка с ушком (Петров, 1959, рис. 6).

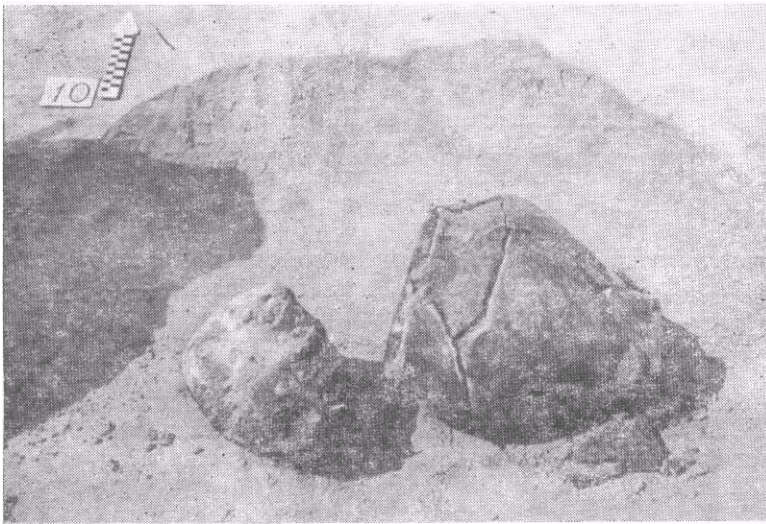

Рис. 18. Пирогов- Погребение № 10. Урновое.

Для датировки могильника в Вишеньках важны четыре фибулы среднелатинской конструкции: две — с проволочной спинкой и две — с треугольной, I в. до н. э.— начало I в. н. э. Пять фибул арбалетного типа конца II—III вв. н. э. (Петров, 1959, рис. 97) указывают на то, что могильник функционировал в послезарубинецкое время.

41 Ходосовка Киево-Святошинского района Киевской области. Поселение расположено на высоком холме правого берега Днепра, ограниченном с трех сторон крутыми, террасированными склонами (рис. 19). Сбор подъемного материала производился здесь неоднократно (Махно, 1959, стр. 96).

Нами также собран материал раннескифского времени и зарубинецкого периода. Во время шурфовки установлено наличие культурного слоя мощностью 0,3—0,6 м, содержащего, в основном, зарубинецкую керамику (табл. XI, 7, 10, 11) и кости домашних животных. Обнаружены остатки наземных жилищ в виде скоплений печины вдоль западного края городища. Найден железный шлак (табл. XI, 8). Время поселения — I в. до н. э.— I в. н. э.— определяется обломками светлоглиняных амфор.

42 Великие Дмитровича Обуховского района Киевской области. Поселение расположено в урочищах Кутполе и Кулакивщина, на склоне пологого возвышения, обращенного к Днепру (Махно, 1959, стр. 96—101).

В урочище Кулакивщина были зафиксированы остатки семи жилищ и шести хозяйственных ям. В урочище Кутполе отмечены шесть жилищ и три ямы. Раскопками установлено, что жилища были слегка углублены в грунт, имели каркасные стены, обмазанные глиной, и глинобитные очаги или печи. На поселениях найдены обломки кухонных округлобоких горшков с высокими или низкими плечиками, прямым или отогнутым наружу венчиком с отпечатками пальцев или косыми насечками; конические крышки, плоские сковородки.

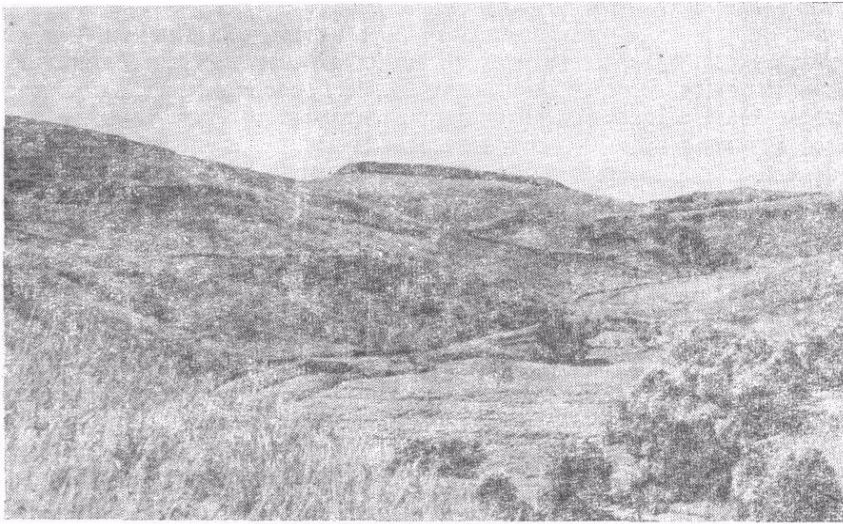

Рис. 19. Ходосовка. Вид на городище с севера.

17% керамических находок составляет лощеная посуда черного цвета — миски среднеднепровского типа. Обломков остроплечих и скифоидных мисок встречено немного. Горшки и кружки с ручками повторяют формы, известные из Корчеватого и Пирогова.

Обломки амфор средиземноморского производства (6), по определению И. Б. Зеест, эллинистического времени (III—II вв. до н. э.).

Найдены: бронзовая фибула среднелатенской конструкции с небольшим треугольным щитком I в. до н. э., пряслица с орнаментом, железные шлаки, точильные камни, обломки зернотерок, кости животных.

На основании обломков амфор поселение датируется III—I вв. до н. э.

43. *Новые Безрадищи* Обуховского района Киевской области. На северной окраине села, на мысу высокого правого берега Днепра И. В. Бондарем и И. М. Самойловским зафиксировано поселение, в культурном слое которого найдены обломки лощеных и простых сосудов, кости животных (Махно и Самойловский, 1959, стр. 14).

В 1950 и 1966 гг. В. Н. Даниленко обнаружил к юго-востоку от села, на песчаной гряде между болотами, поселение и могильник. Найдена керамика позднезарубинецкого типа, арбалентная фибула, фибула и украшения с выемчатой эмалью, железная шпора, римская монета. На поселении выявлены жилища наземного типа и ямы хозяйственного назначения. Погребения представляли собой круглые небольшие ямы диаметром 0,5—0,8 м, на дне которых находились остатки трупосожжений, перекрытые золистым грунтом, над которым отмечены следы тризны: остатки костра, фрагменты сосудов, кости жертвенных животных, предметы личного убранства. В. Н. Даниленко датирует поселение III—IV вв. н. э. и относит его к позднему этапу зарубинецкой культуры, сосуществовавшей с черняховской и представлявшей на Поднепровье основную линию развития славян (Даниленко, Дудкин, Круц, 1967, стр. 214).

44, 45. Таценки Обуховского района Киевской области. Поселение и могильник (сильно разрушены) расположены на берегах притока Днепра — р. Стугны, недалеко от ее устья, на невысоких песчаных холмах поймы. Материал собран В. А. Товкачевским, В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегиным, Е. А. Петровской, В. Н. Гладилиным. Шурфовка произведена автором.

В слое мощностью до 0,5 м и на поверхности найдены обломки керамики, камни, фрагмент зернотерки (табл. XII, 12), кости животных, металлические изделия, обломки античных амфор рубежа н. э.

Простая посуда — горшки, крышки и сковородки (табл. XII, 11) — изготовлена из глины, содержащей примесь песка. Горшки округлобокие, с отогнутым наружу венчиком (табл. XI, 9, 12; XII, 5, 10). Найдены обломки горшков с хрупчатой поверхностью (табл. XII, 8), биконические пряслица (табл. XIII, 12). Встречались округлобокие чернолощенные горшки с вертикальным венчиком и вазы с остроугольными ручками (табл. XII, 13), чернолощенные округлобокие (табл. XII, 4), остросереберные (табл. XII, 6) и среднеднепровского типа (табл. XII, 1—3) миски.

Найдены тигли для плавки цветного металла (табл. XIII, 14), более десяти фибул (из них семь хранятся в ИА АН УССР). Три фибулы — гладкие про-

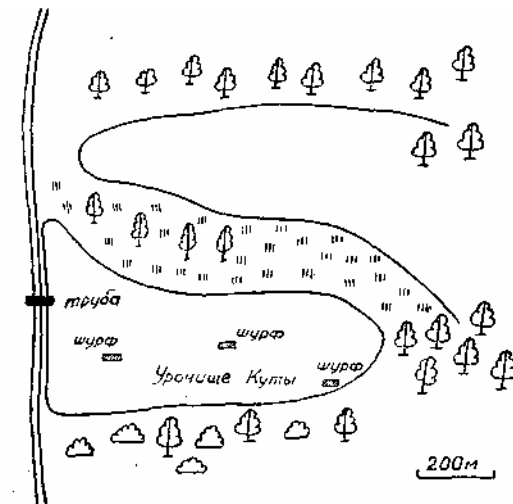

Рис. 20. Кийлов. Месторасположение поселения в урочище Куты.

волочные среднелатенской схемы, одна зарубинецкого типа с треугольным щитком (табл. XIII, 1) — I в. до н. э.; две причерноморские парные фибулы — I в. н. э. (табл. XIII, 3, 4); этим же временем датируется одночленная фибула со сплошным приемником (табл. XIII, 2). Глазчатую фибулу (табл. XIII, 5) первой половины II в. н. э. можно связать с керамикой позднезарубинецкого типа (табл. XII, 7, 9, 14), найденной южнее зарубинецкого могильника, в урочище Довжичек, откуда происходит и серебряная монета Антонина Пия.

На могильнике встречены также бронзовое кольцо с заходящими друг за друга концами (табл. XIII, 8), литое кольцо с шишечками (табл. XIII, 16), две бронзовые лунницы (табл. XIII, 6, 7), две пронизки из тонких пластинок (табл. XIII, 13), пять бусин из синей пасты, из них две глазчатых, железные шлаки, шесть ножей с плоской и горбатой спинкой (табл. XIII, 10, 11), бритва (табл. XIII, 15), гвоздь с большой шляпкой, небольшой топор-кельт (табл. XIII, 17), аналогичный топорам Чаплинского поселения.

Наконечник стрелы (табл. XIII, 9) указывает на более раннюю дату (III в. до н. э.) и относится к подгорцевскому поселению, которое было здесь раньше. Зарубинецкий материал Таценок датируется фибулами и обломками амфор I в. до н. э. — I в. н. э.; позднезарубинецкий — II—III вв. н. э.

46, 47. Триполье Обуховского района Киевской области. Памятники зарубинецкой культуры в с. Триполье отмечали В. В. Хвойка (Хвойка, 1913, стр. 43),

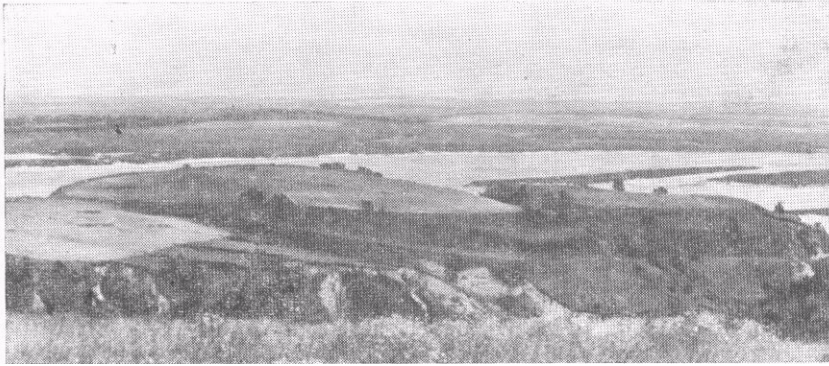

Рис. 21. Монастырек. Вид па городище с юга.

В. Н. Даниленко (в устье р. Красной), П. А. Раппопорт (на Девич-горе) (Раппопорт, 1952, стр. 147). В 1962 г. здесь открыто несколько зарубинецких погребений (Куза і Кубишев, 1971).

48, 49. *Кийлов* Бориспольского района Киевской области. Поселение расположено в урочище Куты (рис.20), на песчаной гумусированной террасе, у рукава Днепра. Здесь Е. А. Петровской (Петровская, 1963) собран подъемный материал в местах выдувов на площади до 150 м². Шурфовка показала наличие культурного слоя мощностью до 0,3 м. В шурфах найдены обломки простой (табл. XI, 4) и лощенной (табл. XI, 5) керамики, античных амфор (табл. XI, 1), металлических предметов (табл. XI, 2, 3, 6) и кости животных.

Изделия из металла и амфоры, а также чернолощенная керамика датируют Кийлов рубежом н. э.— I в. н. э.

О наличии зарубинецкого могильника в Кийлове, в урочище Под Соснами, сообщает И. М. Самойловский (Самойловский, 1952, стр. 78—81).

50. *Витачев* Обуховского района Киевской области. На мысу правого берега Днепра во время раскопок древнерусского городища обнаружены два трупосожжения (Куза і Кубишев, 1971).

51. *Рудяки* Бориспольского района Киевской области. На левобережной днепровской пойме В. В. Хвойкой был обнаружен зарубинецкий могильник (Хвойка, 1913, стр. 43).

В 1963 г. Е. А. Петровская на песчаных холмах в урочище Старый Завод собрала обломки простых горшков, чернолощенных мисок и костей животных — следы поселения позднезарубинецкого времени, на что указывает находка папонской фибулы II —начала III вв. н. э. (табл. XI, 13).

52. *Стретовка* Кагарлыкского района Киевской области. Здесь найдена фибула позднелатенского типа, которая до войны хранилась в Киевском историческом музее (Махно и Самойловский, 1959, стр. 15).

53. 54. *Ржищев* Кагарлыкского района Киевской области. О могильнике близ Ржищева упоминает В. В. Хвойка (Хвойка, 1913, стр. 43). В Киевском историческом музее хранится чернолощенная миска среднеднепровского типа, опубликованная В. П. Петровым (Петров, 1959, рис. 11, 1).

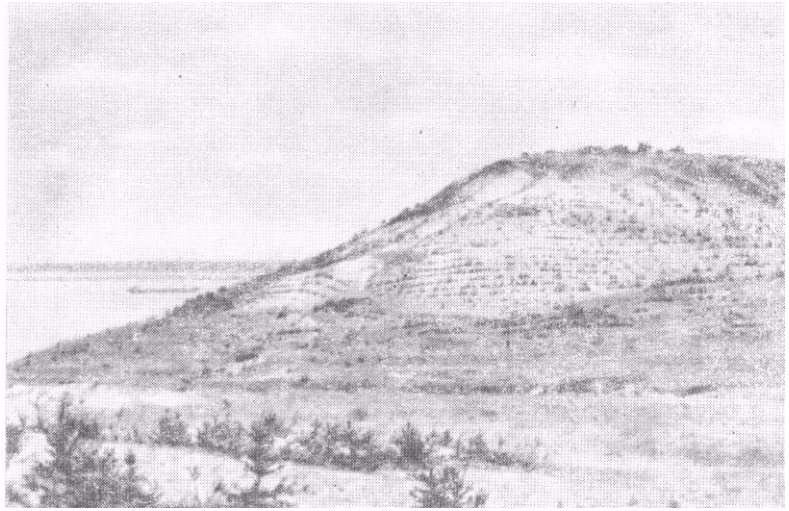

Рис. 22. Зарубинцы. Месторасполо-

На южной окраине Ржищева, на высоком мысу правого берега Днепра, во время раскопок древнерусского городища Иван А. И. Кубышев собрал обломки простой, чернолощеной и амфорной керамики I в. до н. э.— I в. н. э.

55. *Балыко-Шучинка* Кагарлыкского района Киевской области. Поселение расположено на высоком труднодоступном мысу правого берега Днепра, на территории летописного города Чучина.

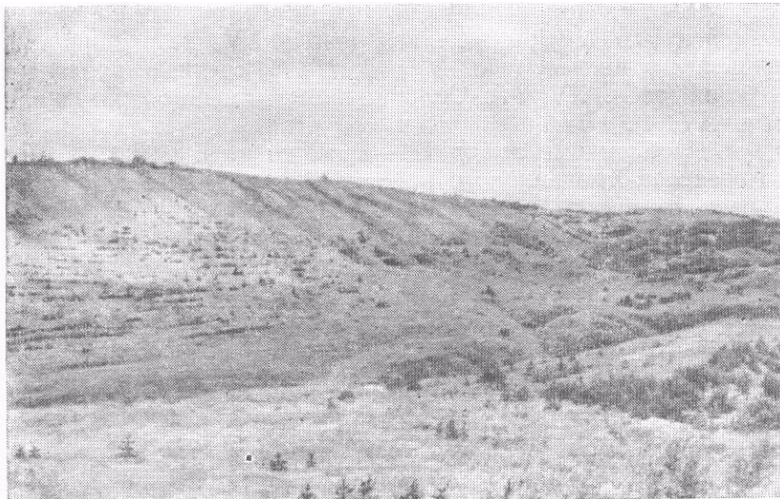
Во время раскопок в древнерусском культурном слое А. И. Кубышевым собраны обломки простой и лощеной зарубинецкой керамики. О форме горшков можно судить по экземпляру (табл. XI, 14), найденному на этом поселении.

Зарубинецкие находки датируются I в. до н. э.— I в. н. э. стенками амфор из коричневой глины, хорошо известными по Золотой Балке (Вязьмитца, 1962, стр. 159).

56. *Ходоров* Кагарлыкского района Киевской области. Поселение расположено на высоком мысу правого берега Днепра.

Во время раскопок установлено наличие мощного (до 2 м) культурного слоя, материал которого относится, в основном, к эпохе Киевской Руси (Кучера, 1962), когда сооружения зарубинецкого поселения были разрушены. От них осталась лишь обмазка стен глинобитных жилищ (табл. XIV, 7), хозяйственные ямы и довольно многочисленный материал: фрагменты черполощенных остроплечих мисок (табл. XIV, 4, 8, 10) и низкоплечих горшков (табл. XIV, 12), простых горшков с отогнутым наружу венчиком (табл. XIV, 5), украшенных иногда по краю ямками. Изредка встречались горшки с расчлененным валиком по корпусу (табл. XIV, 11). Найдены крышки с пустотелой ручкой, биконические пряслица (табл. XIV, 1), плоские сковородки, железные нож (табл. XIV, 6), булавка (табл. XIV, 9), рыболовный крючок (табл. XIV, 2).

Дата зарубинецкого поселения определяется обломками амфор (табл. XIV, 3) и краснолаковой чашечки — I в. до н. э.— I в. н. э.

жение могильника на Батуровой горе.

57. *Великий Букрин* Кагарлыкского района Киевской области. В урочище Мыколина круча Т. С. Пассек обнаружен могильник зарубинецкого типа (Пассек, 1949, стр. 216). Кроме того, здесь найдены две бронзовые позднелатенские фибулы, кувшин с ручкой и миска, орнаментированная по плечу рядом овалов, вероятно, Черняховского времени.

58. *Трахтемиров* Переяслав-Хмельницкого района Киевской области. В 1915 г. на высоком правом берегу Днепра выявлено трупосожжение — выкопано несколько глиняных сосудов, в одном из которых лежали пережженные человеческие кости. Два из этих сосудов хранятся в фондах КИМ (табл. II, 10, 11) — чернолощенный горшок с подковками на корпусе и двумя параллельными валиками под венчиком и остроресберная миска на поддоне.

59. *Монастырек* Переяслав-Хмельницкого района Киевской области. Поселение расположено на мысу высокого правого берега Днепра (рис. 21), огражденном с трех сторон крутыми террасированными склонами, с напольной стороны — глубоким рвом и валом (урочище Трубы). На поверхности встречена керамика эпохи бронзы, зарубинецкая и VIII—X вв. н. э. В ходе раскопок обнаружены остатки трех жилищ и восьми ям-погребов, диаметром 1—1,2 м, глубиной 0,6—1,2 м, в которых были обломки керамики и кости животных.

Жилища имели прямоугольную форму. Длина каждой из стен около 4 м; пол находился на глубине до 0,5 м от современной поверхности. Жилища располагались вдоль северного, обращенного к Днепру, края городища — на расстоянии около 8 м от пего. Расстояние между жилищами 6—7 м.

Ближе к северной стене находились остатки глинобитных печей или очагов.

В заполнении жилищ встретились куски обмазки стен, нож, шило, много фрагментов простой и лощеной посуды, 14 обломков стенок косских амфор, кости животных. Горшки и крышки (табл. XV, 1—3, 5—8) такие же, как и на других приднепровских поселениях. Лощеная посуда представлена фрагментами горшков

(табл. XV, 9) с вертикальным горлом, низкими плечиками и округлым корпусом; высокими мисками с загнутым внутрь венчиком (табл. XV, 12); широкими мисками с валиковидными плечиками (табл. XV, 10, 11, 13) среднеднепровского типа; кружками с ручкой (табл. XV, 14). Обломки ножей имеют горбатую или прямую спинку (табл. XV, 4).

Поселение датируется обломками амфор III—I вв. до н. э.

60. *Зарубинцы* Переяслав-Хмельницкого района Киевской области. Поселение Малая горка расположено на правом берегу Днепра между Батуровой горой и Малой горкой. Оно занимало плоскую вершину холма Малая горка и площадку, находящуюся у ее подножья. Площадь поселения около 3000 м² (Максимов, 1964).

Площадку покрывал недавно образовавшийся слой чистого песка мощностью 0,5—1,2 м, под которым располагался культурный слой толщиной 0,9—1 м (табл. XVII, 12), содержащий обломки посуды, кости животных, камни, печину, уголь.

На площадке обнаружены остатки двух жилищ обычного для Среднего Приднепровья типа. В северо-восточном углу одного из жилищ находилась печь, сложенная из кирпичей спондиловой глины. Толщина их 8—10 см. Высота свода печи 0,7 м. Под, диаметром 0,7 м, был на уровне пола жилища и сложен из плоских тонких камней. На нем обнаружен слой пепла (5 см), в котором найдены четыре раздавленных горшка и чернолощенная миска. Один горшок удалось реставрировать (табл. XVI, 16).

В слое поселения встречены обломки обычных горшков (табл. XVI, 9, 12, 13, 15), а также горшков с косыми насечками по венчику (табл. XVI, 11) и с примесью к глине не только песка, но и толченого камня.

Найдены обломки конических крышек с ручкой, плоских сковородок и дуршлагов (табл. XVI, 14).

Более 10% всех находок составляют фрагменты лощеной посуды, главным образом, мисок трех типов: скифоидных, среднеднепровских (табл. XVI, 1, 2) и острорезберных (табл. XVI, 8). Последние несколько более поздние, чем миски второго типа.

На поселении найдено 87 обломков амфор. Большая их часть (65) относится к позднеэллинистическому времени (табл. XVI, 3, 4) — косские III—II вв. до н. э. и амфоры, близкие к синопским. Остальные обломки принадлежат красноглиняным амфорам I в. н. э. (табл. XVI, 10). Встречены единичные обломки амфор II—III в. н. э. с желобчатым корпусом.

Найдены различные пряслица (табл. XVI, 5, 6), куски шлака, железные проколки, сверло, ножи, гвозди, щипцы, обломок серпа, кольцо косы латенского типа (табл. XVII, 3—9), бронзовый плоский браслет, булавка с плоской головкой, витой стержень (табл. XVII, 1, 2, 11), обломок фибулы среднелатенской конструкции, трехгранный наконечник стрелы III в. до н. э. (табл. XVII, 10).

Амфорный материал и наконечник стрелы датируют поселение III—II вв. до н. э.—I в. н. э. Судя по единичным обломкам желобчатых амфор, жизнь на поселении существовала здесь и во II—III вв. н. э.

61. *Зарубинцы* Переяслав-Хмельницкого района Киевской области. Могильник, открытый В. В. Хвойкой, расположен на вершине (рис. 22) высокого правобережного холма, известного под названием Батурова или Зарубина гора. Вершина горы была разрыта при добывании камня для жерновов, могильник уничто-

Рис. 23. Бучак. Вил на Бабину гору с севера.

жен, и к моменту его открытия сохранился лишь небольшой участок (Хвойка, 1913, стр. 42). В. В. Хвойкой было раскопано три погребения — ямное и урновое трупосожжения и труположение (Петров, 1959, стр. 36).

Во время раскопок здесь были обнаружены: чернолощенный и шершавый горшок, три чернолощенные миски, две кружки с ушком, четыре фибулы, две булавки, два куса бронзовой проволоки (вероятно, браслеты).

У местных жителей В. В. Хвойка приобрел некоторое количество керамики и металлических предметов, происходящих из разрушенных погребений. Типологически они не отличаются от найденных в погребениях вещей, за исключением двух поздних фибул — арбалетной и глазчатой, которые не относятся к этому могильнику и были найдены, несомненно, где-то в другом месте.

Погребения Зарубинецкого могильника по обнаруженным в них фибулам относятся к I в. до н. э.— I в. н. э.

62. *Бучак* Каневского района Черкасской области. В 1,5 км к югу от села на правом берегу Днепра, на Бабиной горе — высоком, отдельно стоящем холме (рис. 23) обнаружено поселение, которое занимало плоскую вершину (600 л³) холма. Во время шурфовки выявлен культурный слой мощностью 0,5—1,0 м, остатки жилищ, очаги, скопления крупных обломков кухонной (табл. XVIII, 1—8) и чернолощенной (табл. XVIII, 11—14) керамики, амфор (табл. XVIII, 9, 10), костей животных. Найденны бронзовая фибула, пряслица, железные проколки, ножи, два серпа. Амфорный материал датирует поселение I в. до н. э.— I в. н. э.

63. 64. *Селище* Каневского района Черкасской области. К юго-востоку от села, на холме между оврагами, Т. С. Пассек обнаружила могильник зарубинецкого типа (Пассек, 1949, стр. 216). На другом холме такого же типа (Средняя гора) нами собраны обломки простой (табл. XIX, 2), чернолощенной (табл. XIX, 1) и амфорной посуды III—I вв. до н. э., костей животных, каменные терочники (табл. XIX, 3). В селе неоднократно встречались бронзовые фибулы (Коршенко, 1939, стр. 90).

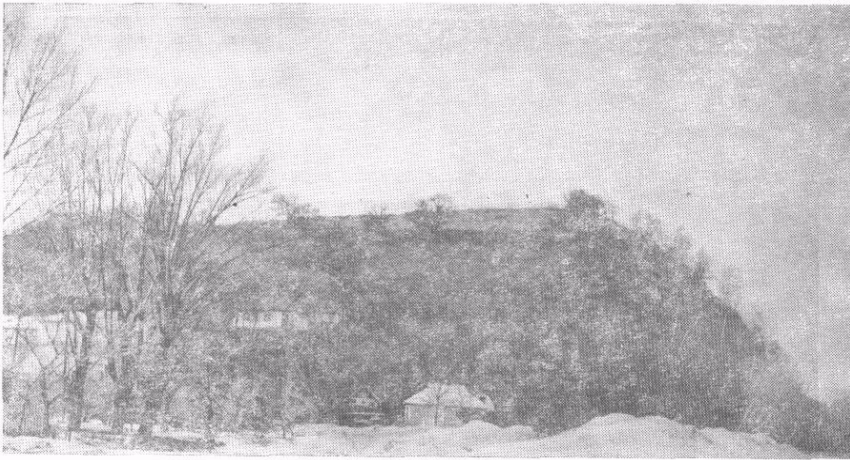

Рис. 24. Канев. Пилипенкова гора с востока.

65. *Пищальники* Каневского района Черкасском области. Близ села находился зарубинецкий могильник, из которого происходит чернолощенная остро-реберная миска (Петров, 1959, стр. 56).

66. *Грищенцы* Каневского района Черкасской области. Возле села был расположен зарубинецкий могильник, к материалам которого относятся кружка с ручкой и обломок среднелатенской фибулы, хранящиеся в КИМ (Махно и Самойловский, 1959, стр. 16).

67. *Куриловка* Каневского района Черкасской области. Здесь найдены крупная фибула латенского типа, поступившая в КИМ из коллекции Зноско-Боровского (Коршенко, 1939, стр. 87).

68. *Гростянец* Каневского района Черкасской области.

Здесь найдена позднелатенская фибула (Кухаренко, 1959, стр. 49). В 1945 г. Т. С. Пассек в урочище Кардашовка найден могильник зарубинецкого типа (Пассек, 1949, стр. 216).

69. *Канев* Черкасской области. Гора Московка.

На высоком холме правого берега Днепра близ центра Канева на горе Московка В. А. Богусевич исследовал остатки поселения зарубинецкой культуры, сильно разрушенного во времена древней Руси и в XVII в. Во время раскопок найдены следы жилищ, хозяйственные ямы, обломки чернолощенной (табл. XIX, 8, 10, 11) и простой посуды (табл. XIX, 4—7, 9), античных амфор, кости животных. Время поселения (по амфорам) III—II в. до н. э.— I в. н. э.

70. *Канев* Черкасской области. Пилипенкова гора.

Поселение расположено на высоком холме правого берега Днепра — Пилипенковой горе — ограниченном со всех сторон крутыми склонами (рис. 24). Вершина холма, где находились жилища, укреплена системой рвов, земляных валов и эскарпов. Западный отрог холма, где был въезд (рис. 25), в узкой части укреплен валом (рис. 26); восточный, пологий склон, имеет тройную линию укреплений.

Небольшие раскопки производились в 1948 г. под руководством В. А. Богусевича и Н. В. Линки (Богусевич и Линка, 1959). Было раскопано 150 м² площади.

Систематические раскопки под руководством автора велись с 1966 г. В 1966—1970 гг. вскрыто около 3000 м² в различных частях холма.

В 1948 г. в северной части поселения обнаружены следы четырех жилищ, пол которых находился на глубине 0,2—0,7 м от современной поверхности. От жилищ сохранились остатки очагов и скопления обломков керамики, костей животных, камней и пр.

В юго-западной части поселения найдены остатки трех сильно разрушенных печей, вероятно, кузнечных горнов, вокруг которых лежало много кусков железного шлака.

В 1966—1970 гг. на площади Восточного (рис. 27) и Западного раскопов открыты остатки еще 38 жилищ и 112 хозяйственных ям. Девять жилищ (№ 2, 4, 6, 7, 15, 22, 25, 34, 36) неплохой сохранности. Стены жилищ сооружены из нетолстых столбов и прутьев, обмазанных глиной. Ямы от столбов имеют диаметр 0,15—0,2 м и глубину (рис. 28) 0,2—0,3 м от поверхности пола. В заполнении жилищ и на полу найдены куски затвердевшей или обожженной глины с отпечатками каркаса. На некоторых кусках одна сторона имела отпечатки прутьев, а другая представляла собой тщательно выглаженную лицевую поверхность стены, иногда со следами побелки.

В центральной части жилища, на уровне пола, находились остатки глинобитного очага (или печи). Перед ним от входа, который обычно располагался со стороны склона, была выкопана неглубокая предочажная яма (рис. 28). Близ жилищ находились круглые в плане хозяйственные ямы диаметром 0,6—1,2 м по дну, глубиной 0,40—1,2 м от уровня дневной поверхности. В жилищах и ямах

Рис. 25. Участок въезда на Пилипенкову гору. Вид с востока.

найлены обломки ручек, стенок и днищ эллинистических амфор (табл. XX, 16—23), чернолощенных мисок различных типов (табл. XX, 6, 13, 14), преимущественно — среднеднепровских (табл. XX, 1, 13, 15), чернолощенных горшков (табл. XX, 10) и кружек (табл. XX, 11), кухонных горшков и корчаг, украшенных ямками по краю венчика (табл. XXI, 1—10, 14), изредка — с хрупчатой

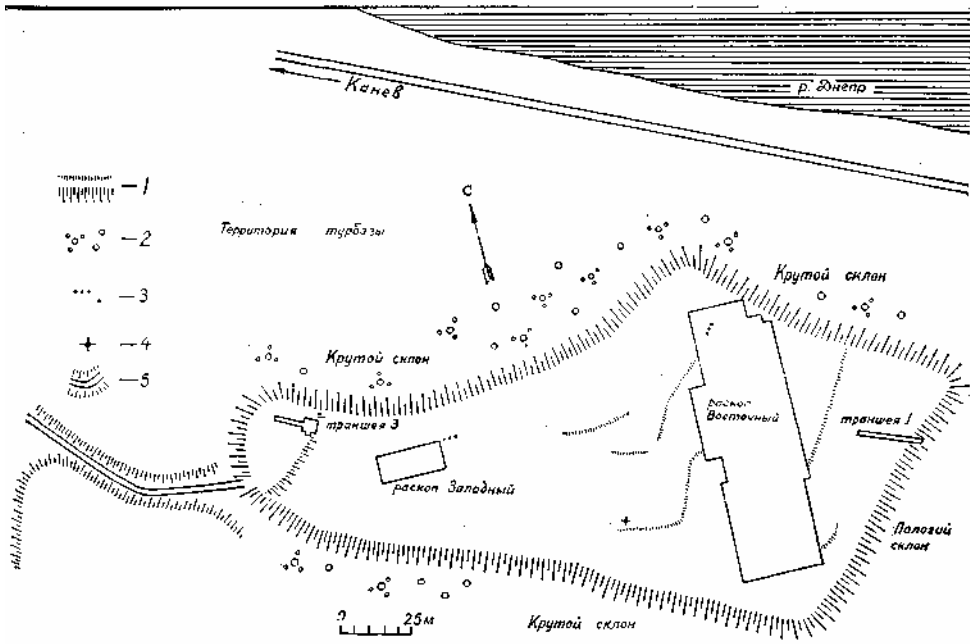

Рис. 26. План Пилипенковой горы.

1 — земляные валы и эскарпы; 2 — деревья и кустарники; 3 — столбы электропередачи; 4 — топографический репер; 5 — въезд на городище.

поверхностью (табл. XXI, 9), конические крышки с пустотелой ножкой (табл. XXI, 13), плоские, иногда орнаментированные, сковородки (табл. XXI, 15), кости животных и рыб, мелкие камни.

Возле некоторых жилищ отмечены очаги открытого типа, сооруженные на древней поверхности из небольших плоских камней.

Кроме обычных круглых хозяйственных ям (рис. 30), встречены погребки со сводами и ступеньками (рис. 30). В одном из них найдены обломки амфор, в том числе ручка косской амфоры с клеймом ΑΠΟΛΛΑΔΟΣ (табл. XX, 21), которое, по определению Б. Н. Гракова, датируется 230—220 гг. до н. э. На это же время (вторая половина III—II вв. до н. э.) указывают найденные в других местах обломки косских, паросских, фасосских и родосских амфор, представленных фрагментами стенок, горл, венчиков, ручек и днищ, составляющие около 6% всех керамических находок, сделанных на поселении.

Ко времени рубежа II—I в. до н. э. относятся четыре проволочных фибулы среднелатенской конструкции (табл. XX, 4) и бронзовая понтийская монета,

найденная на дне одной из ям. На аверсе этого тетрахаля (тетрахаляк — четыре медных номинала), вероятно, было изображение Эгиды с горгонеем, на реверсе — Ники с пальмовой ветвью и наименованием города, где отчеканена монета (табл. XX, 7). Подобные монеты датируются 105—90 гг. до н. э. (Зограф, 1951, стр. 139—145; Карышковский, 1966, стр. 62—74).

К перечисленным выше группам находок следует добавить 29 железных ножей с горбатой и прямой спинками (табл. XX, 8, 9), 4 гвоздя латенского типа, 8 проколов, 5 колец, железный гарпун (табл. XVIII, 11), найденный в 1948 г., 6 бронзовых стержней-заготовок, 2 браслета со змеевидной головкой, спиралевидное кольцо, два фрагмента зеркал, более 40 тиглей (табл. XX, 12) и их обломков, глиняные биконические и плоские — из стенок сосудов — пряслица (табл. XX, 2, 3), 4 крупных пирамидальных грузила с отверстием в верхней части (табл. XXI, 11).

Поселение на Пилипенковой горе достаточно полно характеризует домостроительство, хозяйство и быт зарубинецкого населения Среднего Приднепровья конца III в. до н. э. — I в. н. э. (Максимов, 1971).

71. *Лепляво* Каневского района Черкасской области. Здесь найдены фибулы, из которых в Киевском историческом музее (КИМ)

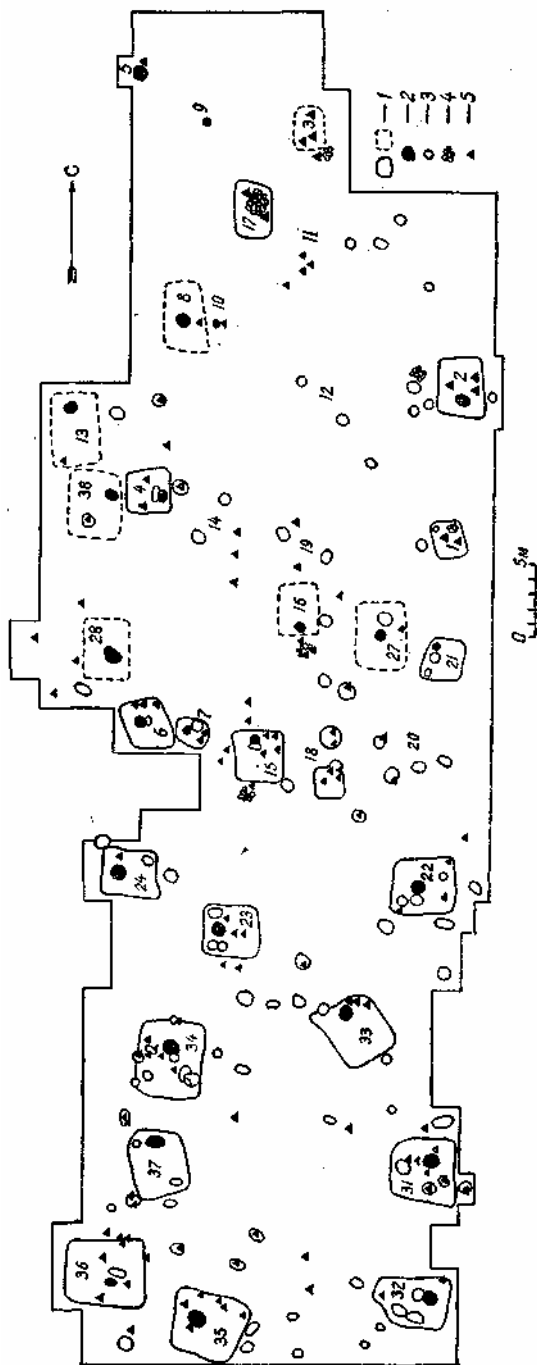

Рис. 27. Пилипенкова гора. План Восточного раскопа:

1 — контуры жилищ; 2 — очаги; 3 — хозяйственные ямы; 4 — каменные валистики; 5 — наиболее важные находки (тигль, пряслица, украшения, ножи, фрагменты амфор).

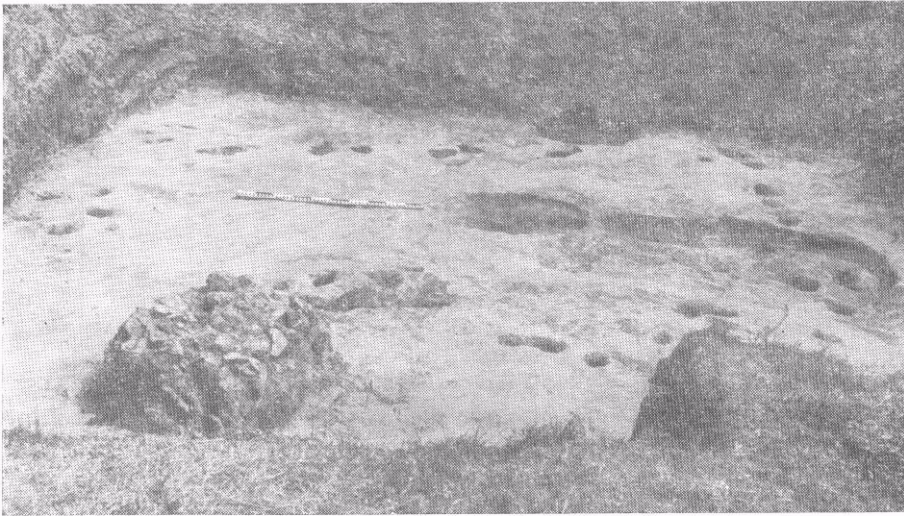

Рис. 28. Пилипенкова гора. Остатки жилища № 2. Пол, ямы от столбов, внешний каменный очаг, хозяйственная яма.

хранилось две раннелатенских, одна среднелатенская проволочная, пять зарубинецкого типа и одна позднелатенская (Петров, 1959, стр. 45).

72. *Пекари* Каневского района Черкасской области. Из окрестностей села происходят бронзовые украшения латенского типа, хранящиеся в КИМе, куда они поступили из коллекции Кундеревича (Коршенко, 1939, стр. 89). Некоторые из них упоминаются в работе Ю. В. Кухаренко: бронзовая фибула, два бронзовых браслета с шишечками, кольцо-подвеска с фигурками птиц, бронзовая головка человека (Кухаренко, 1959а, стр. 49).

73. *Хутор-Хмельная* Каневского района Черкасской области. В фондах КИМа хранятся: проволочная среднелатенская и зарубинецкого типа фибулы, два бронзовых колесика-подвески, бронзовый перстень (Кухаренко, 1959а, стр. 49).

В селе нами прошурфовано небольшое поселение мысового типа. Культурный слой, мощностью 0,3 м, содержит обломки кухонных горшков, чернолощеной керамики, кости животных.

75. *Мошны* Черкасского района и области. В окрестностях села, на мысах боровой террасы левого берега р. Ольшанки в 1957 г. нами обнаружены следы трех поселений с обломками простой и чернолощеной керамики.

76. *Свидевок* Черкасского района и области. В урочище Церковный горб, на мысу боровой террасы нами собраны обломки простой и чернолощеной островерберной керамики.

77. *Черкасы*. На территории города найдена фибула латенского типа (Коршенко, 1939, стр. 95).

78. *Селище* Барышевского района Киевской области. К югу от села в урочище Бирки, расположенного на дюнах левого берега р. Трубеж, А. П. Савчук обнаружил остатки поселения, собрав здесь обломки простой и лощеной керамики, биконические и плоские, из стенок, пряслица, стеклянные и настольные

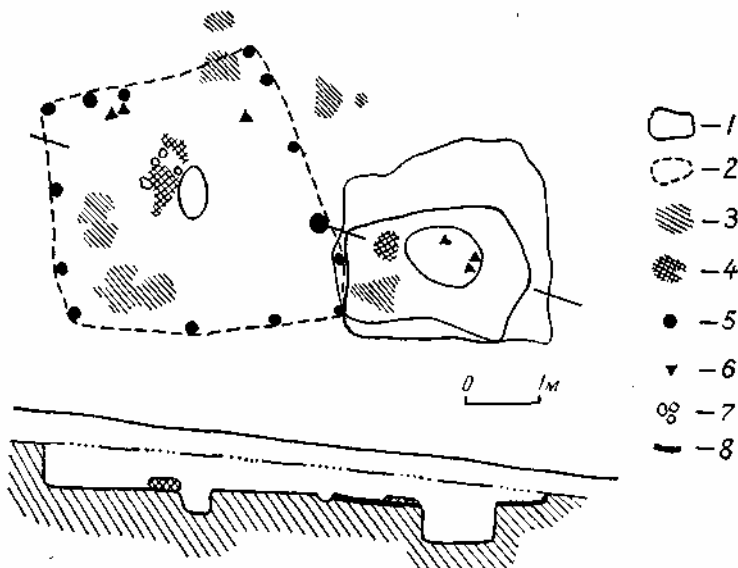

Рис. 29. Пилипенкова гора. План и разрез жилищ № 6 и 7:

1, 2 — контуры жилищ и ям; 3 — глина; 4 — очаг; 5 — ямы от столбов; 6 — тигли, фрагменты амфор; 7 — камни; 8 — золистый участок пола.

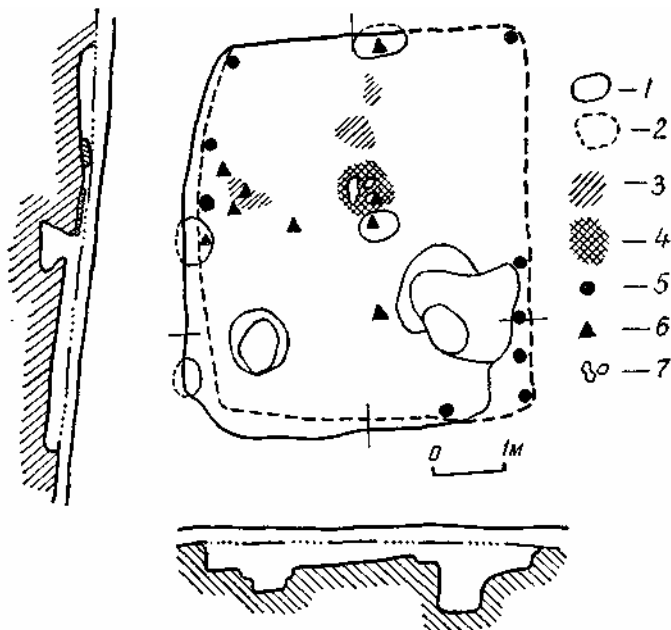

Рис. 30. Пилипенкова гора. План и разрезы жилища № 34:

1, 2 — контуры жилища и хозяйственных ям; 3 — глина; 4 — очаг; 5 — ямы от столбов; 6 — тигли, пряслица, фрагменты амфор; 7 — камни.

бусины голубого и красного цветов, два бронзовых пинцета, обломок браслета, трапециевидные и очковидные подвески, пронизки, три бронзовых иглы, колечки с неспаянными концами. Поселение относится к позднезарубинецкому времени — II—III вв. н. э. (Савчук, 1969, стр. 85).

79. *Пасечное* Барышевского района Киевской области. В карьере песчаного мыса правого берега р. Трубеж, к северу от села найдены обломки керамики за-

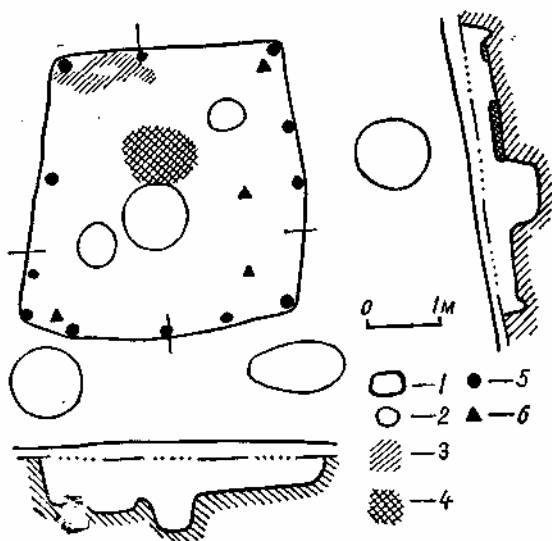

Рис. 31. Пилипенкова гора. План и разрезы жилища №22; 1 — контуры заполнения жилища; 2 — хозяйственные ямы; 3 — глина; 4 — очаг; 5 — ямы от столбов; 6 — фрагменты амфора и мегарской чаши.

рубинецкого типа, бусина из красной пасты и бронзовая литая фибула с высоким приемником (Савчук, 1969, стр. 85). Время фибулы II—III вв. н. э.

80. *Коржи* Барышевского района Киевской области. В выдувах песчаного мыса (урочище Рябцы) найдена бронзовая фибула почепского типа второй половины I—II вв. н. э., бронзовые колечки, трапециевидные и очковидные подвески, пронизки и иглы, пастовые бусины, ножи с прямыми спинками (Савчук, 1969, стр. 86).

81. *Пристромы* Переяслав-Хмельницкого района Киевской области. Поселение расположено на дюнах левого низкого берега Трубежа в урочище Товаричий гай.

82. *Волчков* Переяслав-Хмельницкого района Киевской области. На правом берегу

р. Трубеж в районе моста А. П. Савчук обнаружил керамику зарубинецкого типа, биконические плоские пряслица, бронзовую и железную фибулы позднелатенской схемы со сплошным пластинчатым приемником и прогнутым корпусом (I в. н. э.) и бронзовую подвеску треугольной формы (Савчук, 1969, стр. 86).

83. *Богуслав* Киевской области. Здесь найдена чернолощенная миска, указывающая на могильник зарубинецкой культуры (Махно и Самойловский, 1959, стр. 16).

84. *Биевцы* Богуславского района Киевской области. Найдена бронзовая среднелатенская фибула зарубинецкого типа (Кухаренко, 1959, стр. 49).

85. *Межеричи* Каневского района Черкасской области. На мысу левого берега р. Рось в урочище Городище обнаружены культурный слой зарубинецкого поселения и хозяйственные ямы, обломки лощеной и простой кухонной посуды, кости животных (Довженок и Линка, 1959, стр. 113).

86. *Сахновка* Корсунь-Шевченковского района Черкасской области. Поселение расположено на горе Девице, находящейся на левом берегу р. Рось. Здесь в XI—XII вв. стоял замок, основанный при Ярославе Мудром. Поселение занимало вершину и северный склон горы, а также седловину гор Девица и Дегтярная.

Во время раскопок 1949 г. на вершине горы и на северном склоне выявлен культурный слой мощностью до 1,0 м. До глубины 0,40—0,60 м здесь встречались обломки зарубинецкой и древнерусской керамики, ниже шел только зарубинецкий материал (Довженок и Линка, 1959, стр. 102).

На глубине 1,0 м прослежен пол жилища. На нем найдены обломки зарубинецкой простой и лощеной посуды, угольки. Здесь же была обнаружена предпечная яма овальной формы.

Для лощеной керамики характерно высокое качество изготовления. Она представлена мисками черного и желтого цветов с округлобоким корпусом, валиковидными плечиками, прямым, немного отогнутым наружу венчиком, украшенным с внутренней стороны двумя-тремя гранями. В мисках отчетливо прослеживаются традиции латенской культуры (Третьяков, 1966, стр. 215).

Простая (кухонная) посуда представлена обломками обычных зарубинецких горшков и плоских сковородок. Венчики горшков орнаментированы по краю пальцевыми защипами или косыми насечками.

В жилище обнаружено несколько обломков амфор эллинистического времени, пряслице из стенки косской амфоры, биконическое пряслице, грузило конической формы, железный нож с горбатой спинкой, кости домашних (бык, свинья, овца-коза, лошадь) и диких (лось, кабан, зубр) животных.

Среди подъемного материала найден фрагмент двуствольной косской амфоры III—II вв. до н. э. Время поселения на горе Девица (III—II вв. до н. э.) определяется амфорным материалом и железной фибулой позднелатенской схемы с рамчатым приемником, найденной В. Гезе в 1901 г.

87. *Шестовица* Черниговского района Черниговской области. На мысу правого берега Десны при раскопках древнерусского городища обнаружены обломки лощеных зарубинецких мисок и горшков с жемчужным орнаментом (Блифельд, 1952, стр. 53).

88. *Табаевка* Черниговского района Черниговской области. На небольшой возвышенности, ограниченной оврагами, расположенной на берегу р. Белоус (приток Десны), при раскопках древнерусского курганного могильника обнаружены следы поселения со слабым (0,2 м) культурным слоем. В слое и неглубоких ямах найдены обломки керамики, печина, пряслице, бронзовая булава с петлевидной головкой, трехгранный наконечник стрелы позднескифского типа, кости животных. Горшки имели плоское дно, округлобокий корпус, вертикальный или отогнутый наружу венчик, украшенный жемчужным орнаментом (Блифельд, 1952, стр. 55). Обломки чернолощенных мисок немногочисленны и свидетельствуют о проникновении зарубинецкой керамики в область милоградско-подгорцевской культуры.

89. *Максаки* Менского района Черниговской области. В урочище Грудок, расположенном на правом берегу Десны, в береговом обрыве на протяжении до 250 м обнаружен разновременный культурный слой мощностью до 0,9 м. Здесь исследована большая очажная яма, округлый очаг и собраны обломки толстостенных, с примесью шамота в тесте, лепных горшков, украшенных ямками или насечками по венчику (Неприна, Корпусова, 1971), относящихся к поселению позднезарубинецкого времени.

90. *Старая Бутовка* Сосницкого района Черниговской области. В урочище Чубкова гора на останце боровой террасы поймы левого берега Десны на пашне и в шурфе обнаружены материалы поселения зарубинецкого типа: обломки стенок

и венчиков толстостенных горшков, чернолощенных мисок, кости животных. Культурный слой поселения имеет хорошую сохранность (Неприна, Корпусова, 1971).

91. *Салтыкова Девица* Куликовского района Черниговской области. На краю надпойменной террасы, против урочища Оболонь в карьере обнаружен культурный слой позднезарубинецкого поселения мощностью до 0,8 м, содержащий обломки толстостенной лепной посуды, покрытой штриховкой, и чернолощенное бионическое пряслице (Неприна, Корпусова, 1971).

92. *Обирок* Бахмачского района Черниговской области. Поселение позднезарубинецкого времени с хорошо сохранившимся культурным слоем находилось на подпойменной террасе в урочище Титовчивщина. Здесь на пахотной площади 180 x 200 м и в шурфах обнаружены обломки простых горшков с отогнутым

венчиком, украшенным по краю ямочным орнаментом, и дно чернолощенного сосуда (Неприна, Корпусова, 1971).

93. *Хутор Червоный ранок* Кролевецкого района Сумской области. Многослойное поселение расположено на мысу правого берега Сейма; перешеек мыса укреплен рвом и валом. На поселении встречены обломки зарубинецкой посуды и античных амфор (Ляпушкин, 1947, карточка XVII).

94. *Путивль* Сумской области. На восточной окраине города, в урочище Пасека, в обнажениях отмечено наличие мощного (до 1 м) культурного слоя. В нем выявлены обломки простых горшков и фрагменты чернолощенных мисок (Березовец, 1949).

95. *Новая Слобода* Путивльского района Сумской области. В селе и возле него на берегу оврага в районе школы, на берегу оврага в западной части села и на мысу между оврагами в урочище Кукорыши собран подъемный материал зарубинецкого типа (Березовец, 1955).

96. *Калище* Путивльского района Сумской области. В селе и его окрестностях собраны обломки чернолощенной керамики (Сборы Д. Т. Березовца, фонды ИА АН УССР).

97. *Пруды* Путивльского района Сумской области. На поселении зарубинецкой культуры Д. Т. Березовцом был собран подъемный материал — обломки простой и лощеной керамики (Фонды ИА АН УССР).

98. *Хутор Пешков* Путивльского района Сумской области. На высоком правом берегу р. Сейм в окрестностях хутора и на пахотном поле встречены обломки лепных горшков зарубинецкого типа (Сборы Д. Т. Березовца, фонды ИА АН УССР).

99. *Волынцево* Путивльского района Сумской области. Поселение зарубинецкой культуры находилось на месте селища VII—VIII вв. Во время раскопок здесь обнаружены обломки сосудов зарубинецкого типа (Березовец, 1949, стр.18).

100. *Харьевка* Путивльского района Сумской области. Поселение выявлено в урочище Трифон, на небольшом возвышении поймы р. Сейм. Культурный слой разрушен распашкой. Во время раскопок Д. Т. Березовцом было вскрыто более 200 м², найдены остатки двух жилищ и пяти печей. Жилища находились близко к поверхности, сохранились плохо. Удалось проследить развалы стен из плетня, обмазанного глиной, глинобитный пол, остатки глинобитной печи с вмазанными в стенку двумя миниатюрными сосудиками. В жилищах и культурном слое найдены обломки лощеной и простой посуды, древнегреческих амфор, пряслица, железный наконечник копья, кости животных, печина (Березовец, 1955, стр. 61). Фрагменты лощеных мисок и горшков высокого качества. Встречены миски

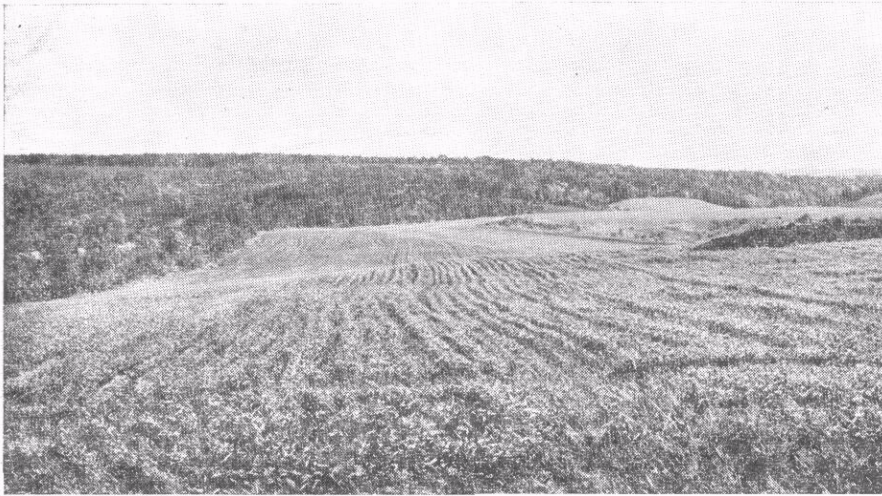

Рис. 32. Жаботин. Вид на поселение с севера.

скифоидного типа (табл. XXII, 1), среднеднепровские с граненым венчиком (табл. XXII, 2), остроплечие с простым и кольцевым дном, лощеные горшки (табл. XXII, 5—5) биконической и округлобокой формы. Поверхность одного горшка хруповатая, а небольшое пространство под венчиком (табл. XXII, 5) и у дна лощеные. Венчик небольшой, горизонтальный, отогнут наружу. Подобные сосуды известны в лужицко-поморских памятниках Западного Буга и Верхнего Поднестровья. С ними можно связать железный наконечник копья и простой горшок, орнаментированный частыми вертикальными канавками по корпусу (табл. XXII, 7). У большинства простых горшков корпус округлобокий, венчики гладкие или расчлененные, плавно отогнуты (табл. XXII, 9—12). На днище одного из них сохранился отпечаток оси гончарного круга (табл. XXII, 8).

Найдены крышки с пустотелой ручкой (табл. XXII, 6) и плоские сковородки, лощеные с одной стороны. Время поселения (III—II вв. до н. э.) определяется амфорным материалом. Харьевка — одно из самых ранних поселений зарубинецкого типа на Днепровском Левобережье.

101. *Басовка* Роменского района Сумской области. Поселение расположено на мысу высокого правого берега р. Сулы, на месте скифского городища VI—IV вв. до н. э. В верхнем горизонте культурного слоя, толщина которого достигала 0,5 м, встречено много обломков обожженной глиняной обмазки стен каркасных жилищ и материалы зарубинецкой культуры: проволочная фибула (табл. XXIII, 13), биконические пряслица (табл. XXIII, 14, 15), обломки чернолощенных мисок, горшков и кружек высокого качества изготовления. По формам миски разделяются на среднеднепровские с граненым венчиком (табл. XXIII, 2, 4), округлоплечие (табл. XXIII, 1) и остросереберные, с плавно изогнутым наружу венчиком (табл. XXIII, 3), не характерные для Среднего Приднепровья. Найдены обломки сосудов, поверхность которых была орнаментирована расчесами и рустом (табл. XXIII, 6—8) в виде нанесенных пальцем или палочкой частых ямок.

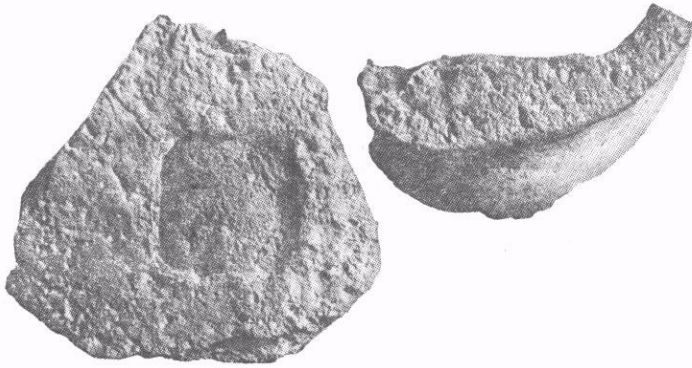

Рис. 33. Жаботин. Отпечатки зерен на днищах горшков.

Простая керамика представлена обломками округлобоких горшков (табл. XXIII, 9—12), сковородок и крышек. Обычны находки фрагментов эллинистических амфор III—II вв. до н. э. К числу датируемых относится обломок ручки с клеймом и обломки фасосских (табл. XXIII, 17—19) и косских амфор. Латенский импорт представлен бронзовым браслетом с шишечками (табл. XXIII, 16) и железным наконечником копья (Ильинская, 1961, стр. 59—63).

Наличие керамики, орнаментированной не характерными для Приднепровья расчесами и рустом, чернолощеных остроплечих мисок и пряслиц, украшенных солярными знаками, указывают на связь Басовки с памятниками позднепоморской—позднелужицкой культур. Басовку следует рассматривать как один из наиболее восточных пунктов проникновения зарубинецких племен в ранний период зарубинецкой истории. Время поселения — III—II вв. до н. э.

102. *Лубны* Полтавской области. Во время раскопок кургана высотой 1 м, диаметром 20 м, расположенного на Замковой горе, Ф. Каминский обнаружил в центре насыпи на уровне дневной поверхности кострище, в котором лежали чернолощеная зарубинецкая миска, чернолощеный горшок с четырьмя дуговидными налепами, курильница, пережженные кости человека, кости козы, побывавшие в огне стеклянные бусы (Махно, 1965, стр. 185).

103. *Залевки* Смелянского района Черкасской области. Поселение расположено на высоком мысу правого берега р. Тясмин. А. И. Тереножкиным обнаружено несколько хозяйственных ям, в которых встретились керамика зарубинецкого типа (Тереножкин, 1954а).

104. *Жаботин* Каменского района Черкасской области. На юго-западном склоне Тарасовой горы обнаружено уриовое трупосожжение. В урне (табл. XXV, 14) было немного пережженных костей и железная пряжка сарматского типа (табл. XXV, 13). Рядом найден поддон чернолощеной вазы. Время пряжки I в. н. э.

105. *Жаботин* Каменского района Черкасской области. Поселение расположено в юго-восточной части Тарасовой горы (рис. 32). Автором собраны обломки керамики зарубинецкого типа, античных амфор, бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (табл. XXIV, 12) позднескифского времени, биконические пряслица, куски печины, камни, кости животных. Шурфы выявили культурный слой мощностью 0,45 м. На этой глубине обнаружены завалы обожженной обмаз-

ки стен с отпечатками прутьев (табл. XXIV, 14) — остатки жилища с каркасно-глиняными стенками. Найден ров, ограничивавший поселение с юго-востока. Глубина рва 1 м, ширина вверху 2,5 м.

Чернолощенная керамика представлена обломками мисок и горшков. Миски скифоидного типа с загнутым внутрь венчиком (табл. XXV, 5) и остроплечие (табл. XXIV, 6), на высоком поддоне (табл. XXIV, 5). Горшки (табл. XXIV, 4) принадлежат к типу округлобоких.

Многочисленны обломки округлобоких низкоплечих горшков с отогнутым наружу венчиком, часто украшенным по краю ямками (табл. XXIV, 1—3). Стенки некоторых горшков орнаментированы расчесами (табл. XXIV, 7). Иногда на днищах горшков есть отпечатки зерен (XXIV, 16; рис. 33), входивших в состав попоны, которой посыпали поверхность гончарного круга. Крышки с пустотелой ручкой изготовлены из глины с небольшой примесью крупного песка.

Античный материал представлен обломками родосских, фасосских, косских амфор III—II вв. н. э. (табл. XXIV, 8, 9), чернолаковой мисочкой этого же времени, краснолаковой мисочкой II—I вв. до н. э. (табл. XXIV, 10), обломками светлоглиняных амфор с двустольными ручками рубежа н. э. (табл. XXIV, 11). Найдены железные ножи (табл. XXIV, 13).

106. *Михайловка* (бывшие Прусы) Каменского района Черкасской области. В. В. Хвойкой возле села раскопан курган, в погребении которого выявлены зарубинецкий чернолощенный горшок (Хвойка, 1901, стр. 189) и два бронзовых браслета с шишечками (Кухаренко, 1959, стр. 149).

107. *Суботов* Чигиринского района Черкасской области.

Могильник расположен в части села, называемой Чапаливкой, на пологом склоне левого берега р. Суботи. Он обнаружен случайно, во время земляных работ 1909 г. В послевоенные годы разрушено еще несколько погребений, материалы которых переданы А. И. Тереножкину (Максимов, 1960). В 1953 г. небольшие раскопки проведены И. М. Самойловским. Всего отсюда происходит девять урновых трупосожжений.

Погребение № 1 (открыто в 1909 г.) находилось на дне глубокой ямы. Здесь выявлено лепную чернолощеную вазу с широким горлом, тремя профилированными ручками и каннелированным корпусом (табл. XXV, 11) и бронзовую ситуну (табл. XXV, 12), прикрытую глиняной миской. В вазе и ситуне были пережженные кости.

Погребения № 2, 3, 4, материалы которых поступили в Институт археологии АН УССР в 1951 и 1955 гг., находились недалеко от погребения № 1.

В погребении № 2 обнаружен лощенный округлобокий кувшин (табл. XXV, 3) с пережженными костями и фрагмент железного кольца.

В погребении № 3 выявлен чернолощенный круглый горшок с налпами в виде подковок на корпусе (табл. XXV, 5), накрытый миской коричневого цвета на коническом поддоне (табл. XXV, 10). В горшке были пережженные кости, бронзовая пружинная фибула с кнопкой на конце приемника (табл. XXV, 8), серьга (табл. XXV, 7), пронизка, поясной крючок кельтского типа (табл. XXV, 2), перстни (табл. XXV, 9), браслет, подвеска (табл. XXV, 4, 6), бронзовый колокольчик, бусины из горного хрусталя и пасты (табл. XXV, 2). На многих вещах есть следы пребывания в огне.

Погребения № 4—7 были зафиксированы И. М. Самойловским в 1953 г. Находились они на небольшой глубине (0,27—0,45 м) на расстоянии 10—35 м от погребения № 2. Сильно разрушены (Самойловский, 1960). Здесь выявлены

Рис. 31. Суботов. Вид на городище с юга.

-обломки лощеной керамики и простых горшков, пережженные человеческие кости, кости животных, обломок краснолаковой миски, бронзовая пряжка и египетский фаянсовый скарабей (табл. XXVII, 16).

В погребении № 8, находившемся близ погребений № 1—3, обнаружен горшок (табл. XXVI, 1) с пережженными костями, среди которых были две бронзовые серьги и 11 бусин из пасты и горного хрусталя (табл. XXVI, 2, 3, 6/).

Погребение № 9 открыто в 1957 г. недалеко от погребений № 4—7. Здесь найден фрагмент кувшина, аналогичный сосуду из погребения № 2, в котором были пережженные кости, бронзовый пластинчатый браслет с расширенными концами (табл. XXVI, 4) и кусок бронзовой проволоки.

Принадлежность Суботовского могильника к памятникам зарубинецкой культуры была поставлена под сомнение Ю. В. Кухаренко (Кухаренко, 1964, стр. 8). Однако большая часть суботовских материалов — миски, лощеные горшки биконической формы с цилиндрическим горлом, фибулы, браслеты, перстни, подвески — обычны для более северных зарубинецких поселений и могильников.

Бронзовые украшения и скарабей относятся к I в. до н. э. — I в. н. э. Урна из погребения № 8 (табл. XXVI, 1) аналогична горшкам поморского типа (Головно), керамике из припятских (Велемичи) и румынских могильников (Поянешти) и может быть датирована более ранним временем, к которому относятся также ваза эллинистического облика и бронзовая ситула из погребения № 1.

108. *Суботов* Чигиринского района Черкасской области. Поселение расположено на высоком мысу правого берега р. Суботи (приток Тясмина), ограниченном со всех сторон глубокими оврагами. Длина мыса — 300 м, ширина 50—200 м, глубина оврагов до 20 м, склоны очень крутые (рис. 34).

Культурный слой мощностью 0,4—0,8 м содержит материалы чернолесской и зарубинецкой эпох. Стратиграфически они не разделяются (Тереножкин, 1961, стр. 12—61).

Остатки жилых и хозяйственных зарубинецких сооружений зафиксированы у склона, в западной части поселения. Жилище было прямоугольным в плане, пол находился на глубине 0,75 м от уровня поверхности материка. В заполнении

найжены обломки античных амфор, краснолаковых и сероглиняных античных мисок, обломки простой и лощеной зарубинецкой керамики, куски глиняной обмазки стен, камни, кости животных. Недалеко от жилища обнаружена хозяйственная яма (глубина 0,85 м, диаметр 0,8 м) с материалом, аналогичным жилищу. Такими же были и находки из культурного слоя (Максимов, 1960).

Нелощеная посуда представлена горшками округлобокой формы, с прямым, отогнутым наружу венчиком (табл. XXVII, 9), нередко орнаментированным по краю пальцевыми ямками или насечками (табл. XXVII, 5, 6); крышками конической формы; кружками с ручкой (табл. XXVII, 10); корчагами-зерновиками, форма которых (табл. XXVII, 15) аналогична сосудам из Корчеватовского могильника и поселения Пилипенкова гора.

Лощеная керамика представлена обломками чернолощеных мисок четырех типов: 1) скифоидные с загнутым внутрь краем (табл. XXVI, 5); 2) среднеднепровские с валиковидным плечиком и венчиком плавных или граненых очертаний (табл. XXVIII, 1, 2); 3) такой же формы корпуса, но с плавно, мягко отогнутым наружу венчиком (табл. XXVII, 3); 4) с коническим корпусом, слабо выраженными плечиками и крупным прямым, отогнутым наружу венчиком (табл. XXVII, 4).

На Суботовском поселении, по сравнению с другими среднеднепровскими поселениями, найдено много античной импортной керамики — около 17%. Среди фрагментов встретились обломки косских амфор позднеллинистического времени III—II вв. до н. э.; многочисленные обломки амфор из красной глины с ложнодвуствольными ручками (табл. XXVI, 12); амфоры из светлой глины, содержащей примесь пироксена, с двуствольными ручками (табл. XXVI, 13), с резким изгибом, ножкой жолудевидной формы. Место производства этих амфор — Южное Причерноморье, время — I в. до н. э.—I в. н. э. (Зеест, 1960, стр. 109).

Краснолаковая античная керамика представлена обломками мисок и кубков. Миски (табл. XXVI, 11) покрыты негустым лаком красного цвета. Датируются I в. н. э. Обломки тонкостенных пергамских кубков, покрытых коричневым лаком и украшенных растительным орнаментом, выполненным в технике барботин (табл. XXVI, 8, 9), относятся к I в. до н. э.— началу I в. н. э. (Книпович, 1952, стр. 319). Обломки сероглиняных лощеных кувшинов и мисок на кольцевой ножке (табл. XXVI, 7), покрытые темнокоричневым лаком, датируются временем краснолаковой керамики.

Эти предметы определяют время самого южного среднеднепровского зарубинецкого поселения — III—II вв. до н. э.— I в. н. э.

На поселении найдены два железных ножа с прямой спинкой (табл. XXVII, 13), два серпа чаплинского типа (табл. XXVII, 14), большой железный рыболовный крючок (табл. XXVII, 11), два железных четырехугольных в сечении стержня, железная игла (табл. XXVII, 12—14), гвоздь латенского типа, куски железного шлака. Обнаружены глиняные пряслица биконической формы, плоское круглое грузило (табл. XXVII, 5).

109. *Верхняя Мануйловка* Кременчугского района Полтавской области. В насыпи кургана Острая могила (эпоха бронзы) обнаружено трупосожжение с керамикой зарубинецкого типа, две бронзовые проволочные среднелатенские фибулы (Кухаренко, 1959а, стр. 49), наконечник копья и бусины.

110. *Дьяченки* Кременчугского района Полтавской области. Аналогичное впускное погребение с трупосожжением найдено в насыпи кургана эпохи бронзы близ с. Дьяченки (Рудинский, 1928, стр. 43).

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПРИДНЕПРОВЬЯ

ТЕРРИТОРИЯ

Северной границей распространения зарубинецких памятников в области Среднего Приднепровья является устье Тетерева. Однако поселения этого времени содержат здесь уже смешанный (зарубинецкий и культуры штрихованной керамики) материал (Грини). К северу от Тетерева, приблизительно в 100 км, начинается область верхнеднепровских памятников чаплинского типа, а на расстоянии около 250 км к северо-западу — область зарубинецких памятников припятского типа.

На юге среднеднепровские памятники распространены в бассейнах Роси и Тясмина, встречаются также они в устье Пела. Южнее они не известны. В древности здесь начиналась степь, где жили кочевые племена сарматов. Следовательно, зарубинецкие поселения вдоль Днепра простирались на расстояние до 250 км.

Западные границы распространения зарубинецкой среднеднепровской культуры в настоящее время не могут быть указаны так определенно, как северные или южные, в связи со слабой изученностью Подолья и Вольни. Здесь зарубинецкие памятники известны в районе Житомира и южнее, в районе Винницы и Гайсина.

Восточные границы очертить еще труднее. На Левобережье зарубинецкие поселения тянутся вдоль Десны. Они обнаружены на среднем течении Сейма — в районе Путивля, и сравнительно недалеко от него — в верховьях Сулы. В южной части Левобережья, как отмечалось, памятники зарубинецкого типа зафиксированы в бассейне Пела, а также по Трубежу.

Все они, удаленные в той или иной степени от Днепра, в какой-то мере отличаются от приднепровских. Это в равной степени касается и поселений верховьев Южного Буга, и тясминского Суботова, и сейминской Харьевки, и посульской Басовки.

Однако между этими окраинными и зарубинецкими памятниками побережья Днепра больше сходства, чем различий, что позволяет нам включать их в область среднеднепровской зарубинецкой культуры.

Таким образом, зарубинецкое население Среднего Приднепровья заселяло берега Днепра, распространяясь на Правобережье вдоль Тетерева, Ирпеня, Южного Буга, Роси и Тясмина, на Левобережье — по Десне, Суле, Пслу и дальше на юго-восток.

Мы сейчас не располагаем сведениями, которые позволили бы установить степень заселенности этой значительной территории. Однако можно утверждать, что зарубинецкие поселения существовали не только на берегах крупных рек Среднего Приднепровья. Заселенными были и Стугна, Трубеж, Олышанка, Сось, а также другие небольшие реки, особенно начиная с рубежа н. э.

Область распространения зарубинецкой культуры не ограничивалась одним только Средним Приднепровьем. Родственные приднепровским племена обитали в бассейне Припяти и в Верхнем (гомельском) Приднепровье.

Памятники указанных районов имеют свои специфические особенности. Несмотря на это и учитывая неполную изученность территории, исследователи относят все три района — Среднее Приднепровье, Верхнее Приднепровье и бассейн Припяти — к одной большой зарубинецкой этнокультурной области.

Неясной остается принадлежность памятников юга Украины и Молдавии — Румынии.

Как известно, к югу от основной зарубинецкой территории, а именно в Нижнем Приднепровье, находки простой и лощеной посуды зарубинецкого типа представляют собой обычное явление на местных поселениях и в погребениях позднескифского времени.

Исследователи, обращая внимание на эти факты, объясняли их по-разному: широким распространением зарубинецкого населения с севера на юг (Кухаренко, 1954); результатом торговых связей юга с севером (Греков, 1954, стр. 98); влиянием гото-дакийского мира (Погрелова, 1958, стр. 139); влиянием гальштато-латенского и античного мира (Вязьмитина, 1962, стр. 140). Нам сейчас трудно отдать предпочтение какому-либо из этих мнений, поскольку для объективного представления о сути этого вопроса нужны дополнительные источники и новые разработки.

Более определенно можно говорить о юго-западных памятниках типа Лукашевки-Поянешти, расположенных на территории Молдавии и Румынии, в бассейнах Днестра и Прута. Отнесение их к числу культур зарубинецкого типа (Мачинский, 1966а) не подтверждается совокупностью данных. Речь может лишь идти о некотором сходстве чернолощеной посуды. Ведь, руководствуясь таким принципом, к числу зарубинецких можно отнести и синхронные культуры Германии, чем, кстати, и пользуются немецкие исследователи, доказывая германскую принадлежность зарубинецких памятников.

Простая и лощеная посуда, фибулы, конструкция жилищ, многие черты погребального обряда — разные у зарубинецкой и лукашевско-поянештской культур (Романовская, 1968).

Мы полагаем, что в зарубинецкую этнокультурную область входили следующие территории: 1) Среднее Приднепровье в тех его границах, о которых говорилось выше; 2) области среднего течения Припяти и ее притоков Стыри, Случи и Горыни; 3) Верхнее Приднепровье (верхнее течение Днестра с его притоками Березеной, Друтью и Сожем); 4) Верхнее Подесенье — в более поздний период существования зарубинецкой культуры; 5) Верхнее Побужье — в это же время.

Между культурами этих территорий имеются общие черты, что и дает возможность относить их к единой зарубинецкой этнокультурной области, а именно: 1) наличие бескурганых могильников с господствующим обрядом трупосожжения; во время захоронения в неглубоких грунтовых могилах пережженные кости очищались от остатков погребального костра и ссыпались на дно могильной ямы или в открытые сосуды-урны; в могилу клали ритуальные сосуды, предметы личного употребления и украшения — фибулы, браслеты, кольца и др.; 2) поселения имели небольшие размеры и размещались (в раннее время) в труднодоступных местах; 3) специфической деталью одежды населения в раннее время являлись так называемые зарубинецкие фибулы среднелатенской конструкции.

Между культурами этих районов есть и определенные различия — в конструкции жилищ, деталях погребального обряда, в керамическом комплексе, особенно в простой нелощеной посуде, в формах и ассортименте украшений, в наличии или отсутствии античного импорта.

Но объединяющие их культурно-этнографические черты настолько существенны, что позволяют считать Среднее и Верхнее Приднепровье, район среднего течения Припяти с притоками, а также Подесенье и Побужье локальными районами единой зарубинецкой области.

ТОПОГРАФИЯ

Территория Среднего Приднепровья является основной областью распространения памятников зарубинецкой культуры, представленных могильниками (полями погребений) и поселениями.

Все приднепровские зарубинецкие поселения и могильники можно отнести к одной из двух групп — это либо мысовые памятники, либо памятники, расположенные в поймах, надпойменных террасах или склонах.

Поселения, находящиеся на открытой местности, в отличие от мысовых (нагорных), не имели оборонительных сооружений.

Само расположение мысовых поселений на высоких — до 100 м над уровнем долины — труднодоступных речных или овражных мысах свидетельствует о том, что защита от нападений была для зарубинецкого населения делом большой важности. Именно угроза таких нападений заставляла зарубинецкое население Среднего Приднепровья в ранний период своей истории селиться на высоких мысах, труднодоступных для неприятеля, но вместе с тем малоудобных и для него самого. Об этом свидетельствует наличие только на берегах Днепра 29 таких мысовых поселений, в то время как остальные 20 поселений, расположенных в незащищенных природой местах, относятся, как правило, к заключительной поре зарубинецкой эпохи, определяемой начиная с I в. до н. э.

Однако жителей зарубинецких мысовых поселений защищали не только природные препятствия. Их усиливали искусственными оборонительными сооружениями — земляными валами, рвами и эскарпами. Так, из 29 упомянутых выше мысовых приднепровских поселений на 24 выявлены остатки древних земляных укреплений.

Долгое время ученые не решались отнести эти укрепления к зарубинецкому времени, поскольку на многих поселениях встречались материалы эпохи Киевской Руси (Богусевич и Линка, 1959, стр. 114; Махно, 1959, стр. 96).

Наличие остатков древнерусских укреплений не исключает, однако, предположения о том, что такие сооружения могли быть возведены и в зарубинецкое время.

Для выяснения вопроса о существовании оборонительных сооружений на зарубинецких мысовых поселениях важны раскопки на тех из них, где в эпоху Киевской Руси люди не проживали. Такими поселениями являются Юрковица, Пилипенкова и Бабина горы.

Раскопки на горе Юрковице, расположенной в северной части правобережного Киева, на высоком мысу, выходящем в долину Днепра, производились в 1965 г. Ко времени раскопок сохранилась лишь небольшая часть (54 X 75 м)

когда-то значительной по размерам горы. На восточной оконечности этого останца был отмечен невысокий (0,9 м) вал шириной 3,8 м, проходивший по самому краю поселения. За ним начинался искусственный крутой (до 50°) склон (эскарп) длиной 6 м, оканчивавшийся неширокой (1,2 м) горизонтальной площадкой, за которой уже шел естественный, более пологий, склон холма.

При разрезе вала было установлено, что он состоял из черноземного грунта, взятого с примыкающей к валу площадки поселения. В нем встретились немногочисленные обломки керамики предскифского (чернолесского) периода, относимого к VIII в. до н. э., происходящие из культурного слоя поселения этого времени, остатки которого были открыты нами в восточной части горы.

Эти данные свидетельствуют о том, что вал на Юрковице был насыпан не в чернолесское время, а позднее — в зарубинецкую эпоху или же в период Киевской Руси.

Однако Киевская Русь как время сооружения вала на этом поселении исключается, поскольку здесь тогда существовал могильник, погребения которого были исследованы Н. Ф. Беляшевским и нами.

Укрепления Юрковицы были построены в зарубинецкое время, вероятно, в I в. до н. э., о чем свидетельствует найденный на поселении, вблизи вала, фрагмент гладкой проволочной среднелатенской фибулы (Шовкопляс, 1969, рис. 3, 2).

На возможность постройки оборонительных сооружений в зарубинецкое время указывают также материалы с Пилипенковой и Бабиной гор.

Поселение Пилипенкова гора находилось на высоком, отдельно стоящем холме с крутыми склонами, расположенном у кромки правого берега Днепра. Единственное возможное место въезда на поселение было в западной части холма, со стороны узкого выгнутого мыса.

Вершина холма (площадью около 15 000 м²) в значительной части представляет собой пологую поверхность, что, однако, не явилось препятствием для ее интенсивной застройки.

Оборонительный земляной вал проходил по гребню вершины холма. В настоящее время высота вала достигает 1 м, ширина 2,2—3,8 м. За валом склоны были подрезаны на крутизну до 40—50°. Вероятно, по вершине вала проходил деревянный частокол. Такая система искусственных сооружений, вместе с созданными самой природой, превращала Пилипенкову гору в мощный оборонительный пункт, хорошо защищенное городище.

Дополнительные укрепления были построены на наиболее пологом — восточном — склоне и в западной части городища, где находился въезд.

В начале восточного склона был насыпан вал, за ним, как обычно, следовал эскарп. Для усиления этих укреплений на середине и в начале склона были построены еще две такие же системы, которые способствовали превращению этой части городища в труднодоступный для врага участок.

Западная часть Пилипенковой горы, откуда можно было попасть на городище, имела вид узкого перешейка шириной около 30 м. Через него проходил мощный земляной вал высотой до 2,5 м с напольной части и около 1 м с внутренней, обложенный по вершине камнем. Вал не доходил до начала южного склона, оставляя узкий проход в южной части перешейка, где, вероятно, были ворота. Проход за пределами городища имел вид коридора шириной около 2 м, с крутыми и высокими стенами.

Кроме узкого прохода, подступы к воротам имели дополнительную защиту в виде площадки, возвышавшейся над средней частью прохода с правой стороны от входящего. Площадка выполняла важные оборонительные функции: с нее можно было легко поразить воинов неприятеля в незащищенную щитом правую сторону корпуса.

Для определения времени постройки оборонительных сооружений Пилипенковой горы был произведен разрез верхнего эскарпа на восточном склоне и вскрыт участок вала у западного входа.

Под эскарпом находился ров. Его засыпь состояла из черноземного грунта, взятого с территории городища, расположенного за эскарпом. Высота насыпи 1,6 м, длина 11,75 м, глубина рва 1,8 м, ширина в верхней части 2,2 м. В насыпи эскарпа и засыпке рва встречались мелкие, перемещенные обломки зарубинецкой простой и лепной керамики. Вблизи рва найдена небольшая бронзовая проволочная среднелатенская фибула I в. до н. э. Очевидно, ров был вырыт в ранний период существования поселения, а в I в. до н. э., когда были сооружены более мощные валы и эскарпы, он был засыпан.

Вал у западного входа также был насыпан из чернозема. На поверхности вала, среди камней вымостки, найден развал зарубинецкого кухонного горшка, обломки простой и лощеной зарубинецкой керамики.

Материал, выявленный при исследовании этих оборонительных сооружений, указывает на зарубинецкое время их постройки, скорее всего, на I в. до н. э., что совпадает с данными, полученными вовремя раскопок поселения Бабина гора.

Это поселение, расположенное в 15 км выше Пилипенковой горы по Днепру, между селами Бучак и Селище, по своим топографическим особенностям очень напоминает Пилипенкову гору. Но удобной для застройки площади (около 600 м²) здесь было почти в три раза меньше.

На Бабиной горе отчетливо видны остатки древних укреплений в виде эскарпа, построенного почти в начале склона и окружающего площадку поселения со всех сторон.

Отличительной особенностью этого поселения следует считать наличие здесь однородного и мощного (до 1 м) культурного слоя зарубинецкого времени, хорошо сохранившегося благодаря тому, что небольшая труднодоступная площадка никогда не распаивалась.

В культурном слое обнаружен многочисленный археологический материал, среди которого — десятки крупных обломков амфор из коричневой глины, которые датируются I в. до н. э.— I в. н. э. (Вязьмитина, 1963, стр. 161).

На этот период, как основное время функционирования поселения Бабина гора, указывает и найденная здесь бронзовая среднелатенская проволочная фибула.

Мысовые поселения, располагавшиеся на вершинах холмов, имели площади, соответствующие природным размерам холмов, обычно в пределах 0,5—2 га. Равнинные поселения также не одинаковы и разделяются на несколько типов.

К первому типу можно отнести те немногочисленные поселения, на которых обнаружены наиболее ранние материалы зарубинецкой культуры: Зарубинцы (Малая горка), откуда происходит амфорная керамика позднеэллинистического времени и позднескифский наконечник стрелы; Казаровичи, где найдена керамика позднепоморского типа; Харьевка, откуда происходят обломки позднеэллинистических амфор и горшков позднепоморского типа. О кратковременности этих

поселений свидетельствует незначительное количество находок. Поселения расположены в разных местах Приднепровья и отражают ранний период зарубинецкой истории.

Второй тип равнинных поселений представлен памятниками типа Почайны (Луг-IV), Марьяновки или Таценок. Они относятся к заключительной поре раннего периода зарубинецкой эпохи. На большинстве поселений обнаружен довольно мощный культурный слой, многочисленные хозяйственные сооружения. Поселения этого типа отражают переход части населения в пойму, что, в свою очередь, указывает на изменение исторической обстановки.

К третьему типу памятников относятся пойменные поселения Тетеревка, Кийлов, Ирпень, Погребы. По времени они аналогичны поселениям второго типа, но отличаются от последних слабо выраженным культурным слоем. Судя по всему, это были сезонные поселения.

Четвертый тип представлен железоделательным поселением Лютеж. Он находился среди протоков и стариц устья Ирпеня, вблизи выходов болотных железных руд и лесов, в месте, удобном для добычи железа.

Судя по находкам, поселение Лютеж существовало в подгорцевское (V—IV вв. до н. э.) и в зарубинецкое время — как в ранний, так и в поздний его периоды. На это указывают обломки чернолощеной посуды среднеднепровского типа, датированной II—I вв. до н. э., и другие материалы. Поздnezарубинецкое время представлено острорезной чернолощеной посудой рубежа н. э.— I в. н. э. Вероятно, Лютеж функционировал и во II—IV вв. н. э., о чем свидетельствуют находки глазчатой фибулы (середина II в. н. э., фрагмента стеклянного кубка и нескольких обломков черняховской посуды (III—IV вв. н. э.).

Пятый тип равнинных памятников представлен поселениями и могильниками позднезарубинецкого времени, такими как Казаровичи (урочище Буслówka), Никольская Слободка, Новые Безради́чи или Максаки.

УСТРОЙСТВО ПОСЕЛЕНИИ И ЖИЛИЩ

На карте зарубинецких памятников Среднего Приднепровья привлекает внимание своеобразие их размещения: в некоторых местах поселения и могильники расположены один возле другого, в других — они рассредоточены. Определенную роль здесь играет неполная изученность Приднепровья. Однако и в хорошо исследованных местностях (берега Днепра от Киева до Канева, нижнее течение Роси, берега р. Сось, левого притока Южного Буга) неравномерность размещения памятников сохраняется. Видимо, такое размещение поселений и могильников соответствует исторической реальности — расположению памятников гнездами.

На Приднепровье четко видно несколько таких гнезд. Одно из них занимает территорию современного Киева и к югу от него; второе расположено между Ржищевом и Зарубинцами; третье — от окрестностей Канева до устья Роси.

В каждое гнездо входило до 10—15 поселений. Например, Юрковица, Киселевка, поселения Печерска, Львовская площадь, Почайна, поселения на Лыбеди и Пирогов составляли ядро Киевского гнезда.

В других частях зарубинецкого Среднего Приднепровья такие гнезда памятников встречаются на Сейме — в районе Путивля, на Соби (притоке Южного Буга) и в других местах.

Закономерность в расположении памятников гнездами отмечена для зарубинецких памятников Припяти (Кухаренко, 1964, стр. 11), для черняховской культуры. Этнографы отмечают гнездовой тип размещения поселений для русского Севера, вепсов и других народов (Битов, 1955; Малиновская, 1930, стр. 180).

Такое размещение характерно при сегментации семейно-родовой общины в процессе ее роста. Этнографические данные указывают на родственные отношения между населением одного гнезда (Приклонский, 1884, стр. 21).

Археологические данные также свидетельствуют о большом сходстве между материалами, происходящими из памятников одного гнезда. Достаточно, например, сравнить между собой совпадающую во многих деталях простую и лощеную посуду поселений Киевской или Каневской группы, чтобы убедиться в этом. Очевидно, гнезда зарубинецких памятников были равнозначны племенам, объединения которых составляли территориальную этнокультурную общность, например Среднеднепровскую или Припятскую.

Семейная община, являясь основой общественной организации зарубинцев, находилась на последней ступени своего развития. Об этом свидетельствует, в частности, устройство жилищ. Несмотря на плохую сохранность, удалось выяснить их главные черты, чему во многом способствовали раскопки на Пилипенковой горе.

Здесь, на площади около 3000 м², обнаружены остатки 38 жилищ, из которых 10 — неплохой сохранности. Подобно жилищам других среднеднепровских поселений, они представляли собой небольшие сооружения прямоугольной или квадратной формы. Длина каждой стены составляла 3—4 м, площадь — 12—16 м². В таких постройках жила отдельная индивидуальная семья, возникшая в результате дифференциации большой семьи в поздние периоды ее истории (Косвен, 1948, стр. 16).

В каждом жилище выявлены остатки очага, что свидетельствует о ведении самостоятельного хозяйства; в большой семье, где хозяйство было общим, отдельные жилища своего очага не имели.

Данные раскопок позволяют утверждать, что зарубинецкие жилища Среднего Приднепровья представляли собой сооружения, слегка углубленные в материк, с земляным полом, находившимся, как правило, на глубине около 0,5 м от современной поверхности. В зависимости от местности пол был выше (0,3 м) или ниже (0,8 м). Он имел вид ровной, хорошо утрамбованной горизонтальной поверхности.

Очаг, как правило, находился в центральной части жилища — или в самом центре, или ближе к какой-либо из его стен. Конструкция очага отличалась простотой. Это был круглый глинобитный под диаметром около 0,8 м. Обычно он находился на уровне пола и отделялся от него невысокой каменной стенкой. Рядом располагалась небольшая предпочажная яма. Возле жилища сооружался каменный очаг, использовавшийся в летнее время.

Вместо очага могла быть небольшая глинобитная печь. Остатки такой печи обнаружил на Пилипенковой горе В. А. Богусевич. Он сообщает, что "в северной части жилища (№ 4) сохранились под глинобитной печи и остатки стен, сложенных на деревянном каркасе. Печь имела размеры около 0,80 X 0,80 м и форму неправильного четырехугольника» (Богусевич и Линка, 1959, стр. 115).

Вторым фактом, указывающим на бытование печей, является жилище, обнаруженное на поселении Малая горка. Пол этого жилища находился на глубине

1,1 м от древней поверхности, что обусловило хорошую сохранность свода печи, выведенного из сырцовых кирпичей. Нижняя часть кривой свода дает возможность реконструировать его полную высоту — до 70 см.

Достоверных сведений о расположении входа у нас нет. Можно думать, что вход находился со стороны склона, в стене, противоположной очагу, скорее всего, с юга. Данные раскопок не противоречат таким предположениям, в частности, об этом свидетельствует размещение столбовых ям.

Немногочисленные аналогии подтверждают наше наблюдение о южном расположении входа в зарубинецких жилищах Среднего Приднепровья. Так, в двух жилищах поселения Великие Дмитровичи следы входов были отмечены в юго-восточном углу (Махно, 1959, стр. 99). В жилище поселения Малая горка возле с. Зарубинцы печь стояла у северной стены, а вход, следовательно, находился с юга. Подобная ситуация отмечена для жилищ, выявленных у сел Казаровичи и Грини.

Стены приднепровских жилищ имели каркасно-плетневую конструкцию. Основой стен являлись столбы диаметром 10—15 см. Расстояние между столбами составляло от 0,5 до 1,2 м. Сама стена сооружалась из расположенных горизонтально прутьев, укрепленных между столбами. Этот каркас обмазывался глиной, в результате чего образовывались гладкие и ровные плоскости стен. До нас дошли ямы от столбов и куски глиняной обмазки (печины), на которых сохранились отпечатки прутьев, диаметром 1,5—2 см, и самих столбов. Некоторые куски печины тщательно выглажены. Лицевая сторона стены белилась изнутри — куски обмазки со следами побелки найдены на Пилипенковой горе.

Крыши жилищ, по-видимому, были двускатными (Третьяков, 1959, стр. 128). В качестве отдаленной аналогии можно указать на урны поморской культуры. Они сделаны в виде модели дома с двускатной крышей. Кровельным материалом, учитывая климатические особенности Среднего Приднепровья в зарубинецкое время, а также конструкцию стен, были камыш или солома.

Кроме жилищ, на зарубинецких поселениях известны многочисленные хозяйственные ямы. Форма ям круглая в плане, усеченно-коническая или цилиндрическая в разрезе. Размеры довольно однообразны: диаметр вверху 0,6—1,1 м, по дну 0,8—1,4 м, глубина от поверхности 0,4—1,0 м. Ямы расположены, как правило, в непосредственной близости от жилищ. Содержимое ям мало отличается от заполнения самих жилищ. Обычно это обломки костей животных и посуды, изредка — предметы личного убора, украшения, орудия труда, а также камни.

В яме № 3 (Пилипенкова гора) обнаружены обломки костей животных, наполнявшие яму от дна до горловины (рис. 35). Здесь были черепные кости свиньи (14), коровы (5) и овцы (2), части туш этих животных.

В яме № 16 найдены обломки костей животных, нож и фрагменты керамики. Дно ямы было выложено двумя рядами средних по размеру камней (всего 64 шт.), выполнявших, видимо, дренажную функцию.

Вокруг ямы № 15 жилища № 4 располагалось семь углублений от столбов, на которых, вероятно, держалось перекрытие.

Кроме простых по устройству хозяйственных ям, существовали погребя с земляным сводом и ступеньками. Примером может служить яма № 32, расположенная в углу сооружения № 18. В нее вела широкая ступенька. Свод этого погреба, вырытого в плотном материке, сохранился неплохо. В заполнении погреба, глубиной и диаметром более 1 м, встретились обломки корчаг, амфор, два бронзоплавильных

Рис. 35. Кости животных и камни в хозяйственной яме Пилипенкова (гора).

тигля. В таких погребках, скорее всего, хранили цепные продукты — зерно и вино,

В простых по устройству хозяйственных ямах, расположенных рядом с жилищами, хранилось мясо, рыба, вероятно, молоко, творог и другие продукты, возможно, также какие-либо корнеплоды, например репа, древность которой в Восточной Европе доказана обнаружением ее семян на Бискупинском поселении (Третьяков, 19.39, стр. 132).

Ямы известны на всех поселениях. Они являются неслучайной их принадлежностью и свидетельствуют об особенностях хозяйственной жизни зарубинецкого населения.

Планировка зарубинецких жилищ и ям-погребов на площади поселения до сих пор почти не отмечалась. Однако порядок в их расположении должен был быть, он обуславливался самим фактом существования определенной группы людей на ограниченной площади поселения.

Исследователи уже обращали внимание на порядок размещения жилищ. Так, на поселении Великие Дмитровыми три строения располагались вдоль западного, а другие три — вдоль восточного склона урочища, образуя два не совсем стройных ряда (Махно, 1959, стр. 99). На территории поселения Монастырек три жилища располагались в ряд вдоль северного, обращенного к Днепру края холма, на расстоянии около 8 м от него.

Наиболее полное представление о размещении зарубинецких жилищ можно составить на основании материалов Пилипенковой горы. В восточной части этого поселения в течение 1966—1970 гг. было исследовано около 2500 м² площади. Здесь, на территории Восточного раскопа, были обнаружены остатки 28 жилищ и более 100 хозяйственных ям-погребов.

В размещении остатков жилищ, обнаруженных на площади восточного раскопа, можно проследить четкую систему — жилища располагались группами в форме круга. Одно из скоплений, занимавшее северную половину раскопа, состояло из жилищ № 1, 21, 18, 15, 6, 7, 4 и 17, а также очагов № 3, 27, 16, 28, 38, 13, 8 и 10, которые следует рассматривать как остатки плохо сохранившихся, возможно, более ранних, жилищ. Второе скопление жилищ выявлено в южной половине Восточного раскопа. В него входило восемь сооружений: № 31, 32, 35, 36, 37, 34, 23 и 33. Площадь диаметром 20—30 м, находившаяся в середине каждого круга, не застраивалась, это был, по всей вероятности, внутренний двор, который мог использоваться для хозяйственных и других целей.

Подобное расположение жилищ можно видеть и на других поселениях Среднего Приднепровья. По-видимому, такое их размещение является не случайностью, а закономерностью, отражая социальную структуру зарубинецкого общества.

Как мы уже отмечали выше, зарубинецкие поселения не были уже местожительством одной большой патриархальной семьи. На поселениях типа Пилипенковой горы проживали индивидуальные семьи, у которых сохранялись, однако, остатки старых семейных отношений, выразившиеся в расположении жилищ небольшими, очевидно, родственными группами. Это был переходной этап от родовой патриархальной семейной общины к территориальной сельской общине.

Раскопки Пилипенковой горы позволяют поставить вопрос о численности зарубинецкого населения Среднего Приднепровья.

Как показали материалы шурфовки и магнитометрической разведки, территория Пилипенковой горы, огражденная оборонительными сооружениями, в зарубинецкое время была полностью застроена и заселена. На этой территории, площадью около 15 000 м², могло разместиться, по материалам Восточного раскопа, до 150 жилищ.

Мы не можем сказать, сколько из этих жилищ существовало одновременно, но даже если это была только половина, то и тогда на Пилипенковой горе обитало несколько сот жителей: в одном жилище до 4—5 особей, в 75 жилищах 300—375 человек.

Как мы отмечали выше, зарубинецкое население, занимавшее Среднее Приднепровье, состояло из нескольких племен. В состав каждого племени, как показывают археологические данные этой территории, входило до 10—15 поселений. Если принимать за основу расчеты, приведенные выше, тогда выходит, что каждое племя насчитывало 3000—4000 человек.

Эти цифры подтверждаются этнографическими и юридическими документами, уходящими своими истоками во времена патриархально-родового строя. Так, в состав древнегерманской марки входило от 6 до 12 поселений; согласно данным о населении нашего Севера, жившего еще недавно в селах, размещавшихся гнездами, общая численность людей, проживавших в таком гнезде, не превышала 2500—3000 человек (Битов, 1955).

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Об уровне развития экономики среднеднепровского зарубинецкого населения можно судить, прежде всего, по довольно многочисленным предметам, которые встречаются во время раскопок поселений и могильников. Основную их массу

составляют обломки и целые экземпляры различных глиняных сосудов, второе место занимают обломки костей животных, представляющие собой остатки пищи зарубинцев. Встречаются орудия труда и предметы личного убора и украшения, сделанные из железа, бронзы, глины, стекла, кости, камня.

В какой-то мере представлению о жизни и деятельности зарубинецких племен способствуют сведения об их соседях, образ жизни которых был сходным. Эти данные содержатся в сочинениях римских и греческих ученых: Тацита, Плиния, Страбона.

Земледелие. Объективными данными, указывающими на наличие земледелия у зарубинецких племен, являются находки некоторых сельскохозяйственных орудий и отпечатки зерен культурных растений и сорняков на днищах и изломах сосудов. Эти отпечатки образовались потому, что зерна входили в состав половы, которой посыпали формовочную подставку (или гончарный круг) при изготовлении посуды; в керамическую массу зерна попадали вместе с органической примесью к гончарной глине.

Из орудий земледельческого труда известны находки железных серпов и каменных пестов.

На Среднем Приднепровье целые серпы неизвестны. Их обломки найдены на поселениях Зарубинцы (Малая горка), Лютеж, Суботов (данные 1967 г.). Поскольку здесь были обнаружены археологические материалы различных исторических эпох, к зарубинецкой культуре можно отнести только те серпы, зарубинецкая принадлежность которых подтверждается дополнительными данными.

Лютежские серпы, вероятно, не зарубинецкие: они изготовлены из стали, а этот металл зарубинецкие мастера еще не умели делать (Г. А. Вознесенская, 1969).

В Зарубинцах и Суботове, помимо зарубинецких, выявлены материалы чернолесской культуры, население которой еще не знало железных серпов. Это обстоятельство дает основание отнести найденные серпы к зарубинецкому времени.

Итак, достоверно зарубинецких серпов на Среднем Приднепровье, в сравнении с довольно большим количеством поселений (34), где производились археологические исследования, найдено мало. Этот факт мы считаем одним из доказательств незначительного развития здесь земледелия.

Больше серпов найдено на Верхнем Приднестровье при раскопках Чаплинского городища (Третьяков, 1959, стр. 140), где выявлены материалы милоградской и зарубинецкой культур.

Размеры зарубинецких серпов небольшие: длина до 15 см, ширина до 2,5 см. Лезвие слабо изогнуто. Деревянная рукоятка набивалась на небольшой шип, загнутый перпендикулярно к плоскости лезвия. Иногда, кроме шипа, по бокам лезвия делались закраины. Такое устройство рукоятки превращало зарубинецкие серпы в орудия, напоминающие маленькие косы. Они оправдывали себя при срезывании колосков с крепким зерном, например проса, но были нерентабельны при жатве злаков с легковыпадающим зерном.

Каменными круглыми пестами растирали небольшие порции зерна, изготовляя при этом, как свидетельствуют этнографические материалы, крупу. Песты найдены на поселениях Великие Дмитровичи, Пирогов, Лютеж, Монастырек, Зарубинцы, Сахновка, Юрковица, на могильниках Корчеватое и Пирогов, на северозарубинецких поселениях Велемичи и Чаплин.

У зарубинецкого населения могли быть и зернотерки, имеющие вид продолговатых камней твердой породы, с гладкой рабочей поверхностью. Такие кам-

ни были найдены пока только на многослойных поселениях Суботов и Таценки, где их принадлежность к чернолесской культуре наиболее вероятна, поскольку в Суботове некоторые зернотерки обнаружены непосредственно в чернолесских комплексах (Тереножкин, 1961, стр. 88, 89).

Самыми важными из сельскохозяйственных орудий являются орудия для обработки почвы. Особенности их устройства, степень их совершенства в значительной мере способствуют установлению уровня земледелия. На зарубинецких памятниках эти орудия не были найдены.

Такое положение считалось бы закономерным, если б у зарубинцев существовала подсечная система земледелия, при которой орудия обработки почвы не нужны (Петров, 1968, стр. 23).

Однако подсечное земледелие, распространенное в лесной зоне, не было господствующим у зарубинецкого населения Среднего Приднепровья, проживающего в Лесостепи. К тому же зарубинцы были оседлым народом, а люди, [занимавшиеся подсечным земледелием, жили в ясно выраженных кратковременных поселениях, топографически не связанных с поймой реки (Краснов, 1967, стр. 17), в то время как зарубинецкие поселения, тяготеющие к пойме, сохранили все признаки долговременной и оседлой жизни. Кроме того, для подсечного земледелия характерными являются многочисленные находки топоров, без помощи которых подсека невозможна. Однако эти орудия на зарубинецких памятниках почти не встречаются.

Все сказанное выше не позволяет считать подсечную систему земледелия господствующей у зарубинецких племен.

Зарубинецкое население использовало под посевы не лесные, а свободные от леса участки, которые можно было обрабатывать простыми деревянными пашенными орудиями. Это были участки с легким грунтом, расположенные на надпойменных террасах и в пойме. Использование их началось очень давно, еще на заре земледелия, в эпоху трипольской культуры (Массой, 1967, стр. 92).

На таких участках земли, на территории поймы, иногда встречаются древние пахотные орудия — деревянные, очень простые по устройству архаические рала.

В настоящее время на территории Восточной Европы известно четыре рала. Все они найдены в торфяниках Полесья: возле с. Токари Сумской области (Березовец, 1952), с. Полесье (бывшее Жабчичи) Черниговской области, с. Сергеевское Брянской области (Шрамко, 1964), с. Каплановичи Минской области (Поболь, 1967).

Из-за отсутствия археологических материалов при этих находках невозможно определить время их функционирования. Можно лишь говорить, что эти орудия относятся к эпохе бронзы или к раннему железному веку. Такое предположение подтверждают данные естественных наук и этнографии.

По сведениям радиоуглеродной лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, торф, в котором было найдено рало из с. Полесского, датируется 1390 г. до н. э. (± 80 лет), что соответствует эпохе поздней бронзы этой территории (Семенцов, Романова, Долуханов, 1969).

Этнографы утверждают, что подобные деревянные рала существовали с глубокой древности вплоть до начала XX в. Такое орудие можно было легко изготовить при помощи топора и долота. Для рала избиралось дерево твердой породы — дуб, граб или бук — диаметром 12—13 см, длиной до 2 м. От ствола должен был отходить, по возможности перпендикулярно, сук длиной до 0,7 м. Из ствола

делали грядиль, из сука, с противоположной стороны которого забивалась рукоятка,— сошник (Кириянов, 1967, стр. 165).

Такой тип рала не имел железного наральника, поскольку он не был нужен при вспашке мягких земель поймы.

Зарубинецкие земледельцы не знали еще паровой системы, возникшей здесь в более позднее время. На рубеже нашей эры в Среднем Приднепровье существовала перелоговая система земледелия, при которой восстановление плодородия почвы происходило без участия человека, силами самой природы. Пойменные земли, затопляемые половодьем, в перелого не нуждались, этими полями могли пользоваться ежегодно (Краснов, 1967, стр. 20).

О наличии перелогога свидетельствуют также культуры, выращиваемые на зарубинецких полях, и специфические для этой системы земледелия сельскохозяйственные сорняки. На полях рос луговой василек — специфический бурьян перелоговых земель (Пачкова, Янушевич, 1969, стр. 3—13). По сведениям, полученным при изучении отпечатков зерен на зарубинецкой керамике, выращивали в основном просо, мягкую и карликовую яровую пшеницу, ячмень.

Рожь, распространение которой привело к сложению более производительной системы сельского хозяйства, а именно парового земледелия, не была еще известна зарубинецким земледельцам (Кириянов, 1967, стр. 199).

Перелоговая система земледелия была и у соседей зарубинецких племен, в том числе у древних германцев, живших в сходных климатических и ландшафтных условиях, социально-экономический строй которых, к тому же, был очень близок зарубинецкому.

О состоянии земледелия у германцев мы знаем из сочинений Тацита, по словам которого «они (германцы.— *Е. М.*) ежегодно сменяют пашню... и не прилагают усилий, чтобы умножить трудом плодородие почвы» (Тацит, 26).

Естественно, что при такой системе обработки почвы поля давали небольшие урожаи.

Об уровне европейских урожаев рубежа н. э. имеются сведения в произведениях античных писателей — Варрона, Колумеллы и Страбона. Варрон считал для Италии средней урожайность сам-10. По мнению Колумеллы, она составляла не более сам-4. Крымские черноземы, как свидетельствует Страбон, давали урожай сам-6, сам-7 (Кругликова, 1967, стр. 129).

Если даже оставить для зарубинецких земледельцев эту античную, т. е. высокую для них норму (сам-4—7), то и тогда с каждого гектара поля они должны были получать около 3—5 *ц* зерна. Минимальной нормой для одного человека является 2 *ц* зерна на год (Бибиков, 1965, стр. 53), следовательно, 1 *га* пашни мог прокормить всего двух человек.

При подобной производительности земледелия жители зарубинецкого поселения Пилипенкова гора, где одновременно проживало около 400 человек, должны были, например, засеять до 200 *га* поля. Столько же пахотной земли надо было иметь в перелого или залежи.

Такого количества земли, удобной для вспашки зарубинецкими ралами, не было ни у одного из зарубинецких поселений, расположенных в специфических условиях отрогов плато и пойм. На своих небольших полях зарубинцы могли выращивать ограниченное количество зерновых и огородных культур.

Что касается твердых почв плато, то в условиях сельскохозяйственной техники того времени они были недоступными для обработки сплошь деревянными

пахотными орудиями (Довженок, 1961, стр. 64) и под посевы не обрабатывались, (Массон, 1967, стр. 92).

Особенности злаков, выращиваемых зарубинецким населением, их количественное соотношение (отпечатки зерен проса на керамике встретились на 40 обломках из 60, пшеницы — на 11, ячменя — на 9 (Пачкова, Янушевич, табл. 2), находки пестов на поселениях и в могилах указывают на то, что зерно, как правило, не растиралось в муку, а шло на изготовление крупы. Основной хлебной пищей, скорее всего, была пшенная каша. Из муки могли готовить лепешки.

Подобное применение зерна известно, по данным этнографии, для народов, живших в условиях первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Зерно хранили в больших (высотой до 50—60 см) толстостенных сосудах-корчагах, обломки которых встречаются в каждом зарубинецком жилище.

Из огородных культур первое место принадлежало, по-видимому, репе, известной в Европе в раннем железном веке. Ее семена найдены при раскопках поселения Бискупин в Польше. О популярности репы сообщают Плиний и древнерусские летописи, на это указывают археологические материалы: отпечатки семян на зарубинецкой посуде (на 9 обломках из 60 (Пачкова, Янушевич, 1969, табл. 2) и размещавшиеся возле жилищ хозяйственные ямы. Конструкция и размеры большинства ям позволили П. Н. Третьякову высказать мысль о том, что они предназначались для хранения репы, а не зерна (Третьяков, 1959, стр. 132).

Из волокнистых культур зарубинецкое население выращивало коноплю и лен. О разведении конопли свидетельствуют отпечатки ее семян на керамике (Пачкова, Янушевич, 1969, табл. 2), а об употреблении льняной ткани — описание одежды населения Европы (Тацит, 17) этого времени и палеоботанические сведения о глубокой древности льна в Восточной Европе (Сизов, 1956).

На основании всего сказанного выше мы приходим к выводу, что зарубинецкое земледелие находилось еще на первых ступенях развития. Оно было примитивным по своей системе, низким по уровню развития орудий труда, в частности орудий обработки почвы, а также уровню агрокультуры. Такое земледелие не могло давать значительного количества продукции, которое выдвигало бы его на первое место в хозяйственной системе зарубинецкого общества (Максимов, 1969).

Скотоводство. О развитии скотоводства у зарубинецких племен свидетельствуют многие данные. Прежде всего, это сама топография зарубинецких поселений, располагавшихся на краю пойм речных долин или же в самих поймах, среди лугов.

На разведение различных пород домашних животных указывают многочисленные обломки костей, встречающиеся во время раскопок зарубинецких поселений.

Многие обнаруженные на поселении хозяйственные ямы представляли собой погреба для хранения мяса. На дне таких хранилищ была каменная вымостка, а заполнение состояло из костей домашних животных. Кроме того, тут встречались и неразбитые кости, представляющие собой остатки туш.

О широком употреблении мясной пищи и большом ее значении в жизни зарубинецкого населения говорят особенности среднеднепровского погребального обряда: в могилу, кроме вещей, клали куски туш домашних животных.

Зарубинецкое скотоводство по своим особенностям было приселешным, что обуславливалось оседлым характером самого зарубинецкого населения, а также

наличием богатой природной кормовой базы, которой можно было пользоваться почти круглый год, принимая во внимание существующий тогда более теплый субатлантический климат.

О видах домашних животных, разводившихся зарубинцами, определенное представление можно получить на основании изучения остеологического матер нала,

Таблица 1

Определение, костей домашних животных
(числитель — общее количество данных для определения костей, знаменатель — количество установленных особей)

Памятник	Крупный рогатый скот	Свинья	Мелкий рогатый скот	Конь	Собака	Примечания
Корчеватовский могильник	9	12	22	2	1	Особь не определена
Пироговский могильник, раскопки 1966—1967 гг.	9/7	29/22	35/20	1/1	—	
Пилипенкова гора, раскопки 1966—1968 гг.	90/7	57/8	49/4	59/4	4/2	Кости собак не разбиты
Сахновка	16	5	4	3	—	Особь не определена
Суботовское городище	194/7	20/3	18/3	51/4	4/2	
Зарубинцы, раскопки 1961 г.	17/2	7/2	—	3/1	—	

обнаруженного во время раскопок четырех поселений и двух могильников. Определения производились И. Г. Пидопличко, В. И. Бибиковой, Н. Г. Тимченко (табл. 1).

Согласно приведенным данным, зарубинецкое население употребляло в пищу мясо свиней, крупного и мелкого рогатого скота и лошадей. Собаки, по материалам Пилипенковой горы, для пищи не использовались, поскольку их кости оказались не разбитыми.

Остеологический анализ свидетельствует о том, что в пищевом рационе первое место принадлежало свинье, успешному разведению которой способствовали как быстрота воспроизводства, неприхотливость и выносливость животного, так и многочисленные дубовые леса этой географической зоны, являвшиеся надежной кормовой базой.

Ведущую роль свиньи в стадах населения Лесостепи исследователи отмечают для разных исторических периодов, начиная с времен трипольской культуры (Массон, 1967, стр. 94).

Мелкий рогатый скот разводили не только ради мяса, но и для получения шерсти.

Специфические условия ведения экстенсивного скотоводства привели к выработке своеобразных рациональных приемов выращивания этих видов домашних животных — в теплые поры года стада свободно паслись, а с наступлением холодов большую часть животных забивали, сохраняя мясо в погребках.

О таком ведении хозяйства пишет Тацит. Раскопки зарубинецких поселений Среднего Приднепровья подтверждают сообщение Тацита.

Здесь, как и в Центральной Европе, были ямы-погребки для хранения мяса. В них кости домашних животных были обнаружены в целом (неразбитом) виде.

Крупный рогатый скот использовали не только на мясо, но и как источник молочных продуктов. О том, что молоко употребляли в пищу, свидетельствуют литературные источники древнего мира, а находки дырчатых сосудов указывают на знакомство с творогом.

Исследователи единодушны в предположении об использовании крупного рогатого скота и лошадей в качестве тягловой силы при обработке полей.

Кости диких животных при раскопках поселений встречаются значительно реже костей домашних животных (табл. 2). Охотились на лося, оленя, дикого кабана. По-видимому, большое значение для зарубинецкого населения имела

Таблица 2

Определение костей диких животных, найденных на поселениях зарубинецкой культуры

Памятник	Лось	Олень	Кабан	Зубр	Бобр	Косуля	Медведь	Волк	Барсук	Куница
Сахновка	2	1	1	1	—	—	—	—	—	—
Пилипенкова гора, раскопки 1966—1968 гг.	12/2	8/2	21/4	—	3/2	—	—	—	—	—
Поселение Чаплин (Третьяков, 1959)	58/4	100/8	54/10	18/3	46/10	23/6	6/3	2/1	4/2	1/1

охота на пушного зверя. Мы полагаем, что охота, дававшая ценный мех бобра и других пушных зверей, играла видную роль в обменной торговле с античным миром.

У нас нет оснований считать земледелие основной экономической базой торговли, следы которой, в виде многочисленных обломков амфор, встречаются на каждом среднеднепровском зарубинецком поселении. Приведенные выше данные об уровне земледелия свидетельствуют о том, что зарубинецкое население не могло производить большое количество зерна на продажу. На это же указывает и сообщение античного историка Полибия, который, перечисляя товары, поступавшие в это время с глубин Северного Причерноморья в Грецию, не называет среди первых продукты земледелия (Полибий. Всеобщая история, кн. IV, 38).

Следовательно, у носителей зарубинецкой культуры, подобно древним племенам Центральной Европы, «земледелие имело уже большое значение, но скот все еще оставался главным достоянием» *.

Нам остается упомянуть еще об одном важном факте, указывающем на преимущественное значение скотоводства в экономике средневропейских племен рубежа н. э. Мы имеем в виду значение скота как эталона меры стоимости, что, в частности, выражалось в распространенном способе оплаты штрафов определенным количеством скота (Тацит, 12, 21).

Итак, скотоводство, будучи составной частью зарубинецкого хозяйства, экономически было эффективнее земледелия и занимало преимущественное положение.

Такое положение скотоводства, учитывая конкретные природные условия существования зарубинецкого населения и уровень его общественного и технического развития, обуславливалось самим первобытно-общинным строем общества,

* Ф. Энгельс, т. 19, стр. 452.

при котором географическая среда играла важную роль и в значительной мере диктовала основное направление хозяйства (Лисицына и Чернецов, 1969, стр. 295).

Только на следующем историческом этапе, с распространением пашенного земледелия с более высокой системой землепользования и пашенными орудиями с железными наральниками, скотоводство и земледелие на Приднепровье меняются местами. Тогда-то земледелие и становится здесь высокопродуктивной отраслью хозяйства, «подчинившей себе скотоводство и отодвинувшую на второй план все другие промыслы славянских племен, такие как охота, рыбная ловля и традиционное бортничество» (Третьяков, 1953, стр. 271).

Рыболовство было вспомогательным видом хозяйственной деятельности зарубинецкого населения Среднего Приднепровья.

Существование рыболовецкого промысла было обусловлено гамим местоположением зарубинецких поселений, располагавшихся по берегам рек.

Во время раскопок найдены некоторые орудия рыболовства: большие железные крючки (Ходоров на Днепре, Суботов на Тясмине, Лютез на Ирпине), предназначенные для ловли крупной рыбы (сомовых или осетровых (табл. XXVIII, 9, 10) и остроги (Пилипенкова гора, табл. XXVIII, 1/)).

Рыбу ловили главным образом сетями и другими приспособлениями, сделанными из органических материалов, которые не сохранились.

Находки лодок чрезвычайно редки. Тем не менее мы можем представить себе зарубинецкую лодку — это узкий (0,7 м) и длинный (8,5 м) челн, выдолбленный из цельного ствола огромной вербы. Челн был найден в 1966 г. в Десне, возле с. Хатяновка Киево-Святошинского района. Рядом выявлен зарубинецкий могильник.

Еще одним важным фактом, указывающим на существование рыболовства, являются находки чешуи и костей рыб. Они, к сожалению, плохо фиксировались, и с достоверностью можно говорить лишь о костях судака, найденных при раскопках Пилипенковой горы (см. приложение).

Железодельное ремесло. Зарубинецкая эпоха относится ко второй ступени раннего железного века в истории Восточной Европы. Первой ступенью было скифское время, когда этот металл, оказавший революционное действие на развитие производительных сил, впервые получил здесь широкое распространение (Шрамко, 1965, стр. 134—297).

О том, как добывали железо в зарубинецкое время, можно судить по материалам Лютеза (Бидзиля и Пачкова, 1969). На основании этих материалов видно, что зарубинецкое железодельное производство по своему техническому уровню не намного ушло вперед по сравнению с предшествующим временем, поскольку известно, что уже в VIII—VII вв. до н. э. железо на территории Украины добывалось в сыродутных горнах и использовалось для производства оружия и орудий труда (Тереножкин, 1961). В скифское время (VII—III вв. до н. э.) железо получило самое широкое распространение (Шрамко, 1965).

В Лютезе осуществлялся весь цикл работ, связанный с получением металла: добывалась и обрабатывалась железная руда, выжигался древесный уголь, вытапливался в горнах металл.

Здесь обнаружены остатки 15 железодельных горнов. Сохранность большинства горнов плохая, однако не настолько, чтобы нельзя было установить основные принципы их устройства.

Лютежские горны были построены из глины, содержащей значительную примесь песка. Такая по составу керамическая масса могла выдержать температуру до 1300° С, необходимую для получения металла.

Каждый горн состоял из колошника и топки. Колошниковая часть была наземной, колошник имел форму срезанного конуса. Высота его достигала 0,6 м, толщина стенок не менее 5 см, внутренний диаметр до 45 см, следовательно, рабочий объем составлял около 0,5 м³. Вероятно, эти параметры были наиболее целесообразными, на что указывает их совпадение с размерами скифских горнов (Шрамко, 1965, стр. 163).

Топочная часть представляла собой вырытую в грунте яму диаметром до 0,5 м. Дно ямы было полукруглым, о чем свидетельствует форма кусков шлака, стекавшего сюда во время работы горна.

Сырьем для получения железа служил бурый железняк, залежи которого в виде болотной руды встречаются повсеместно в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы. Руда расположена неглубоко, обычно под дерном или на дне болот.

Добытую руду промывали, затем обжигали на костре. В горны шла только такая предварительно обработанная (обогащенная) руда. Вместе с нею в горн загружалось топливо — древесный уголь.

Уголь в Лютеже выжигался на месте, о чем свидетельствует содержимое лютежских ям, большая часть которых предназначалась именно для выжига угля.

Способ получения древесного угля хорошо известен по этнографическим материалам Полесья, где вплоть до 20—30-х годов нашего века широко практиковалось получение такого угля для гут — небольших примитивных предприятий по добыче железа из местных болотных руд.

Над ямой, глубиной около 0,5 м, диаметром до 1,5 м, сооружался так называемый майор — шалаш из веток и поленьев, опиравшихся на кол, вбитый в центр ямы. Поленья и ветки покрывались дерном. Сооружение поджигалось в центре. Когда кол сгорал и шалаш рушился, его присыпали землей, преграждавшей доступ воздуха к горящему дереву. Под этим прикрытием дерево тлело, т. е. происходила сухая перегонка, одним из продуктов которой был древесный уголь.

Горн, сходный по размерам с лютежским, был построен для эксперимента. Московские исследователи Б. А. Колчин и О. Ю. Круг, проводившие этот опыт, загрузили в горн 7 кг руды и более 6 кг древесного угля (Колчин и Круг, 1965, стр. 214). Плавка длилась несколько часов, в горн непрерывно нагнетался воздух, поступавший через специальное сопло, расположенное в нижней части печи, за это время в предгорновую яму несколько раз выпускался шлак. В результате был получен слиток губчатого железа весом до 2,5 кг.

Существовали также горны, работавшие без выпуска шлака. В Лютеже они составляли значительную группу (10 из 15). Подобные горны известны в Закарпатье и Южной Польше. Согласно экспериментальным данным чешского исследователя Р. Плейнера (Pleiner, 1958), в таком горне в результате плавки получался слиток — металлургический конгломерат, состоящий из шлака, железа и угля. Слиток вынимали, разрушив часть горна. Губчатое железо, находившееся в верхней части слитка, отделяли от шлака механическим путем.

В горне с предгорновой ямой без существенного ремонта печи можно было проводить не одну плавку. Б. А. Колчин и О. Ю. Круг, например, в горне подобной

конструкции сделали 17 плавок в течение двух сезонов. Если древние горны были такими же прочными, тогда в каждом из них за сезон можно было получить до 25 кг губчатого железа.

Опыты Б. А. Колчина и О. Ю. Круг показали, что выплавка горнового железа была делом сложным, требовавшим специальных знаний и навыков. По данным этнографии, металлурги пользовались большим уважением у своих соплеменников.

Добыча металла была очень трудоемкой. Если принять за основу данные о производительности горна, полученные при эксперименте Б. А. Колчина и

Таблица 3
Находки железных изделий на Среднем Приднепровье (по 1967 г.)

Наименование	Ножи	Серпы	Бритвы	Косы	Топоры	Долота	Зубила	Сверла	Рыболовные крючки	Остроги	Иглы	Шпильки туалетные	Булавки	Кресала	Шилья	Фигулы	Копья
Количество фрагментов	31	4	3	1	1	3	3	1	3	1	3	6	4	1	14	9	4

О. Ю. Круг (25 кг металла за сезон работы одного горна, в котором было проведено 10 плавок), для выплавки такого количества железа требовалось 70 кг обогащенной руды и 60 кг древесного угля, на получение которых могло понадобиться до 150 кг болотной руды и до 3 м³ дров. Заготовка этого сырья заняла бы не менее двух человек в течение сезона. Непосредственная работа у горна, а именно: на мехах, непрерывно нагнетавших воздух, по загрузке действующей печи, выборке металла и шлака требовала усилий такого же количества людей. Таким образом, один действующий горн должен был обслуживать не менее четырех человек. Люди жили поблизости горнов и угольных ям, о чем свидетельствуют остатки трех жилищ, найденных в Лютеже, где одновременно работало до трех горнов (если судить по остаткам жилищ), изготовлявших несколько десятков килограммов железа за сезон.

Зарубинецкое население, судя по всему, потребляло немного металла. Обращает на себя внимание слабая насыщенность зарубинецких памятников изделиями из железа, которые, к тому же, никогда не бывают массивными. Однако небольшие масштабы производства железа не умаляют значения Лютежа, который представляет собой пока единственный известный на Среднем Приднепровье пункт добычи железа.

Находки так называемых шлаков на мысовых поселениях, по-видимому, следует рассматривать как следы кузнечного ремесла.

Кузнечное ремесло было отделено от металлургического. Есть основания предполагать, что уже со скифской эпохи существовало разделение труда между горняками — теми, что добывали руду и получали в горне металл, — и кузнецами, обрабатывавшими этот металл в кузницах (Шрамко, 1965, стр. 164).

Для зарубинецкого времени разделение труда между металлургами и кузнецами подтверждается материалами Лютежа, указывающими на добычу здесь железа, но где не оказалось сколько-нибудь заметных следов кузнечного ремесла.

На Среднем Приднепровье зарубинецкие кузнецы изготовляли разнообразные предметы, главным образом орудия труда (табл. 3).

При раскопках поселений и могильников наиболее частыми находками являются ножи. Размеры их невелики, длина лезвия составляет 5—12 см, ширина; 1—1,5 см. В сечении лезвие имеет клиновидную форму. Известны ножи двух типов: с горбатой и прямой спинками (табл. XXVIII, 4, 5). Первые считаются более ранними. Они встречаются в памятниках позднескифского времени и зафиксированы в наиболее ранних зарубинецких комплексах. Рукоятки (деревянные или костяные) набивались на конический черенок или же укреплялись с помощью заклепок.

Серпы по форме напоминают ножи с горбатой спинкой. Длина серпов 12—15 см, ширина до 2,5 см. Конец серпа обычно загнут вверх в виде небольшого шипа; иногда дополнительно есть закраины (табл. XXVIII, 2, 3), предназначенные для прикрепления деревянной рукоятки — последняя находилась не в плоскости лезвия, а под прямым углом к нему. Серпы такой древней конструкции, известной еще в эпоху бронзы, были малопроизводительными орудиями.

Вероятно, были в употреблении и короткие косы позднелатенского типа, о чем свидетельствует находка в Зарубинцах железного кольца, крепившего лезвие к рукоятке (табл. XXVIII, 13).

Единственный на Среднем Приднепровье топор из Таценок представляет собой кельт с вертикальной втулкой квадратной формы (табл. XXVIII, 17). Небольшие размеры топора (длина 7 см, ширина лезвия 5 см), а также его втульчатая конструкция указывают на то, что орудие не отличалось высокой производительностью. По данным В. Левашовой, у подобных втульчатых топоров; коэффициент полезного действия составлял 0,71, в то время как у проушных топоров он достигал 0,96 («Наука и жизнь», 1967, № 7, стр. 70). Аналогичные топоры известны для памятников латенской культуры (J. Filip, 1956, табл. CXXXI) и зарубинецкого верхнеднепровского поселения Чаплин.

Долота и зубила (табл. XXVIII, 1) небольших размеров, прямоугольные в сечении, со следами ударов молотком по верхней части.

Рыболовные крючки (табл. XXVIII, 9, 10) очень крупные, с массивной бородкой. Верхняя часть загнута в петлю, к ней прикреплялась леска. Они предназначались для ловли крупных видов рыб, чешуя и позвонки которых встречены: во время раскопок поселения Пилипенкова гора. Известны однотипные остроги (табл. XXVIII, 11). Деревянная рукоятка острог была насадной, о чем свидетельствует нижняя часть орудия, имеющая вид черенка.

Из железа изготавливались также мелкие хозяйственные и бытовые предметы и вещи личного убора. К числу их относятся иглы с ушком (табл. XXVIII, 8), бритвы, туалетные щипчики, шилья, булавки, фибулы.

Из предметов вооружения известны единичные находки небольших наконечников копий листовидной и ромбовидной форм (Корчеватовский могильник, Басовка, Харьевка). На севере зарубинецкой территории такого оружия немногим больше (могильник Чаплин— 10, Велемичи—1, Горошков — 1), однако находки из Чаплина относятся к позднезарубинецкому времени. Немногочисленность находок наконечников копий можно объяснить особенностями зарубинецкого погребального обряда, по которому оружие не входило в состав погребального инвентаря. С изменением обряда в позднезарубинецкое время в погребениях появляются железные наконечники копий.

Большая ценность железного оружия также объясняет его отсутствие на поселениях, где оно могло оказаться только в результате потери или в

качестве негодного к употреблению предмета, подлежащего исправлению или переделке.

О большой ценности железного оружия в это время у племен Средней Европы сообщает Корнелий Тацит. «Даже железа у них нет в избытке, как можно заключить по роду их оружия. Редкие из них употребляют мечи или длинные пики; копья они носят с узким и коротким железным наконечником и смотря по надобности сражаются этим оружием то в рукопашную, то как метательным» (Тацит, глава 6).

Действительно, в погребениях воинственных восточногерманских племен этой эпохи, как правило, отсутствует железное оружие — факт, свидетельствующий об ограниченности распространения и значительной ценности этих предметов.

Качество металла, из которого изготовлялись на Среднем Приднестровье железные предметы, довольно низкое. Это в основном крупнозернистое железо со значительным включением шлака (Вознесенская, 1969). Казалось бы, что одинаковые по конструкции железодельные горны, сходные формы ножей, серпов и наконечников копий должны указывать на преемственность скифского и зарубинецкого железодельного и кузнечного производства. Однако металлографические исследования показывают, что зарубинецкие железные изделия уступают скифским, мастера которых «умели путем цементации получать хорошую сталь и освоили кузнечную сварку железа и стали в одном изделии, которая применялась для улучшения рабочих качеств орудий труда и оружия» (Вознесенская, 1967, стр. 138).

Обработка цветных металлов. Изготовление предметов из цветных металлов, известное на Среднем Приднестровье издревле, в зарубинецкое время сохранило свое значение в ювелирном ремесле, основным сырьем для которого была бронза.

Если для железодельного ремесла сырьевая база на Среднем Приднестровье была фактически неисчерпаемой, то зарубинецким ювелирам все сырье приходилось получать издалека. Поэтому изделия из бронзы ценились здесь более высоко, чем аналогичные предметы из железа, например фибулы.

Бронза поступала с юга, вероятно, из античных городов или непосредственно из Трансильвании, где в то время обитали гето-дакийские и кельтские племена. Трансильвания является ближайшим к Приднестровью районом разработок меди и олова, известным с глубокой древности. Поскольку бронза доставлялась с юга, изделий из этого металла на Среднем Приднестровье относительно больше, чем в более отдаленных, северных зарубинецких районах.

Обрабатывали бронзу в два приема. Сначала металл плавил в тиглях, используя для этой цели также старые, пришедшие в негодность бронзовые вещи, содержащие различное количество олова. Поэтому состав бронзы в изделиях, изготовленных даже одновременно, бывает различным. Например, одна из парных фибул, найденных в Таценках, содержит свинца 3,7, олова 2,1%, другая соответственно 4,5 и 1,0% (см. приложение). При наличии готовых слитков эта операция, естественно, исключалась.

Изделия изготовлялись способом холодной проковки, протяжки, чеканки. Судя по самим предметам, уровень мастерства зарубинецких ювелиров был достаточно высоким.

Мастера работали в обычных жилых помещениях, бронзу плавил на огне домашнего очага. На Пилипенковой горе, где найдено более 40 тиглей, все они обнаружены в жилищах, причем некоторые непосредственно в очаге (жилища № 4, 10, 34) или рядом с ним (жилища № 6, 7, 8, 15, 23, 24, 34).

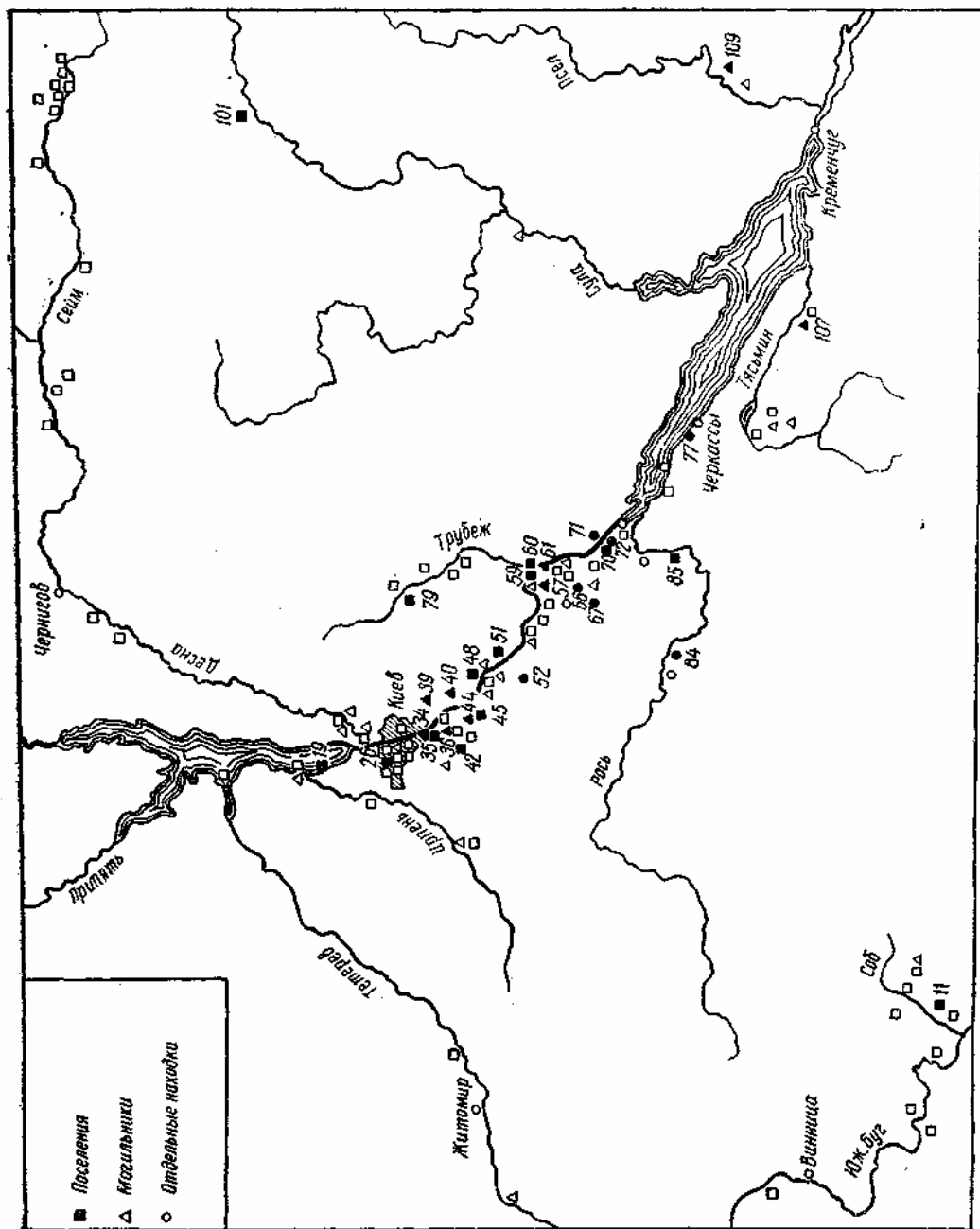

Рис. 36. Находки фибул на зарубинецких поселениях Среднего Приднепровья. Пункты находок отмечены черным цветом.

На Среднем Приднепровье наиболее часто встречаемыми бронзовыми предметами являются фибулы (рис. 36). На поселениях они представлены единичными экземплярами, а на могильниках — десятками. Почти все фибулы местного происхождения. Всего их известно (по 1967 г.) 111 экземпляров.

Таблица 4

Фибулы Среднего Приднепровья

Поселение (п) Могильник (м)	Раннелатенские	Среднелатенские	Позднелатенские	Причерноморские	Раннеримские	Глазчатые
Басовка — п		1				
Великие Дмитровичи — п		1				
Верхняя Мануйловка — м		1				
Биевцы — п		1				
Букрин — м			2			
Бортнич — п					1	
Вишенки — м		4				
Гришенцы — м					4	
Зарубинцы — м		9	1			1(?)
Зарубинцы — п		1				
Корчеватое — м		23				
Куриловка — п		1				
Кийлов — п		1				
Ляплява — м	1	6	1			
Лютеж — п						1
Марьяновка — п					2	
Монастырек — п		1				
Пилипенкова гора — п		1				
Пирогов, раскопки 1966—1967 гг. — м		18	7			
Пирогов — п		2				
Пекари — п		1				
Рудяки — п					1	
Сахновка — п			1			
Стретовка — п			1			
Суботов — м				1		
Ташенки — п, м		4	1	2		1
Трубеж — п			1		2	
Черкассы — п		2				
Юрковича — п		1				
Итого:	1	79	15	3	10	3

Всего 111 экз.

По своему устройству и внешнему виду они делятся на ряд типов, вариантов, групп и подгрупп, детально рассмотренных в работах Ю. В. Кухаренко и А. К. Амброза (Кухаренко, 1964, стр. 30—35; Амброс, 1966).

Абстрагируясь от деталей, фибулы зарубинецкого Среднего Приднепровья можно разделить на шесть типов: среднелатенские (табл. XXIX, 1—4) и позднелатенские (табл. XXIV, 5—5), которых значительно больше, чем фибул остальных четырех типов: раннелатенских, причерноморских, раннеримских и глазчатых (табл. 4).

Половину (38) всех фибул среднелатенской конструкции составляют фибулы особой группы, так называемые зарубинецкие. Отличительной их особенностью является не проволочная спинка, как у обычных среднелатенских, а пластинчатая, имеющая форму различного по размерам треугольного щитка. В зависимости от величины этого щитка специалисты разделяют зарубинецкие фибулы на пять вариантов, отличающихся один от другого в хронологическом отношении. Зарубинецкие фибулы представляют собой предметы местного, приднепровского, происхождения и производства. Они найдены, за единичными исключениями, на территории распространения зарубинецкой культуры (Кухаренко; 1964, стр. 35).

Таблица 5

Предметы из цветных металлов

Наименование	Булавки	Браслеты	Кольца	Подвески	Серьги	Бусы	Застежки пояса
Количество	16	16	8	6	2	10	1

Фибулы позднелатенской конструкции — с рамчатой или пластинчатой ножкой — также встречаются в ареале зарубинецкой культуры, где они были довольно широко распространены в позднем ее периоде.

Фибулы изготовлялись не только из цветных металлов, но и из железа. Последнее обстоятельство представляет собой убедительное доказательство их местного производства.

Раннелатенские, причерноморские и раннеримские фибулы попали на Среднее Приднепровье скорее всего с античного Юга, с которым зарубинецкое население поддерживало оживленные торговообменные отношения; глазчатые фибулы происходят из Прибалтики, где, как установлено, находился центр их производства. Глазчатые фибулы изготовлялись из латуни — сплава меди с цинком, в то время как зарубинецкие мастера пользовались бронзой — сплавом меди с оловом.

Помимо фибул, из бронзы изготовляли различные предметы личного убора и украшения, но в меньшем количестве (табл. 5).

Булавки встречаются на Среднем Приднепровье реже, чем в Полесье, но чаще, чем в Верхнем Приднепровье. Известны булавки пяти типов.

Первый тип — ранние булавки с небольшим ушком в верхней части. Они встречаются вместе с предметами позднескифского времени.

Второй тип — булавки с двумя иглами и лировидной перемычкой между ними. Они широко распространены в скифскую эпоху, но бытовали и в раннезарубинецкое время, поскольку одна такая булавка найдена в жилище №4 поселения Пилипенкова гора, где скифской керамики не обнаружено.

Булавки третьего типа — гвоздевидные, с плоской шляпкой, — найдены в Зарубинцах и в Корчеватом (табл. XXIX, 17). Известны такие же булавки из железа (табл. XXVIII, 14).

К четвертому типу относятся булавки с конической шляпкой. Такая булавка, только железная, выявлена на Ходоровском поселении. Аналогичная бронзовая булавка найдена в Кийлове.

Пятый тип — булавка с кольцевидной головкой — до последнего времени был известен только на Полесье (Кухаренко, 1964, стр. 35). Теперь его ареал распространяется и на Среднее Поднепровье (Кийлов).

Браслеты можно разделить на четыре типа. Браслеты первого типа делались из круглой или полукруглой в сечении проволоки с заостренными и не соединенными концами (Корчеватое — 5, Зарубинцы — 1, Лютеж — 1, Юрковица — 1 экземпляр).

Браслеты второго типа отличаются от первого расширяющимися концами (Суботов, табл. XXIX, 20).

Третий тип браслетов представлен фрагментированным, побывавшим в огне, экземпляром, имевшим вид многовитковой спирали, сделанной из круглой в сечении проволоки (Пироговский могильник, отдельная находка).

Четвертый тип — браслеты латенской и сарматской форм — имеют вид литых обручей с круглыми шишечками по ободу (Басовка, Таценки (табл. XXIX, 18).

Браслеты первого (2) и третьего типов (8) встречаются на территории Полесья и Верхнего Приднепровья (Кухаренко, 1964, стр. 36). На Среднем Приднепровье известны только бронзовые спиралевидные кольца (Суботов (2), Зарубинцы, Таценки (по 3) (табл. XXIX, 12).

Подвески разделяются на четыре типа: 1) трапециевидные; 2) в виде лунниц; 3) бубенчиковидные и 4) спиралевидные (табл. XXIX, 14, 15). Все они представлены единичными экземплярами. Наиболее характерными, по-видимому, являются подвески первого и третьего типов, поскольку они известны на многих зарубинецких поселениях (Кухаренко, 1964, стр. 40). Трапециевидные подвески носили на бронзовой спирали, которая одевалась на шею в виде гривны (табл. XXIV, 15).

Серьги известны пока только из Суботовского могильника (табл. XXIX, 16), поскольку одна из серег Корчеватовского могильника является на самом деле булавкой с звездчатой головкой, вторая же серьга из этого могильника сохранилась настолько плохо, что не поддается реконструкции.

Суботовские серьги были сделаны в виде колечек из тонкой круглой в сечении проволоки, соединявшейся простым замком, обмотанным такой же по диаметру проволочной спиралью. Серьги, скорее всего, привезены из Северного Причерноморья, на что указывает их форма, имеющая аналогии в причерноморских памятниках, и состав металла.

Бронзовые бусины, так называемые пронизки, входили, наряду с привозными стеклянными бусинами и местными глиняными, в состав ожерелий. Пронизки сделаны из листовидных бронзовых пластинок и имеют вид тонких трубочек различной (1—4 см) длины. Они найдены в Таценках и на Юрковице.

Застежка от пояса имеет вид массивного крючка с профилированным основанием (табл. XXIX, 10). Крючки подобного типа обычные в латенских поясных наборах. Суботовская застежка скорее всего привозная, на что указывает находка привозной латенской ситутлы в погребении № 1 Суботовского могильника.

На пяти поселениях (Зарубинцы, Завадовка, Таценки, Табаевка, Юрковица) найдены наконечники стрел позднескифского типа, которые датируются III в. до н. э. включительно (Мелюкова, 1964, стр. 27). Отношение этих предметов к зарубинецкой культуре неясно. Возможно, они принадлежат памятникам скифской эпохи.

Керамика представлена многочисленными обломками, составляющими основную массу находок на поселениях, и целыми сосудами, выявленными в погребениях и иногда — на поселениях.

Зарубинецкой керамике Среднего Приднепровья большое внимание во всех работах уделяли В. П. Петров и Ю. В. Кухаренко (Петров, 1961, стр. 53—75; Кухаренко, 1964, стр. 24—29).

За время, прошедшее после выхода в свет этих работ, коллекция керамики пополнилась. Мы рассматриваем ее здесь как исторический источник, освещающий некоторые особенности жизни населения Среднего Приднепровья.

Технология производства зарубинецкой керамики еще не изучена, в этом отношении делаются лишь первые шаги (Бобринский, 1967; Пачкова, 1969).

По способу обработки поверхности вся зарубинецкая посуда делится на простую и лощеную.

Простая посуда предназначалась для приготовления пищи, хранения продуктов и других хозяйственных нужд. Она преимущественно встречается на поселениях, где составляет 80—85% всех керамических фрагментов.

Лощеная керамика в основном выполняла функции столовой посуды, а также использовалась в ритуальных целях, в качестве погребального инвентаря: например, в погребениях Пирогова 1966 г. найдены 91 лощеный сосуд и лишь два простых.

Лощеная и простая посуда отличается не только способом обработки поверхности, но и составом примесей в керамической массе, размерами частиц этих примесей, орнаментом, пропорциями и профилировкой корпуса. Простые горшки и миски не похожи на те же виды посуды, имеющей лощеную поверхность.

Сказанное дает основания рассматривать эти два типа керамики порознь.

Простая посуда представлена тремя видами изделий. Это горшки и корчаги, крышки, сковородки.

Горшки и корчаги, различающиеся размерами, по пропорциям и профилировке корпуса делятся на две группы (табл. XXX). У сосудов первой группы корпус имеет форму, приближающуюся к конической. Плечики поэтому расположены выше середины сосуда. Венчики небольшие, слегка отогнутые наружу (вариант А) или вертикальные (вариант Б), дно узкое. Орнамент встречается редко и имеет вид расчлененного валика по корпусу или ямок по краю венчика. Высота горшков до 25 см. Вместимость корчаг значительная (высота до 50 см, диаметр венчика до 40—50 см). Их использовали для хранения продуктов и воды, о чем свидетельствуют постоянное отсутствие копоти на стенках, внушительные размеры и топография находок — корчаги встречаются в жилищах близ очагов. Стенки корчаг толстые, 8—12 мм, примесь в глине — шамот, крупный песок, иногда — органическое вещество.

У сосудов второй группы корпус имеет форму, близкую к биконической (табл. XXX). Плечики расположены сравнительно низко, по середине высоты сосуда. В зависимости от формы венчика эта группа сосудов разделяется на три варианта: А, Б и В. У горшков и корчаг варианта А, самых многочисленных, венчик плавно отогнут наружу (табл. XXX); у сосудов варианта Б венчик отогнут резко; у горшков и корчаг варианта В венчик вертикальный. Дно сосудов второй группы более широкое по отношению к отверстию, чем у горшков первой группы. Почти все сосуды варианта А украшены ямками по краю венчика, иногда по плечикам проходят четыре-пять парных пальцевых ямок. Поверхность гладкая.

Приблизительно до 7% сосудов делались с хрупчатой поверхностью, причем нередко шейку и венчик старательно выглаживали или ложили. Иногда эту гладкую верхнюю часть сосуда и хрупчатый корпус разделял расчлененный ямками валик. Высота горшков 15—35 см. Толщина стенок — 6—8 мм. Корчаги имеют такие же размеры, как и первая группа. Глина содержит примесь в виде песка, шамота, редко — органического вещества, дресвы. Многочисленные горшки этой группы использовались для приготовления пищи, о чем свидетельствуют их размеры, широкое дно, следы копоти на стенках, топография находок — возле или даже в самих очагах.

Горшки и корчаги первой и второй групп применяли также в качестве урн: в Корчеватом таких урн оказалось 22 (из 33 урновых погребений), в Пирогове 1966 г. — 2 (из 6).

Функционально с горшками связаны крышки, обломки которых встречаются на каждом поселении (в погребальных инвентарях крышек нет). Они имеют конический корпус и довольно высокую ручку конической или же цилиндрической формы. Внутри ручка полая. Край иногда орнаментирован по срезу ямками, не отличаясь этим от венчиков горшков, с которыми у крышек сходный и состав теста. Стенки корпуса тонкие, не более 5—6 мм. В литературе эти сосуды называются плошками, вазочками, крышками или мисками (Вязьмитина, 1962, стр. 101). На то, что это были крышки, указывает закопченность, часто заметная на внутренней поверхности сосудов, а также наличие малоустойчивого доньшка, что для мисок или ваз было бы неприемлемо. Крышки этого типа получают широкое распространение с конца IV в. до н. э. на территории Северного Причерноморья в археологических культурах скифского ареала (Мелюкова, 1962, стр. 158). Широко применялись они и в быту жителей зарубинецких поселков.

К простой посуде, обнаруженной на поселениях, относятся также сковородки. По своему внешнему виду они представляют собой диск диаметром 14—26 см, толщиной 10—12 мм. Обычно с одной стороны сковородки делались лощеными, а с другой стороны орнаментировались ямками, расположенными в виде фигур различных очертаний. По этнографическим данным, такие плоские сковородки употреблялись для выпечки лепешек.

Кроме горшков, крышек и сковородок изредка встречаются сосуды других видов. Они обнаружены в погребениях в целом виде, в то время как среди фрагментированных материалов поселений их не удавалось пока выделить. К числу таких редко встречаемых керамических изделий относится лепная амфора (табл. VII, 12) из погребения № 73 Корчеватовского могильника, напоминающая по форме эллинистические амфоры Фасоса.

Керамика с лощеной поверхностью на Среднем Приднепровье представлена в основном четырьмя видами сосудов. Это горшки, кувшины, миски и кружки.

Лощенные горшки по своим пропорциям и профилировке делятся на три группы (табл. XXX).

У горшков первой группы форма корпуса близка к конической, плечики расположены выше середины сосуда, венчики отогнуты наружу; они или небольшие, мало выразительные (вариант А), или крупные, хорошо оформленные (вариант Б). Дно относительно узкое. Горшки крупных размеров (высота около 40 см и такой же диаметр) и большой вместительности. Работа аккуратная, наружная поверхность черного цвета тщательно отполирована. Иногда плечики орнаментированы редкими налепами — подковками. Встречаются такие горшки довольно редко.

Горшки второй группы наиболее многочисленны. Форма их корпуса близка к биконической, профилировка (очертания) выпуклобокая. Плечики расположены низко, по середине высоты сосуда (табл. XXX). Горшки, в зависимости от формы венчика, делятся на три варианта: с резко отогнутым наружу венчиком (вариант А), с плавно отогнутым наружу венчиком (вариант Б), с вертикальным венчиком (вариант В). Поверхность гладкая, хорошего качества. Высота и диаметр плечиков средние, в пределах 20—25 см. Орнамент в виде одного—трех валиков по шейке или подколок по корпусу встречается редко.

Таблица 6

Керамический комплекс Корчеватовского и Пироговского могильников

Наименование	Горшки		Миски лощеные		Кружки
	простые	лощенные	группа 1	группы 2 и 3	
Корчеватое	57	42	5(?)	39	33
Пирогов, раскопки 1966 г.	2	40	2	26	23

Горшки третьей группы своими пропорциями близки к горшкам второй группы. У них такие же низко расположенные плечики (табл. XXX), отогнутый наружу (вариант А) или вертикальный (вариант Б) венчик, но профилировка корпуса близка к шаровидной форме.

Кувшины по профилировке корпуса не отличаются от горшков второй группы. Однако у всех этих сосудов имеется характерное высокое горло; у некоторых есть плоская ручка, соединяющая венчик с корпусом. Кувшины встречаются редко (Корчеватое — 3, Суботов — 2).

Лощеные миски в количественном отношении занимают второе место в керамическом инвентаре погребальных комплексов, о чем свидетельствуют данные Корчеватовского и Пироговского могильников.

Однако на поселениях обломки мисок встречаются значительно чаще, чем обломки лощеных горшков. По своей профилировке миски могут быть разделены на три группы (табл. XXXI).

Первую группу, по материалам могильников наименее многочисленную (табл. 6), составляют миски полусферической формы, венчик которых загнут внутрь. Миски варианта А имеют очень небольшие, по сравнению с диаметром, отверстия, дно плохого лощения. Значительные размеры, до 30—40 см в поперечнике, форма и техника изготовления сближают миски первой группы варианта А с соответствующей группой посуды позднескифской Лесостепи (Петренко, 1967, стр. 22).

Миски варианта Б от предыдущих отличает коническая форма придонной части. У них также небольшой по диаметру венчик, формовка и лощение более высокого качества.

Близость формы этих мисок со скифскими дает основание назвать их скифидными.

Наиболее многочисленны миски второй группы. Отличительной особенностью их формы является прямой, отогнутый наружу небольшой венчик и

округлые высокие плечики. В зависимости от деталей профилировки миски этой группы делятся на четыре варианта (табл. XXXI).

Миски варианта А имеют прямой, довольно массивный, отогнутый наружу венчик. Они обращают на себя внимание высококачественной формовкой и лощением. Плечики валиковидные, корпус — конический. Плечики от венчика отделены подчеркнуто резко (перехватом). От корпуса также четко отделена ножка, иногда внутри пустотелая. Внутренняя сторона венчика часто украшалась двумя-тремя четкими гранями. Эти миски отличаются высококачественной формовкой и лощением.

Миски варианта Б вместо конической ножки имеют небольшое, плоское, цилиндрической формы дно. Миски вариантов А и Б неизвестны в Верхнем Приднепровье, а также на Припяти (на поселении Рубель встречен лишь один обломок (Кухаренко, 1964, стр. 28), однако он с х-образным ушком, свойственным западным материалам), поэтому считаются специфически среднеднепровскими.

У мисок вариантов В и Г плавно изогнутые плечики, мягко переходящие вверх в венчик, а внизу в корпус. Отличаются небрежной формовкой и лощением; с внутренней стороны венчика грани отсутствуют. Пропорции этих мисок двух вариантов различны: сосуды варианта Г более высокие и узкие.

У мисок третьей группы плечики ребристой формы (табл. XXXI). Особенности профилировки позволяют разделить эту группу на три варианта. Миски варианта А имеют прямой, отогнутый наружу венчик, с внутренней стороны частограненый. От венчика подчеркнуто резко отходят плечики, что сближает их с мисками вариантов А и Б второй группы. Одинаковы у них аккуратные формовка и лощение.

Миски варианта Б отличаются высоким прямым венчиком, отогнутым наружу или наклоненным внутрь. Край венчика обычно срезан. Между венчиком и плечиками проходит характерный ребристый выступ.

Миски варианта В по форме напоминают предыдущие (табл. XXXI), однако они не имеют ребристого выступа, а венчики всегда наклонены внутрь. Отличает их также более простая формовка и лощение. Миски вариантов Б и В характерны для более поздних (после рубежа нашей эры) комплексов.

Редко встречаемой формой, которая морфологически может быть связана с мисками, являются вазы, найденные в Вишеньках, Суботове и Жаботине. Форма их корпуса полусферическая, венчик крупный, вертикальный, с тремя петельчатыми ручками. Ножка конической формы, пустотелая. Наиболее интересной является отлично формованная и лощеная ваза из Суботова, корпус которой украшен 36 вертикальными канавками — каннелюрами, явно заимствованными из арсенала украшений эллинистической керамики.

Лощеные кружки составляют значительную часть керамического погребального инвентаря; в погребениях их найдено почти столько же, сколько и мисок. На поселении обломки кружек немногочисленны. Это объясняется, очевидно, тем, что их фрагменты отличаются от мисок только наличием ушка, поскольку венчик, корпус и днище у них сделаны в одной манере.

В зависимости от пропорций и профилировки кружки разделяются на три группы.

К первой группе относятся кружки, корпус которых имеет коническую форму (табл. XXXI). Плечики округлые, венчик прямой, отогнутый наружу, иногда граненый с внутренней стороны. Небольшая петельчатая ручка (ушко) соеди-

няет середину венчика и плечо. Профиль ручки остроугольный. Формовка и лощение высококачественные. По форме венчика и корпуса кружки похожи на миски второй группы варианта Б.

Ко второй группе относятся кружки с биконической формой корпуса (табл. XXXI). В зависимости от профилировки корпуса они разделяются на два варианта. У кружек варианта А плечики мягкие, плавные, у кружек варианта Б они остросереберные. Ручки двух типов: круглые в профиле, соединяющие край венчика с плечиками, и остроугольные, соединяющие середину отогнутого наружу венчика с плечиками. По форме венчика и корпуса кружки варианта А напоминают лощеные горшки группы 2АБ, а кружки варианта Б — соответственно остросереберные миски группы 3А. Формовка различная, преимущественно хорошего качества, но встречаются экземпляры небрежной работы.

К третьей группе относятся лощеные кружки с округлым мягко очерченным корпусом (табл. XXXI); венчик прямой, массивный, вертикальный, иногда граненный с внутренней стороны. Ручки двух типов: круглые и остроугольные. По форме корпуса и венчика эти кружки аналогичны лощеным горшкам группы 2В. Работа обычно высококачественная, однако встречаются экземпляры, сделанные небрежно, как бы наспех, без лощения.

Следует отметить, что экземпляры такой плохо сделанной посуды известны во всех группах лощеной керамики, найденной в погребениях, то есть среди кружек, горшков и мисок.

Посуда, входившая в состав погребального инвентаря, отличается не только качеством изготовления, но и размерами. Помимо крупных сосудов, размеры которых можно считать обычными для бытовой керамики, почти половину найденных в Корчеватом и Пирогове составляют миниатюрные горшки, миски и кружки, размеры которых в два-три раза меньше обычных. Вероятно, эти миниатюрные сосуды предназначались исключительно для ритуальных целей и их ставили в могилы в качестве символов-заменителей бытовой посуды. Символическая керамика—посуда для умерших —повторяла до деталей формы бытовой посуды, предназначавшейся для живых, уступая ей в размерах и качестве изготовления. Как уже отмечалось, оно нередко очень низкое: формовка неумелая, керамическая масса непромешанная и с грубыми примесями. Создается впечатление, что эту посуду делали наспех, в связи с экстренным случаем, то есть подобную керамику изготавливали сами родственники умершего, в то время как обычную посуду — опытные мастера.

Технология изготовления лощеной посуды. Специальному технологическому изучению зарубинецкая чернолощенная керамика не подвергалась. Визуальное наблюдение позволяет заключить, что керамическое тесто готовили тщательно; судя по равномерной структуре черепка, оно хорошо вымешивалось. Примеси, добавлявшиеся к глине, из которой делали лощеную посуду,— мелкие, резко не выделяющиеся. Добавляли мелкий песок, шамот и органическое вещество, состоящее из половы злаковых, на что указывают иногда заметные отпечатки зерен.

Обращает на себя внимание поразительная симметричность и четкость формовки корпуса и отдельных деталей сосудов, например граненого венчика. Это обстоятельство указывает на возможность употребления при формовке приспособления с центрированным вращением, то есть гончарного круга. Предположение о существовании у зарубинцев гончарного круга подтверждается наличием на

стенках некоторых сосудов царепин в виде концентрических кругов и линий, которые мог оставить гончар во время кругового движения сосуда.

Указанные факты говорят о том, что зарубинецкая лощеная посуда изготовлялась с помощью гончарного круга. На основании аналогии с керамикой, близкой по своим технологическим особенностям к зарубинецкой, мы считаем, что у зарубинцев был в употреблении ручной гончарный круг легкого типа, подобный реконструированному Б. А. Рыбаковым (Рыбаков, 1948, стр. 166, рис. 31) или известному по этнографическим материалам (Пещерова, 1959, стр. 25—40).

После формовки поверхность толовой посуды выглаживалась, в результате чего посуда становилась лощеной, приобретая блестящую, бархатистую гладкость.

Лощение производилось специальными орудиями — глиняными или костяными ложилами. Зарубинецкие ложила должны были иметь довольно широкую рабочую поверхность, поскольку в процессе работы они не оставляли на сосудах следов — канавок. Ложилами могли быть крупные обломки толстостенных сосудов — античных амфор, имеющих плотную, мелкозернистую структуру черепка. Такие ложила обнаружены на поселениях в Зарубинцах (Малая Горка), на Юрковице в Киеве, на Пилипенковой горе. Отличительной особенностью этих орудий является зашлифованная до блеска рабочая часть.

Выглаженная и уплотненная ложилами поверхность, вероятно, натиралась до зеркального блеска мягкой шкуркой, которая и придавала зарубинецкой керамике вид полированной посуды, отличая ее этим от лощеной керамики других синхронных археологических культур, например гетской. На применение такого технологического приема указывают этнографические материалы.

Обжиг предварительно высушенных изделий производился на костре при температуре до 600°. В результате обжига простая посуда приобретала серо-коричневый цвет, образующийся при указанной температуре, в изломе — иногда черный (Брайчевский, 1964, стр. 135). Последнее обстоятельство было бы невозможным, если бы посуда обжигалась в гончарных горнах.

Нагрев столовой посуды, имевшей черный цвет, должен был быть еще более низким, поскольку необходимо было сохранить имеющийся в глине природный и привнесенный в виде органической примеси углерод, игравший роль красителя. Однако при низкой температуре нагрева пропорционально уменьшалась крепость черепка.

Чтобы увеличить прочность столовой посуды, зарубинецкие мастера применяли прием, известный также гончарам древней Руси и по этнографическим материалам: ее подвергали обварке, то есть нагретый сосуд погружали в холодный мучной раствор (Рыбаков, 1948, стр. 172).

Несмотря на довольно значительную сложность технологии, производство керамики в зарубинецкое время не вышло за пределы домашнего ремесла. Некоторые данные указывают на то, что оно находилось в руках женщин. Так, иногда на наружной стороне днищ мисок можно видеть два, иногда три отчетливых отпечатка кончиков пальцев, небольшие размеры которых свидетельствуют о том, что они сделаны женщинами. По этнографическим данным, еще недавно в верховьях Волги, в условиях домашнего производства, изготовлением посуды занимались женщины; по своим особенностям эта керамика является как бы переходной от ручной лепки к профессиональному гончарному производству («Верхневолжская экспедиция», т. I, Тверь, 1927); женское гончарное производство, связанное с применением ручного круга, существовало до недавнего времени

в горных районах Таджикистана, Афганистана и других областей Средней Азии {Пещерова, 1959}.

Ткачество. Одной из важнейших отраслей домашнего производства было изготовление льняных и шерстяных тканей. Объективными свидетелями ткачества служат глиняные пряслица — маховички, утяжелявшие ручное веретено, и фибулы — булавки, скреплявшие концы матерчатых плащей-накидок.

Сырьем для тканей служили лен, конопля, овечья и козья шерсть. Все эти виды волокнистых веществ были известны в Восточной Европе с глубокой древности. Геродот писал о том, что скифы сеют хлеб, чечевицу и коноплю, а Тацит через 500 лет отмечал наличие в женской одежде европейских племен льняных тканей.

Обработка льна и конопли, видимо, ничем принципиально не отличалась от позднейшей, хорошо известной по древним обрядовым песням (Рыбаков, 1948, стр. 185) и этнографическим материалам: лен дергали, мочили, сушили, трепали, превращая его в кудель, из которой изготовляли пряжу.

О разведении овец и коз говорилось выше. Однако среди зарубинецких археологических материалов отсутствуют овечьи ножницы, известные уже среди пшеворских племен и в более поздних культурах. Возможно, зарубинецкое население обходилось без ножниц, шипая шерсть овец и коз.

Прядение происходило с помощью ручного веретена, о чем свидетельствуют пряслица. Они всегда глиняные, двух типов: высокие биконической формы, хорошей формовки и обжига, часто лощеные, иногда орнаментированные различными системами простого геометрического орнамента: поясками, проходящими по плечикам и у края, косыми параллельными линиями, образующими треугольники и ромбы, и др.; плоские, реже встречаемые пряслица, изготовленные из обломков толстостенных сосудов, главным образом, античных амфор.

Наименее освещенным является вопрос о конструкции ткацкого станка. Можно предполагать, что зарубинецкий ткацкий станок соответствовал древнейшей форме славянского ткацкого станка (стана) и был вертикальным, очень примитивным по устройству, с грузилами, оттягивавшими нити основы вниз. Четыре таких глиняных слабообожженных, массивных (высота 10 см) грузила пирамидальной формы были найдены и в одном из жилищ Пилипенковой горы (табл. XXI, 11).

При шитье пользовались иглами довольно крупного размера (длина до 10 см, диаметр до 2 мм, табл. XXVII, 12).

Торговля была достаточно важной отраслью хозяйственной деятельности зарубинецкого населения Среднего Приднепровья. Многочисленные находки обломков античной керамики свидетельствуют об интенсивности торговли, которая прямым образом зависела от экономического состояния зарубинецкого общества.

Античная керамика встречается почти на каждом зарубинецком поселении Среднего Приднепровья. Во время раскопок поселений было установлено, что количество античного материала составляет от 3 до 15—20% общей массы керамических находок, в среднем 8—10%.

В других областях зарубинецкой культуры нет такого количества материалов античного происхождения: ни в Верхнем Приднепровье, где известны в основном античные бусы (Поболь, 1960, стр. 15), ни на Припяти (Кухаренко, 1964, стр. 29).

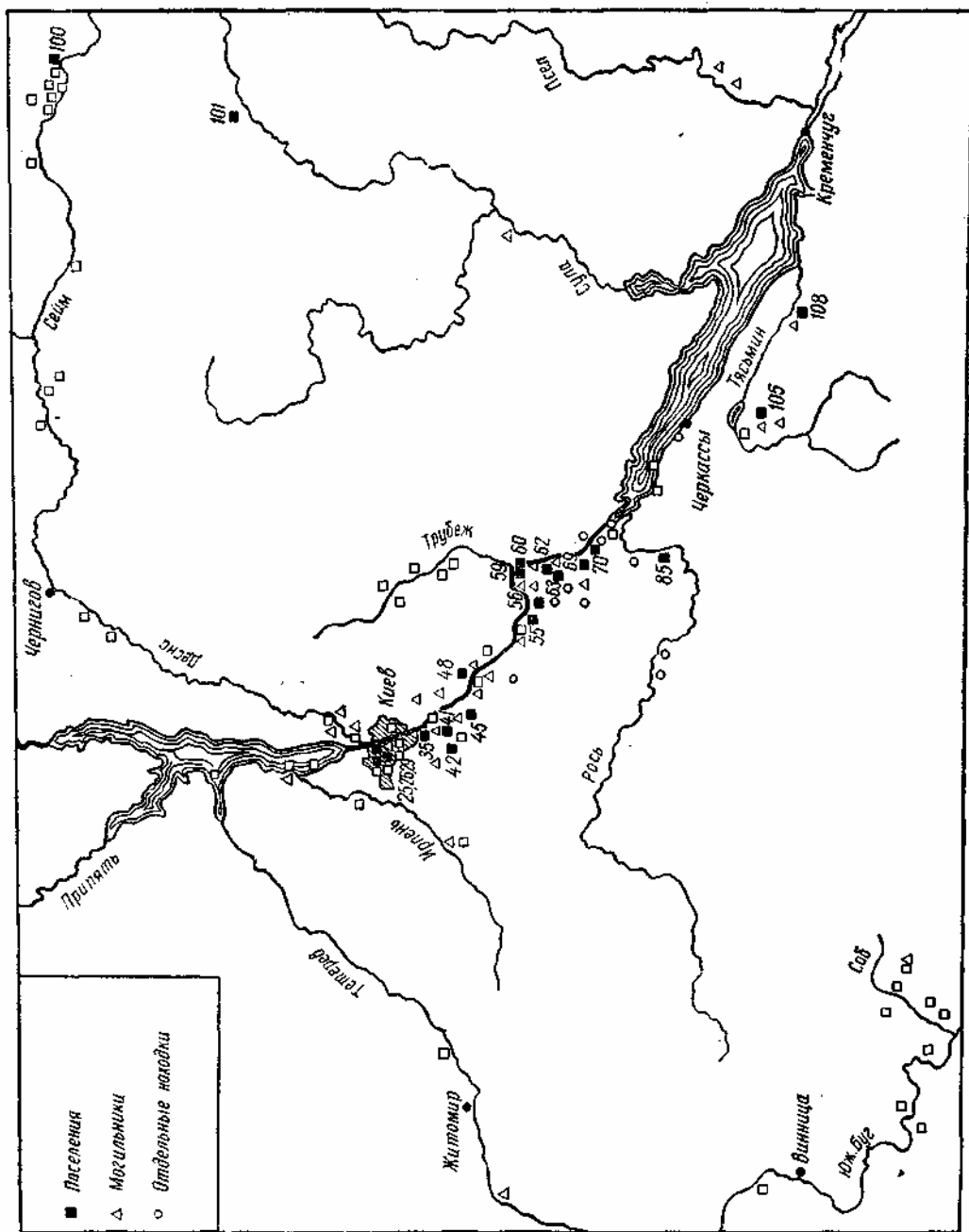

Рис. 37. Находки античной керамики на зарубинецких памятниках Среднего Приднепровья. Пункты находок отмечены черным цветом.

На карте распространения античного импорта на Среднем Приднепровье (рис. 37) видно, что импорт концентрируется на Правобережье Днепра, особенно в окрестностях Кднева и Киева, на Роси и Тясмине. Известны античные находки и в глубинах Левобережья, на Сулё и Сейме, но таких пунктов немного.

Поселение	Позднеэллинистическая керамика		Раннеримская керамика	
	Столовая	Амфоры	Амфоры	Столовая
Грини				Штриховка
Харьёвка		Штриховка		
Басовка		Штриховка		
Лиселевка		Штриховка	Штриховка	
Юрковица		Штриховка		
Киев-Луц			Штриховка	
Пирогов		Штриховка		
Великие Дмитровици		Штриховка		
Таченки				
Ходосовка			Штриховка	
Кляб		Штриховка		
Балыко-Щучинка			Штриховка	
Ходороб		Штриховка	Штриховка	Штриховка
Монастырек		Штриховка		
Зарубинцы		Штриховка	Штриховка	
Бучак		Штриховка	Штриховка	
Селище		Штриховка		
Московка		Штриховка		
Пилипенкова гора	Штриховка	Штриховка	Штриховка	Штриховка
Сахновка		Штриховка		
Жабатин	Штриховка	Штриховка	Штриховка	
Суботов			Штриховка	Штриховка

Рис. 38. Местонахождения эллинистической и раннеримской керамики на Среднем Приднепровье.

Предметы античного импорта на Среднем Приднепровье впервые появляются в скифское время (Онайко, 1960, стр. 25—41; ее же, 1962, стр. 66—82; ее же, 1970; Бондарь, 1965, стр. 55—80). Тогда интенсивность торговли была значительной. Уменьшение ее в объеме в зарубинецкую эпоху объясняется двумя причинами: 1) зарубинецкое общество, в отличие от скифского, имело иную социально-экономическую структуру, не направленную на производство значительной массы прибавочного продукта; 2) античный мир Северного Причерноморья в зарубинецкое

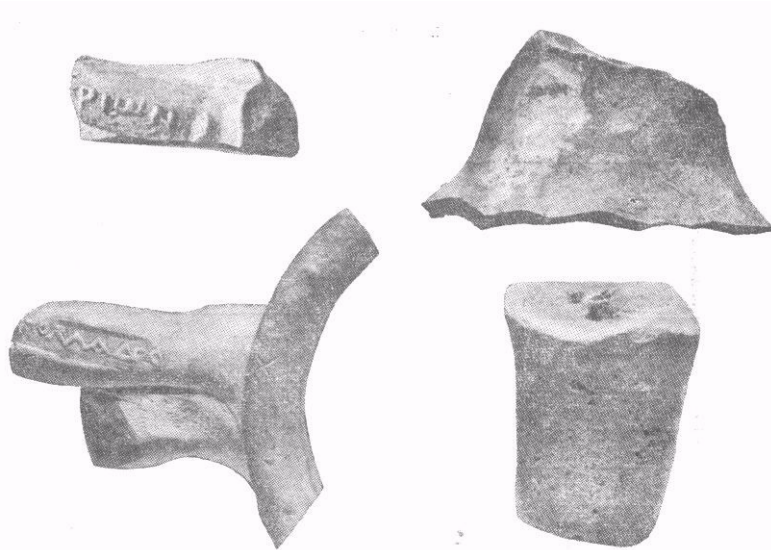

Рис. 39. Фрагменты античных амфор конца III—II вв. до н. э.

время, особенно в конце I в. до н. э.— начале I в. н. э., переживал серьезный социально-экономический кризис, во время которого многие полисы пришли в упадок и не смогли противостоять варварам (разрушение Ольвии гетами в середине I в. до н. э.), что, естественно, отразилось на состоянии торговли античных городов со Средним Приднестровьем. Несмотря на эти неблагоприятные для широкой торговли обстоятельства, зарубинецкие среднестроповские племена получали с берегов Черного моря довольно много греческого вина, некоторое количество столовой посуды (рис. 38), украшения из бронзы и стекла.

Тарой для вина, как известно, являлись амфоры. На зарубинецких поселениях чаще всего встречаются обломки амфор с о-ва Кос. По заключению специалистов (Зеест, 1960, стр. 104—107; Вязьмитина, 1962, стр. 152—153), косские амфоры, отличающиеся рядом устойчивых признаков (розовато-коричневая глина, обмазка светло-зеленого цвета, покрывающая весь корпус, двустольные ручки (табл. XXII, 8), иногда с клеймами (рис. 39), датируются второй половиной III—началом I вв. до н. э. Наибольшего расцвета импорт дешевого косского вина достиг во II в. до н. э.

Наряду с косскими, но в меньшем количестве, на зарубинецких поселениях известны обломки амфор других винодельческих центров древности; Родоса (табл. XXXII, 11), Фасоса, Пароса (рис. 39), Синопы и др. Особенности характерных частей этих амфор (венчика, ручек, дна), а также содержание рисунков и надписей амфорных клейм, дают основания датировать эту группу находок в основном временем косского импорта.

Изредка встречается и столовая посуда этого времени (табл. XXXII, 4, 9).

Источники отмечают развитие виноделия и виноторговли в античных городах Северного Причерноморья: на Боспоре, в Херсонесе и Ольвии. Среди амфорных обломков, найденных в Среднем Приднестровье, возможно, имеются и фрагменты северочерноморских амфор.

На зарубинецких поселениях встречается еще одна группа античной керамики: краснолаковая столовая посуда раннеримского времени, амфоры светло-желтого цвета с примесью в тесте черных частичек минерала пироксена, амфоры из коричневой глины с примесью песка. Все они относятся к раннеримскому времени, и датируются I в. до н. э. — I в. н. э. (Вязьмитина, 1962, стр. 158; Зеест, 1960, стр. 109).

Соотношение этих двух групп античной керамики на памятниках Среднего Приднепровья характеризуется следующими цифрами: позднеэллинистические амфоры и посуда найдены на 18 поселениях, раннеримские — на одиннадцати, причем на семи поселениях найдены и те и другие обломки, из них в Жаботине и Зарубинцах позднеэллинистического материала было больше, чем раннеримского, на Пилипенковой горе — примерно поровну, а в Суботове раннеримский материал являлся ведущим.

Эти данные указывают на то, что в III—II вв. до н. э. проникновение античного импорта в зарубинецкое Среднее Приднепровье было более интенсивным, чем в раннеримское время, когда Ольвия, как свидетельствуют источники, только оправлялась после гетского разгрома. Если принять во внимание свидетельство Диона Хризостома, согласно которому в конце I в. до н. э. Ольвия еще лежала в развалинах (IOSPE, I, стр. 172), то расцвет раннеримского импорта в Среднем Приднепровье следует связывать с первой половиной I в. н. э., когда, как подтверждают данные раскопки и находки монет, для Ольвии снова началась полоса экономического подъема (Зограф, 1951, стр. 139).

Считать Ольвию главным центром античной торговли для Лесостепного Приднепровья нам позволяет ее исключительно удобное географическое положение. Как известно, Ольвия лежит в устье Днепра. Выше, по среднему течению, располагалась основная масса зарубинецкого населения. На Днепре, южнее порогов, существовали поселения, связанные экономическими узами с Ольвией и с населением Среднего Приднепровья. Во время раскопок этих поселений — Золотой балки, Гавриловки, Знаменки, Любимовки и других, — помимо скифосарматского материала, обнаружена античная керамика и зарубинецкая лощеная посуда, которую следует рассматривать как отражение взаимосвязей этой области с Лесостепным Приднепровьем.

Обращает на себя внимание отсутствие зарубинецкой лощеной керамики в Ольвии. Это обстоятельство позволяет думать, что миски зарубинецкого типа, найденные на нижнеднепровских поселениях — Золотой Балке, Знаменке и других, — возникли не вследствие влияния латенской или античной посуды, как полагает М. И. Вязьмитина (Вязьмитина, 1962, стр. 232). Если бы это было так, подобную керамику мы встретили бы прежде всего в ольвийском лепном комплексе, который, естественно, должен был ощутить это влияние неизмеримо сильнее, чем комплекс нижнеднепровских поселений. Однако в Ольвии зарубинецкая керамика отсутствует, следовательно, дело не в античном влиянии. Этот факт, видимо, указывает на то, что античный импорт поступал на Среднее Приднепровье непосредственно из Ольвии, а из нижнеднепровских поселений, где, в связи с этим, имелся какой-то зарубинецкий этнический элемент.

Торговый путь шел по Днепру от этих нижнеднепровских поселений на север, минуя пороги. Товары перевозились также и по лесостепным притокам Днепра, но основной торговой магистралью был Днепр. С юга поступало главным образом вино. С севера на юг шли те товары, которых у зарубинцев было вдоволь: шкуры,

Рис. 40. Бронзовый тетрагалк с Пилипенковой горы.

кожа, меха, скот, мясо. С глубокой древности вплоть до средневековья эти продукты животноводства были в Средней и Северной Европе предметами торговли (Анохин, 1967, стр. 7—67). О торговле пушниной свидетельствует остеологический материал — находки в культурном слое зарубинецких поселений костей бобра, а также (в Чаплине) куницы. Пушнина была традиционным товаром у населения Среднего Приднепровья (Цалкин, 1966).

Торговля носила обменный характер, что было отличительной особенностью торговли античных городов Северного Причерноморья с населением глубинных районов.

Хотя в античных городах — Ольвии, Херсонесе, Тире, Пантикапее, Феодосии — с самых ранних периодов их истории зафиксировано денежное обращение, существование собственных монетных дворов, выпускавших серии медной и золотой монеты, деньги не выходили за пределы полисов. Поэтому, например, даже на нижнеднепровских городищах, являвшихся экономическими спутниками Ольвии, ольвийских монет не найдено (Вязьмитіпа, 1962). Находки нескольких медных монет в Поднепровье (Карышковский, 1965) носят случайный характер и не являются экономическим аргументом.

На зарубинецких поселениях находки монет — явление редчайшее. Пока известен всего лишь один экземпляр — бронзовый тетрагалк южнопричерноморского города Комана, чеканенный в 105—90 гг. до н. э., обнаруженный на Пилипенковой горе (рис. 40).

Римские серебряные динарии, появившиеся на Приднепровье в конце II — начале III вв. н. э., выполняли функцию сокровищ, а не денежной товарной единицы (Кропоткин, 1961, стр. 35).

Определенное число этих монет топографически локализуется с поселениями позднезарубинецкого типа (Максимов, 1963). Однако отнести их к собственно зарубинецкой культуре пока не представляется возможным, поскольку сами памятники еще недостаточно изучены.

Помимо торговли с античным югом, существовали торговые связи с областями латенской культуры. Предметы латенского происхождения довольно часто встречаются в Среднем Приднепровье (Кухаренко, 1959, стр. 31—51). Уступая в количественном отношении античному импорту, они, тем не менее, оказали заметное влияние на некоторые зарубинецкие вещи личного убора, украшения, керамику.

Больше всего найдено фибул. Наиболее ранними (III в. до н. э.) являются фибулы из Залесья и Леплявы.

Чаще встречаются на Среднем Приднепровье среднелатенские фибулы прожиточной конструкции (табл. XXIX, 1, 2), в основном местного происхождения, но сделанные по образцу латенских. Так же, как и сходные с ними по конструкции наиболее многочисленные так называемые зарубинецкие фибулы (табл. XXIX, 3, 4), они отражают влияние латенской культуры на вкусы населения и продукцию кузнечно-ювелирного ремесла.

Сказанное в полной мере относится и к позднелатенским одночленным фибулам с рамчатым и пластинчатым приемником (табл. XXIX, 5—8), встречающимся, однако, реже среднелатенских.

Литые массивные рубчатые браслеты считаются латенскими (Кухаренко, 1959, стр. 36) и датируются III—II вв. до н. э. Они выявлены в Каневе, Пекарях, Григоровке, Михайловне, Лубенцах, Липовце. Латенскими являются кольца с шишечками (Таценки (табл. XXIX, 18), Букрин, Ольшаница), подвески-амулеты в виде колесиков (Хмельна, Пастерское), перстни (Букрин, Пищальники, Канев, Пекари, Хмельна, Пастерское), поясные крючки (Суботов (табл. XXIX, 10), Букрия, Марьевка). Латенские шпоры известны по находкам из Пекарей и Новых Безрадичей. По времени они относятся к числу наиболее поздних предметов этого происхождения и датируются I в. н. э.

Более ранней датой — I в. до н. э. — по аналогии с ситолой из Марьевки (ESA, I, 1927, стр. 109) — определяется время бронзовой ситулы из Суботова.

Кельтская керамика непосредственно на зарубинецких памятниках Среднего Приднепровья не найдена, здесь сказалось только ее влияние.

Время и обстоятельства появления латенского импорта на территории Среднего Приднепровья объясняются фактами истории кельтских племен. Появившись в конце IV в. до н. э. в Закарпатье и в верховьях Вислы, кельты вошли в прямой контакт с населением позднескифского времени Подолии, откуда предметы их ремесла могли попасть в Приднепровье (Залесье, Лепляво).

В конце III в. до н. э. кельты продвинулись в Северное Причерноморье, о чем свидетельствует ольвийский декрет в честь Протогена. Населению окрестных степей становится известным до того невиданное здесь кельтское вооружение и предметы обихода (Марьевка, Сипотены). Затем кельтский ареал расширяется к северу (Суботов), захватывая все Среднее Приднепровье. Эта вторая, значительно более мощная волна распространения кельтских вещей на нашей территории, принесла сюда разнообразные предметы и способствовала выработке на Приднепровье местного, отмеченного латенским влиянием, стиля. Определенную роль в этом сыграли античные центры, прежде всего Ольвия, где были найдены литые формы некоторых латенских предметов.

Латенские предметы в III—II вв. до н. э. могли попасть на берега Днепра и с Запада, путем обменной межплеменной торговли зарубинцев со своими западными и северо-западными соседями. Возможно, что роль такой торговли была более значительной, чем это позволяют предполагать находящиеся в нашем распоряжении немногочисленные факты.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

В настоящее время на территории Среднего Приднепровья известно около 30 зарубинецких могильников. Видимо, к их числу следует прибавить еще несколько (до пяти) пунктов, где были найдены целые зарубинецкие сосуды, происходящие, как правило, из погребений. Таким образом, можно говорить о 35 могильниках, что составляет почти четвертую часть всех зарубинецких памятников. В принципе, количество могильников и поселений должно быть одинаковым. Неравенство их в данном случае объясняется тем, что зарубинецкий могильник обнаружить значительно труднее, чем поселение, культурный слой которого на поверхности проявляется достаточно отчетливо, поскольку жилища, где находится основная масса находок, будучи расположенными близко к поверхности, легко разрушаются вешними водами и вспашкой.

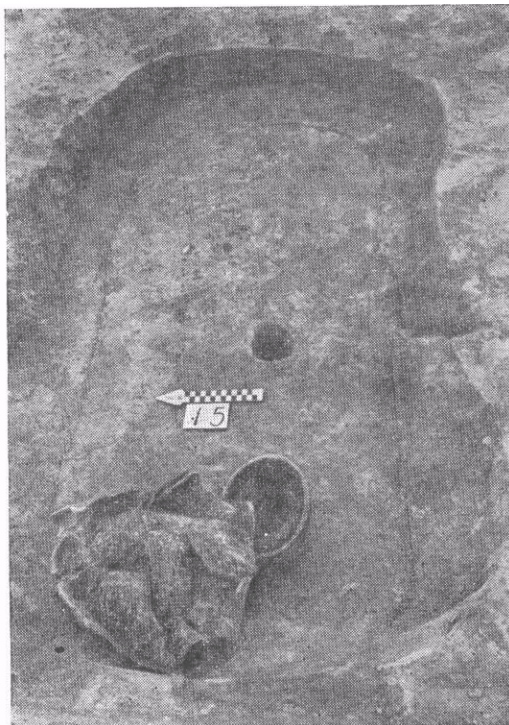

Рис. 41. Яма надмогильного столба в погребении Пироговского могильника.

Большая часть могильников (26) находится на высоких берегах и только немногие — в низинах и поймах. Это вполне соответствует топографии ранних поселений зарубинцев, расположенных, как правило, на мысах.

При изучении погребального обряда зарубинецкого населения встречаются определенные трудности, вызванные недостаточной исследованностью могильников, а также неполноценностью некоторых из них. Такие могильники дают больше сведений о керамическом производстве, ювелирном ремесле, животноводстве, времени существования самой зарубинецкой культуры, чем об обряде. Напомним, что на Среднем Приднепровье нет пока ни одного могильника, раскопанного полностью.

Все сказанное следует иметь в виду при характеристике зарубинецкого погребального обряда на Среднем Приднепровье.

Так же, как и при выборе мест для поселений, зарубинцы руководствовались определенными соображениями при выборе мест для своих некрополей. Видимо, размещение могильников

представляло собой часть погребального ритуала, которому придавалось большое значение. Такой вывод можно сделать, изучая расположение могильников: они иногда находятся на значительном расстоянии от мысовых поселений в труднодоступных местах. Местность, выбиравшаяся для некрополя, по своим особенностям совпадает с местностью, где создавались поселения. Корчеватовский и Пироговский могильники занимали, например, мысовые отроги высокого правобережного плато, огражденные с севера и юга оврагами, с востока — крутым берегом поймы Днепра. В таких же условиях находились Корчеватовское и Пироговское поселения: первое — на Лысой горе, на высоком холме близ устья р. Лыбеди, второе — на холме, омываемом с севера р. Хотовкой. Расстояние между этими поселениями и их могильниками превышает 1 км, но, по-видимому, с этим не посчитались древние обитатели Лысой и Пироговской гор: для могильников им нужны были холмы, сходные по внешнему виду с поселениями, а ближе холмов не было. В других местностях, более благоприятных в этих отношениях, могильники могли быть расположены ближе к поселениям. В Чаплине, например, расстояние между ними составляет всего 50 м. В настоящее время зарубинецкие могильники не имеют никаких внешних признаков. Они ничем не отличаются от окружающих полей, однако под тонким слоем грунта такого поля нередко расположены многочисленные погребения.

Поэтому зарубинецкие некрополи с полным основанием носят наименование полей погребений.

В древности могильники выглядели иначе. Над каждым погребением стоял отличительный знак — сооружение из дерева и, вероятно, земли. На существование таких надмогильных знаков указывает тот факт, что погребения, за редчайшими, буквально единичными исключениями, не нарушили друг друга, — следовательно, люди знали, где похоронены их сородичи. Есть еще одно объективное свидетельство существования надмогильных сооружений: в некоторых погребениях Пироговского могильника (№ 15, 17, 23) при раскопках были замечены ямки от столба (рис. 41). Подобные наблюдения были сделаны во время раскопок припятских и верхнеднепровских могильников, в связи с чем Ю. В. Кухаренко полагает, что над могилами существовали сооружения типа полесских «нарубей» (Кухаренко, 1964, стр. 13).

Могильные ямы. Погребения совершались в неглубоких ямах, обычно в верхней части материкового слоя. Поскольку материк в разных местностях покрыт грунтом различной мощности, то и глубина погребений варьирует от 20 см до 1 ж от современной поверхности. Так, в Корчеватом могилы расположены на глубине 0,35—0,93 м, в Пироговском могильнике, где пахотный слой менее мощный, они находились на глубине 0,20—0,86 м, в Суботове—0,3—0,45 м, в самих Зарубинцах — 0,6—0,75 м. На тех же глубинах выявлены погребения и в других областях распространения зарубинецкой культуры: припятской — 0,6—0,8 м и верхнеднепровской — 0,4—0,6 м (Кухаренко, 1964, стр. 13).

Расстояния между могилами неодинаковы — от 0,5 до 10 м (Пирогов) или даже 15 м (Корчеватое). На площади могильника погребения располагаются неравномерно, группами различной величины.

Форму и размеры погребальных ям удавалось зафиксировать редко, поскольку верхняя часть суглинистого материкового слоя на Среднем Приднепровье часто темного цвета и заполнение могил не отличается от окружающей почвы. Но бывали и исключения. Определению размеров ям во многом помогало само расположение погребального инвентаря и костей.

На основании этих данных было установлено, что ямы чаще всего имеют удлиненные очертания, прямоугольную или овальную в плане форму. Длина таких ям достигает 2 м, но чаще всего составляет 1,2—1,4 м. Ширина, как правило, равняется 0,6—0,7 м, иногда до 1 м. Эти ямы характерны для неурновых трупосожжений и трупоположений.

Кроме удлиненных, отмечены ямы округлой формы, диаметром 0,5—1,0 м (Корчеватое, Пирогов, Суботов, Зарубинны), и квадратные (Зарубинцы, Корчеватое) таких же размеров. Они предназначались в основном для урновых трупосожжений.

Дно ям ровное. В длинных ямах иногда в нем делалось одно или несколько небольших углублений, предназначенных для пережженных костей умершего. Особенно часты такие могилы в Пирогове.

Ориентированы удлиненные могилы по отношению к сторонам света, главным образом, по линии восток — запад (Корчеватовский, Пироговский, Хатыновский могильники). В Чаплине (на Верхнем Днепре) ориентировка иная — с северо-запада на юго-восток. Различия в ориентировке объясняются тем, что в зарубинецком погребальном обряде главную роль играли не стороны света и не месторасположения поселения, а направление русла реки, на берегах которой

находился могильник. Ориентация могил зависела также от района зарубинецкой культуры: на Среднем Приднепровье они перпендикулярны руслу реки, на Припяти и в Верхнем Приднепровье расположены параллельно береговой кромке. Отклонений от этого правила почти не наблюдается.

По особенностям самого захоронения погребения можно разделить на пять типов: 1) трупосожжения с захоронением останков умершего — пережженных

Таблица 7

Соотношение типов погребений по отдельным могильникам
(в скобках указаны проценты)

Название могильника	Количество погребений	Трупосожжения			Трупоположения	Кенотафы	Неустановленные
		ямные	урновые	смешанные			
Хатяновка	6	6 (100)					
Корчеватое	102	52 (50, 1)	30 (29, 9)	2 (2)	13 (13)	5 (5)	
Пирогов, раскопки 1966 г.	49	37 (75, 0)	6 (12, 5)	1 (2, 1)	3 (6, 2)	1 (2, 1)	1 (2, 1)
Зарубинцы	3	1 (33, 3)	1 (33, 3)	1 (33, 3)			
Суботов	9		9 (100)				
Всего:	169	94 (56, 4)	46 (27, 4)	4 (2, 4)	16 (9, 6)	6 (3, 6)	1 (0, 6)

(кальцинированных) костей — на дне ямы; 2) трупосожжение с захоронением кальцинированных костей в сосудах (урнах); 3) трупосожжение смешанного типа, когда кальцинированные кости помещались на дне могильной ямы и в урне; 4) трупоположение; 5) кенотафы, то есть могилы без останков погребенного.

Все трупосожжения производились на стороне, недалеко от приготовленной могильной ямы, возможно, на окраине могильника.

В количественном отношении преобладают погребения с трупосожжением. По материалам Корчеватовского могильника они составляют 82%, в раскопанной части Пирогова их еще больше — 86%. В свою очередь, среди трупосожжений таких могильников, как Корчеватовский и Пироговский, ямные погребения решительно преобладают над урновыми, в то время как для южного Суботова свойственны, как будто, только урновые трупосожжения. Все эти особенности отчетливо видны на прилагаемой таблице (табл. 7).

Создается впечатление, что для северных среднеднепровских могильников характерны ямные неурновые трупосожжения, а для южных — урновые. Это предположение выглядит тем более правдоподобно, если учесть, что для северной зарубинецкой области (Верхнее Приднепровье), единственным погребальным обрядом являются ямные трупосожжения (Чаплин), а для южных могильников известны только урновые. На Среднем Приднепровье, расположенном между этими территориями, отражается его местоположение в наличии как ямного, так и урнового трупосожжения.

Трупосожжения смешанного типа в Корчеватовском (№ 11, 43) и Пироговском могильниках (№ 9) встретились в незначительном количестве. В этих могилах пережженные кости находились в сосуде (горшке или миске) и возле него.

Подобные погребения известны в Чаплине (2) и Полесье (Велемичи — 1, Воронино — 1). Этот тип погребения не основной и производит впечатление переходного.

Количество кальцинированных (пережженных) костей в могилах невелико, иногда их всего несколько штук, но таких погребений мало. Значительно больше погребений, в которых костей по несколько десятков. Обнаружены также единичные погребения, где костей было много — более ста.

Во время захоронения пережженные кости старались помещать в определенном порядке: в ямных трупосожжениях Пирогова было замечено, что кости конечностей лежат отдельно, а кости черепа — поверх других костей.

В могилу кости клались очищенными от золы и угля погребального костра. Исключения редки, это два погребения Пирогова (№ 22 и 26), в которых вместе с костями обнаружены куски обуглившихся поленьев. Их взяли с погребального костра еще горевшими, и они некоторое время продолжали гореть в могилах, о чем свидетельствует обожженность грунта.

Необходимо подчеркнуть различие между этими пироговскими погребениями и погребениями Полесья и Верхнего Приднепровья, в которых остатки погребального костра перемешаны с обломками костей и разбросаны по всей яме. Наблюдаются различия в форме ям, их глубине и в составе инвентаря: у северных погребений округлые в плане ямы и поздний инвентарь. Среднеднепровские зарубинецкие трупосожжения с остатками погребального костра принадлежат к числу наиболее ранних, указывая на связь с предшествующей эпохой, а северные — к самым поздним, относящимся к последующей эпохе.

В последние годы такие погребения были обнаружены на Среднем Приднепровье, в нескольких пунктах днепровской поймы севернее и южнее Киева. Исследователи датируют эти трупосожжения II—IV вв. н. э. (Даниленко, Дудкин, Круц, 1967, стр. 212; Максимов, 1971).

Захоронения, близкие им по обряду, известны в некоторых северных могильниках черняховской культуры. Их истоки Н. М. Кравченко видит в пшеворских памятниках (Кравченко, 1070).

Ямные трупосожжения. В ямных погребениях кальцинированные кости и погребальный инвентарь располагались в строго определенных местах. На Среднем Приднепровье останки умершего помещены в восточной части могилы, а западную ее часть занимал погребальный инвентарь. Это особенно четко удалось проследить при раскопках Пироговского могильника в 1966 г., где из 37 ямных погребений такое расположение было отмечено в 36 могилах. На Припяти кальцинированные кости лежали не в восточной, а в западной части могилы; на Верхнем Днепре (в Чаплине) они занимали юго-восточную часть погребения. Как уже отмечалось, в этих двух районах зарубинецкой культуры могильные ямы ориентированы не перпендикулярно к береговой кромке, а параллельно ей.

Такая устойчивая традиция свидетельствует о важности этой детали в погребальном обряде. Вероятно, она указывает на какие-то этнографические различия в зарубинецкой этнокультурной области.

Набор погребального инвентаря небогат и однообразен. В нем отражается социальная и экономическая структура зарубинецкого общества. Основную массу погребального инвентаря составляют сосуды. Встречаются предметы личного убора и украшения, но их значительно меньше. Еще реже в могилах находят орудия труда и совсем редко, в виде исключения, оружие. Если учесть при этом,

что перечисленные предметы в полном ассортименте почти не известны, то тогда представление об инвентаре зарубинецких погребений будет еще более определенным.

Наиболее типичный состав предметов, выявленных в могилах Среднего Приднепровья, представляют собой набор, состоящий из горшка, миски и кружки. В Корчеватовском могильнике подобный набор был обнаружен в 14 погребениях, в Пирогове — в 16. По два сосуда найдено в 13 могилах Корчеватого, 9 могилах Пирогова и в 3 погребениях Хатыновки. Остальные ямные захоронения сопровождалось одним сосудом, а в восьми могилах Корчеватого и в двух Пирогова керамики вовсе не было. Возможно, что она просто не дошла до нас. Ее могли уничтожить при многократной распашке территории могильников.

В западную часть могилы клали также части туш домашних животных — свиньи, овцы и коровы.

Такой погребальный обычай на зарубинецком Среднем Приднепровье был достаточно широко распространен: в Пирогове погребения с костями домашних животных составляют 45% всех ям захоронений, в Корчеватом — 46%.

Однако в других областях зарубинецкой культуры сопровождение захоронения тушей убитого животного не являлось ритуальной нормой: на территории Припяти и Верхнего Приднепровья отмечены единичные погребения с костями животных (Кухаренко, 1964, стр. 47, табл. XVII). Мы думаем, что указанная черта погребального обряда является особенностью Среднеднепровской зарубинецкой культуры, идущей от более древней местной традиции скифского времени.

Кроме упомянутых предметов, в ямных могилах Среднего Приднепровья найдены бронзовые и железные фибулы, бронзовые браслеты, кольца и подвески, железные ножи и наконечник копья, каменный пест, стеклянные бусины. Таких могил в Корчеватом оказалось 17 (из 52), в Пирогове 12 (из 37), то есть приблизительно $\frac{1}{3}$, в том числе 13 (Корчеватое) и 9 (Пирогов) погребений с фибулами. Обычное местоположение фибул — в верхней части кальцинированных костей, нередко на костях черепа.

Урновые трупосожжения. Погребальные ямы небольших размеров, в пределах до 1 м, что видно на примерах погребений № 2 Зарубинецкого и № 10 Пироговского могильников. Форма ям круглая или квадратная.

Сосуд с останками сожженного находился в центре ямы, сопровождающие предметы — в непосредственной близости от урны. Материалы Корчеватовского и Пироговского могильников свидетельствуют о том, что в сравнении с ямными урновые могилы содержат обычно меньшее количество погребального инвентаря (Самойловский, 1959, стр. 66).

В качестве урн использовались обычные бытовые сосуды, чаще всего горшки (Корчеватое, Пирогов, Суботов), причем наряду с лощеными часто употребляли простые, кухонные горшки, предназначавшиеся в быту для приготовления пищи. Таких урн в Корчеватом оказалось 26 (из 33), а в Пирогове — 2 (из 6). Кроме горшков, урнами служили кувшины (Суботов).

Горшки-урны обычно представляют собой сосуды крупных размеров, например чернолощенная урна из погребения № 6 Пироговского могильника (высота 38 см, диаметр 35 см) или урны простой работы из погребений № 51 и 53 Корчеватого (высота 53 и 44 см). Сверху урны ничем не покрыты. Исключение составляют погребение № 3 Корчеватовского могильника, в котором урна была накрыта днищем другого горшка, и погребения № 1 и 3 Суботова. Эти погребения

имеют аналогии в припятском погребении № 35 из Велемичей и в более ранних лужицкой и поморской культурах. Очевидно, три среднеднепровские урны с крышками представляют собой реминисценцию погребальных обрядов предков зарубинецкой культуры.

Кальцинированные кости урновых погребений очищены от остатков погребального костра, не отличаясь этим от ямных погребений. Подобно ямным, среди них встречаются единичные могилы с отчетливо заметными следами костра. Таково погребение № 28 Корчеватовского могильника. Видимо, это признак связи с ранним временем подобных захоронений, что в данном случае подтверждается как составом инвентаря (урна с подковками), так и топографией (могила расположена на южной окраине некрополя, подобно ранним погребениям Пирогова).

Труположения. Зарубинецкие труположения очень специфичны: их значительно меньше, чем трупосожжений; погребальный инвентарь очень беден или вовсе отсутствует; положение на площади могильников стабильное — на окраинах некрополя.

По особенностям обряда их можно разделить на два вида: целые труположения и захоронения отдельных черепов.

Уже при исследовании Корчеватовского могильника (Самойловский, 1959, стр. 68), а также могильников черняховской культуры были высказаны предположения о том, что найденные в могилах отдельные черепа являются остатками когда-то целых скелетов. По мнению В. П. Петрова, такая метаморфоза возможна, прежде всего, с детскими погребениями, тонкие кости которых содержат немного минерального, противостоящего тлению, вещества (Петров, 1964, стр. 71). Все Черняховские труположения этого типа принадлежат к числу детских.

С другой стороны, хорошо известен свойственный кельтам — носителям латенской культуры — культ головы, в соответствии с которым исследователи отмечают в зоне распространения латенских памятников наличие погребений отдельных черепов (Погребова, 1958, стр. 268).

Поскольку в Корчеватовском могильнике более половины черепов (4 из 7) таких погребений принадлежали детям (№ 9, 75, 78, 85) и эти могилы располагались, как правило, там же, где и обычные труположения (№ 75 — возле труположений 77 и 87; № 78 — возле труположений 80 и 86; № 85 — возле труположения 81), то, вероятно, имеются основания думать, что погребения черепов представляют собой обычные труположения детей и подростков, в которых более мелкие кости скелета не сохранились.

С обычными труположениями погребения черепов сближает также крайне бедный состав погребального инвентаря: из семи таких погребений Корчеватового только в двух были обнаружены глиняные сосуды; из шести полных труположений этого же могильника четыре оказались безынвентарными, и только в двух (№ 80 и 87) были найдены железные фибулы.

Труположения и погребения черепов совершены на такой же незначительной глубине, что и трупосожжения. Устройство и ориентация могильных ям те же, что и трупосожжений многого типа — восток — запад. Эти черты морфологически сближают труположения с зарубинецкими трупосожжениями, указывая на их хронологическую и культурно-этнографическую общность.

Если погребальный инвентарь в труположениях Корчеватовского могильника очень беден, то в труположениях Пирогова его нет вовсе. Однако их явная аналогия с труположениями Корчеватовского могильника (топография,

ориентация, глубина и положение скелетов) дает основания предполагать, что» они одновременны и идентичны корчеватовским.

Наличие биритуальности в зарубинецком погребальном обряде следует рассматривать как отражение этногенетического процесса в Среднем Приднестровье, происходившего здесь в раннем железном веке на протяжении длительного периода, от скифской до черняховской эпохи. Сходство трупоположений Корчеватовского и Пироговского могильников с погребениями приднепровских, могильников позднескифского времени IV—III вв. до н. э. — Бобрицкого, Синявского, Берестнягинского и др., где захоронения совершались в таких же, как зарубинецкие, неглубоких ямах, где умершие лежали на спине, с вытянутыми: конечностями, головой на запад, наконец, совпадение краниологических особенностей — позволяют видеть в них остатки древнего этнического субстрата.

Аналогии среднеднепровским трупоположениям известны среди зарубинецких памятников Припяти. Это захоронения черепов: три на могильнике Велемичи I и одно в Велемичах II. По составу инвентаря названные могилы богаче среднеднепровских; кроме глиняных сосудов, в них найдены бронзовые кольца, спирали, бусы, фибула, нож и наконечник копья (Кухаренко, 1961, стр. 33—42). Интерес этих захоронений состоит в том, что их инвентарь убедительнее, чем на Среднем Приднестровье, подтверждает время и зарубинецкую культурную принадлежность трупоположений, иногда встречаемых на могильниках зарубинецкой культуры.

Кенотафы представляют собой могилы, содержащие только инвентарь, но без останков погребенного. Они известны в Корчеватовском могильнике (не менее пяти), в Пирогове (одна), в могильниках Припяти и Верхнего Приднестровья. Везде количество их невелико. По устройству и глубине могильной ямы, по составу инвентаря и расположению на территории могильника кенотафы ничем не отличаются от обычных погребений с трупосожжением.

В связи с этим возникает вопрос, не являются ли кенотафы обычными погребениями, кальцинированные кости которых просто не сохранились? Однако пустые могилы, специально сооружаемые в память об умершем и похороненном н» чужбине, известны с глубокой древности у многих народов. Кроме того, в корчеватовских кенотафах встречены кости домашних животных, и это обстоятельство» снимает предположение о том, что в подобных могилах когда-либо были кости умершего. Зарубинецкие кенотафы являются могилами мемориального характера.

Топография погребений. Размещение зарубинецких погребений (ямных и урновых трупосожжений, трупоположений и кенотафов) отражает определенные закономерности, обусловленные как ритуальными, так и связанными в какой-то» мере с ними хронологическими особенностями.

При выяснении этого вопроса ценные сведения дают материалы Корчеватовского и Пироговского могильников, где установлено, что ямные (наиболее распространенные) погребения располагаются равномерно по всей площади. Это» обстоятельство указывает на функционирование ямного обряда на протяжении всего времени существования этих некрополей.

Присутствие в некоторых ямных погребениях фибул может способствовать хронологической дифференциации территории могильников, датируя их части более ранним или поздним временем. Так, в Пирогове более ранние ямные погребения, возраст которых определяется фибулами среднелатенской схемы (№ 14,

15, 16, 19, 24, 26, 29, 38), локализуются в южной и центральной частях. В погребении № 39 выявлена позднелатенская фибула. Могила располагалась в северной части некрополя, которая осваивалась, по-видимому, в более позднее время.

Ямные погребения с остатками погребального костра мы считаем одними и* наиболее ранних на Пироговском могильнике. На их ранний возраст указывают специфические особенности погребального ритуала — положение в могилу горящих поленьев, — что находит аналогии в предшествующих исторических эпохах. Далее, наиболее ранняя из всех известных зарубинецких фибул Среднего Приднепровья была обнаружена в одном из таких погребений (№ 26) вместе с миской скифоидного типа.

Погребения с остатками костра также располагались в центральной и южной; частях раскопанной площади могильника.

Урновые погребения не только отличаются от ямных некоторыми чертами погребального обряда. Присутствие в них керамики, типологически близкой позднескифской (кухонный горшок погребения № 13, чернолощенная урна погребения № 6), по-видимому, указывают на их принадлежность раннезарубинецкому времени. Расположение этих захоронений в южной половине могильника, на ранний возраст которой указывают различные факты, не противоречит высказанному предположению.

Итак, ямные погребения с фибулами, могилы с остатками костра, урновые захоронения свидетельствуют о том, что южная половина Пироговского могильника была наиболее ранней.

Согласно материалам, собранным на Припяти и Верхнем Днепре Ю. В. Кухаренко, погребения раннего периода, располагаясь по всей площади могильника, концентрируются в его центральной части (Кухаренко, 1964, стр. 57). Эта закономерность, судя по данным Пироговского могильника, очевидно, распространялась и на памятники Среднего Приднепровья.

ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Определение времени существования, выяснение генетических корней зарубинецкой археологической культуры и установление этнической принадлежности ее носителей представляют собой важнейшие стороны зарубинецкой проблемы.

Именно эти ее стороны способствуют воссозданию фактов конкретной истории древнего населения, жившего на Среднем Приднепровье и сопредельных территориях на рубеже нашей эры, когда впервые становятся известными славянские племена, превратившиеся затем, начиная с раннего средневековья, в одну из ведущих европейских этнических и политических сил.

Сказанное объясняет, почему почти каждый исследователь, касавшийся зарубинецкой проблемы, не мог обойти этих важных ее сторон.

В начале книги мы уже рассматривали обширную научную литературу, посвященную хронологии, происхождению и этносу зарубинецкой культуры. Однако отметим еще раз, что в высказываниях ученых имеется много разногласий, которые, с нашей точки зрения, возникли, прежде всего, вследствие малой изученности археологических источников, что отчетливо видно при рассмотрении зарубинецкой хронологии (Максимов, 1971).

Хронология. Существующие разногласия в хронологии возникли в результате недостаточной четкости в датировках фибул, до недавнего времени единственной группы вещей, по которым определялось время бытования зарубинецких памятников.

Известно, что датировка фибул зарубинецкого времени несколько раз пересматривалась, что было вызвано пересмотром хронологии самой латенской культуры, органической принадлежностью которой являются фибулы. Однако новейшие хронологические схемы разных ученых не совпадают друг с другом и с построениями старых исследователей.

Особенно значительными остаются расхождения в определении среднего и позднего этапов латена (табл. 8). Это обстоятельство является тем более серьезным, что со средним и поздним этапами латенской культуры совпадает существование зарубинецких памятников.

В последние годы советские исследователи Ю. В. Кухаренко, Д. А. Мачинский и А. К. Амброз (Кухаренко, 1964, стр. 54; Мачинский, 1963, стр. 20—28; Амброз, 1966, стр. 92) пересмотрели датировки фибул зарубинецких памятников. Они взяли за основу хронологическую схему Я. Филипа (J. Filip, 1956), по мнению которого среднелатенский период в Центральной Европе начался лишь в конце II в. до н. э., то есть значительно позднее, чем считают другие исследователи.

Руководствуясь этой схемой, наши исследователи предположили, что зарубинецкие фибулы, созданные по среднеевропейским образцам, появились лишь в конце II—I вв. до н. э., и поэтому зарубинецкая культура не могла возникнуть раньше.

С таким мнением согласиться нельзя.

Во-первых, фибулы местного производства, найденные на зарубинецких могильниках, могли и не оказаться в более ранних погребениях. Такими, на-

Таблица 8
Хронология среднего и позднего этапов латенской культуры по данным европейских исследователей

Исследователи	Средний латен (года до нашей эры)	Поздний латен (года до нашей эры)
О. Тншлер	300—100	100—0
П. Рейнке	300—100	100—0
И. Видмер-Штерн	250—200	200—50
Д. Вюлье	325—250	250—50
Я. Филип	125—50	50—х
К. А. Моберг		75—х
Р. Хахманн		120 — начало нашей эры

пример, являются некоторые бесфибульные погребения Корчеватовского могильника (№ 14—25, 29, 31, 42, 93, 94), располагавшиеся в центральной его части, инвентарь которых (лепная амфора эллинистического типа из № 73, подгорцевский горшок из № 93) относится к числу наиболее ранних.

Подобная закономерность отмечается и в Пироговском могильнике, где бесфибульные погребения (№ 17, 18, 21, 22, 23, 31, 36, 37, 49, 50), окруженные погребениями с наиболее ранними фибулами, располагались в центре, и в припятском могильнике Велемичи I (Кухаренко, 1964, стр. 55—57).

Во-вторых, даты, предложенные Я. Филипом, не являются общепринятыми, о чем свидетельствуют работы К. А. Моберга и Р. Хахманна по позднему латену, согласно которым этот этап выглядит старше (С. А. Moberg, 1952, стр. 1—29; R. Nachmann, 1960, стр. 258).

И, наконец, в-третьих, нельзя вовсе исключать иные, кроме западноевропейской, территории раннего распространения среднелатенских фибул, которые могли послужить прототипами для зарубинецких. Одной из таких территорий могло быть античное Северное Причерноморье, в частности Ольвия, где фибулы среднелатенской конструкции являются частыми находками (Фурманська, 1953).

Однако северопричерноморские фибулы не могли служить образцами для фибул зарубинецкой культуры, поскольку они более поздние (Д. А. Мачинский) или же типологически иные (А. К. Амброз). Предположение А. К. Амброза не может быть принято, поскольку «причерноморские гладкие фибулы соединенной конструкции принадлежат к той же группе, что и среднеднепровские» (Мачинский, 1963, стр. 23).

Нам представляется, что Д. А. Мачинский был неправ, когда, пересмотрев комплекс ольвийского погребения № 10 за 1903 г., пытался омолодить причерноморские среднелатенские фибулы.

Напомним, что в погребении № 10 за 1903 г. были найдены: бронзовая фибула, золотая серьга с подвеской в виде палицы Геракла, острореберный лагинос, краснолаковая чашечка, бронзовая фигурка Эрота, костяные и стеклянные подвески, глазчатые бусины, три бронзовых наконечника стрел (ИАК, вып. 13, стр. 154).

Все эти предметы относятся к эллинистическому времени IV—II вв. до н. э., не выходя за пределы второй половины—третьей четверти II в. до н. э. Об этом свидетельствует твердо установленная дата бронзовой крылатой фигурки Эрота, аналогия которой имеется в Артноховском кургане этого времени (Максимова, 1960).

Некоторые особенности среднелатенской фибулы, найденной в погребении № 10, также указывают на ее ранний возраст. Поскольку фибула хорошо сохранилась, имеются все основания утверждать, что ее ножка конструктивно не соединялась со спинкой, как это обычно бывает у среднелатенских фибул скрепленной конструкции. Эта особенность сближает ольвийскую фибулу с фибулами раннелатенской схемы, тем самым свидетельствуя о возможности датировать ее временем начала среднего латена.

На II в. до н. э., как период распространения в Северном Причерноморье фибул среднелатенского типа, указывают и другие погребальные комплексы этой территории — курган № 51 возле хутора Марицыно, ольвийское погребение № 95 1901 г. Найденные здесь амфоры не дают оснований для омолаживания этих памятников и отнесения их за пределы II в. до н. э. (Максимова, 1969а).

Распространению фибул на указанной территории способствовало передвижение кельтского племени галатов; последние, согласно сведениям, содержащимся в эпиграфических памятниках, на рубеже III—II вв. до н. э. жили в окрестностях Ольвии (IOSPE, I², стр. 55).

Такая историческая обстановка в Северном Причерноморье дает возможность предполагать, что причерноморские фибулы могли стать известными зарубинецкому населению еще на рубеже III—II вв. до н. э., поскольку в это время оно уже поддерживало тесные торговые отношения с ольвийской периферией, о чем свидетельствует амфорный материал, выявленный на Среднем Приднепровье. Следовательно, местные фибулы могли изготавливаться и по причерноморским образцам.

Подобное предположение является гипотезой. Местные зарубинецкие фибулы могли делать и не по северопричерноморским, а по среднеевропейским образцам. Однако последнее предположение не менее гипотетично, чем первое, поскольку мы не можем указать пути продвижения среднеевропейских фибул в область Среднего Приднепровья, тогда как путь южных фибул сюда нам известен.

Если к этим соображениям прибавить высказанное выше о несогласованности датировок среднеевропейских фибул, то время их проникновения на зарубинецкую территорию нельзя назвать с такой точностью, как это делают некоторые наши исследователи.

Мы считаем, что к попыткам абсолютизировать время появления и функционирования фибул, найденных на зарубинецких могильниках, следует относиться с осторожностью. Как нельзя более уместными представляются здесь слова самого Я. Филипа о том, что «можно иногда определить точно время производства фибул, но нельзя точно определить продолжительность их бытования и время положения в могилу» (J. Filip, 1956, стр. 472).

Тем не менее датирующие возможности фибул отрицать нельзя. К тому же для зарубинецких могильников фибулы выступают в качестве единственного хронологического эталона. Необходимо, привлекая их к датировке памятников, иметь в виду, что они не могут пока указывать слишком дробные периоды (в пределах нескольких десятилетий) и что часть из них, а именно фибулы

Номера погребений, типы и номера фибул	II в. до н.э.	I в. до н.э.	I в. н.э.
№ 12. Гладкая проволочная, № 112			
№ 37. Такая же, № 121			
№ 64. Такая же, № 258			
№ 69. Такая же, № 280			
№ 13. Зарубинецкая, I варианта, № 113			
№ 34. Такая же, № 120			
№ 59. Зарубинецкая, II варианта, № 259			
№ 11. Зарубинецкая, III варианта, № 111			
№ 60. Такие же, № 261, 262			
№ 74. Такая же, № 260			
№ 36. Зарубинецкая, IV варианта, № 119			
№ 39. Такие же, № 253, 254			
№ 51. Такие же, № 264, 265			

Рис. 42. Хронология Корчеватовского могильника по фибулам.

среднелатенской конструкции, в результате использования схемы Я. Филипа, могли быть омоложены в пределах от четверти до трех четвертей столетия.

Учитывая сказанное, рассмотрим хронологию трех могильников Среднего Приднепровья, в погребениях которых были выявлены фибулы, а именно: Корчеватовского, Пироговского и Суботовского.

Из 23 фибул, найденных в Корчеватовском могильнике (Самойловский, 1959, табл. VIII и IX), оказалось возможным определить время 16 фибул, обнаруженных в 13 погребениях (в трех погребениях было по две однотипные фибулы, обломок фибулы № 118 не диагностичен, остальные шесть фибул не опубликованы).

Из этих фибул наиболее ранними являются четыре, найденные в погребениях № 12, 37, 64, 69 (рис. 42). Все они — среднелатенской конструкции, с гладкой

проволочной спинкой и ножкой. Ю. В. Кухаренко датирует их концом II—I вв. до н. э. (Кухаренко, 1964, стр. 49—51). По мнению А. К. Амброза, эти фибулы моложе*, их дата — I в. до н. э. (Амброз, 1966, стр. 19—20).

К этим наиболее ранним корчеватовским фибулам примыкают фибулы из погребений № 13 и 34, относящиеся к первой половине I в. до н. э. (первый вариант фибул зарубинецкого типа).

Номера погребений типы фибул	II в. до н.э.	I в. до н.э.	I в. н.э.
№26. Среднелатенская, расчлененная		■	
№14. Зарубинецкая, III вариант			■
№15. Такие же, 2 шт.			■
№16. Такие же, 2 шт.			■
№19. Такая же			■
№24. Такая же			■
№29. Такая же			■
№38. Такая же			■
№39. Позднелатенская, со сплошным приемником			■

Рис. 43. Хронология Пироговского могильника по фибулам.

В погребении № 59 была найдена зарубинецкая фибула второго варианта, время которой — вторая половина I в. до н. э.

Четыре фибулы из погребений № 11, 60 и 74 относятся к третьему варианту зарубинецких фибул. А. К. Амброз датирует их последней третью I в. до н. э. — началом I в. н. э.

Наконец, пять фибул из погребений № 36, 39, 51 относятся к I в. н. э., составляя четвертый вариант зарубинецких фибул.

Следовательно, Корчеватовский могильник, согласно рассмотренным фибулам, продатированным по схеме А. К. Амброза, относится к I в. до н. э. — I в. н. э. (по Ю. В. Кухаренко, его нижнюю дату можно считать несколько более ранней — с конца II в. до н. э.).

Во время раскопок Пироговского могильника в 1966 г. в девяти погребениях было выявлено II фибул. (Кубышев и Максимов, 1969). Из них наиболее ранней является проволочная фибула из погребения № 26 с восьмеркообразной спинкой, аналогии которой в Европе появились в середине II в. до н. э. Подобная фи-

* Ниже датировка фибул дается только по А. К. Амброзу, у которого среднелатенские фибулы наиболее омоложены, что, по нашему мнению, отчетливо показывает условность этих дат и их значительное расхождение с датами античной керамики.

була встречена и в более позднем комплексе (погребение № 25 у с. Воронино), куда она попала, возможно, вторично (Амброз, 1966, стр. 14). В Пироговском могильнике обряд и инвентарь погребения № 26 относятся к числу наиболее ранних. Поэтому датировка могилы последней третью II в. до н. э. — I в. до н. э. вполне правдоподобна (рис. 43).

В других семи погребениях (№ 14, 15, 16, 19, 24, 29, 38) выявлены фибулы третьего варианта зарубинецкого типа (по А. К. Амброзу), время которых определяется последней третью I в. до н. э. — началом I в. н. э.

Номера погребений наименование предметов	II в. до н.э.	I в. до н.э.	I в. н.э.
№1 Бронзовая ситула			
№3 Фибула причерноморского типа			
№3 Бронзовый поясной крючок			
№3 Бронзовая серьга			
№3 Бронзовый колокольчик			
№4-7 Пастовый скарабей			
№8 Бронзовая серьга			

Рис. 44. Хронология погребений Суботовского могильника.

Наиболее поздней была фибула из погребения № 39 — позднелатенской схемы, со сплошным приемником. Подобные фибулы появляются также в последней трети I в. до н. э., но бытуют на протяжении всего I в. н. э.

Таким образом, исследованную в 1966 г. часть Пироговского могильника можно датировать по фибулам от последней трети II в. до н. э. по I в. н. э. В этом широком хронологическом диапазоне большая часть погребений датируется фибулами третьего варианта зарубинецкого типа — обстоятельство, указывающее, вероятно, на наиболее интенсивный период бытования могильника, приходящийся на последнюю треть I в. до н. э. — начало I в. н. э.

В материалах Суботовского могильника имеется лишь одна позднелатенская фибула причерноморского типа из погребения № 3. Время ее — I в. н. э. Так же датируются и многие другие предметы из суботовских погребений: бронзовые поясной крючок, серьга и колокольчик, пастовый египетский скарабей. Однако Суботовский могильник мог существовать и раньше, в I в. до н. э. (рис. 44), о чем свидетельствуют бронзовая серьга из погребения № 8, относящаяся к I в. до н. э., и бронзовая ситула из погребения № 1 I в. до н. э. — I в. н. э.

Важное значение для установления зарубинецкой хронологии имеют материалы поселений Среднего Приднепровья.

Хронологическим эталоном для поселений являются не фибулы, которых здесь нет или очень мало (они встречаются, как правило, в обломках, что затрудняет их типологизацию), а фрагменты посуды античного производства.

Подобные обломки обнаружены почти на всех поселениях, которые исследовались путем раскопок или шурфовки. На поселениях известны также закрытые комплексы — остатки жилищ и хозяйственных ям, среди материалов которых имеются и обломки амфор.

Датировка античной и амфорной керамики хорошо разработана отечественными и зарубежными учеными, поэтому привлечение античных материалов как важного источника для решения вопросов хронологии зарубинецкой культуры является необходимым.

На среднеднепровских поселениях встречаются обломки амфор и столовой посуды двух хронологических периодов — позднеэллинистического и раннеримского. Первый из них определяется временем III—I вв. до н. э., второй — I в. до н. э. — I в. н. э.

Раннеримский материал чаще встречается в южной половине Среднего Приднепровья, позднеэллинистический — в северной, последний также зафиксирован на большем количестве памятников (18 против 11).

Амфорный материал с поселений Среднего Приднепровья относится именно к зарубинецкой, а не к какой-либо иной эпохе, о чем свидетельствуют сопровождающие его находки простой и чернолощеной зарубинецкой керамики, железные и бронзовые изделия зарубинецкого типа и др., встречаемые иногда, как отмечалось, в закрытых комплексах.

Эта особенность дает основание считать большую часть зарубинецких среднеднепровских поселений исторически однослойными, поскольку их незарубинецкие материалы или значительно более ранние (эпоха меди — бронзы, чернолесское время), или более поздние (VI—VIII вв., Киевская Русь). И к тем, и к другим античный импорт позднеэллинистического — раннеримского времени не имеет никакого отношения.

Лишь на нескольких поселениях (Басовка, Завадовка, Таценки) встретились материалы скифской эпохи VI—IV вв. до н. э. Однако наличие здесь чернолощеной зарубинецкой керамики раннего типа позволило объединить именно с нею, а не со скифским материалом обнаруженные здесь амфорные обломки (Ильинская, 1961).

Особенно большое значение для зарубинецкой хронологии имеют античные материалы поселения Пилипенкова гора. Их здесь было найдено довольно много как при первых раскопках этого памятника, произведенных В. А. Богусевичем и Н. В. Линкою в 1948 г., так и во время наших раскопок 1966—1970 гг., когда на исследованной площади в 3000 м² было обнаружено более 2100 обломков амфор и среди них — 148 фрагментов ручек, венчиков и ножек, особенно важных для определения времени и места изготовления амфор. Большая часть этих находок приходится на жилища и хозяйственные ямы.

Позднеэллинистическое время на Пилипенковой горе представлено в основном обломками амфор с двустольными ручками. Черепок этих амфор розоватого цвета, поверхность покрыта светло-зеленой обмазкой. Такие же признаки имеют амфоры, производившиеся в III—I вв. до н. э. в мастерских о-ва Кос (Зеест, 1960, стр. 104).

Обнаружение довольно большого количества обломков косских амфор на Пилипенковой горе (на других среднеднепровских поселениях они также составляют большинство) объясняется широким распространением в эллинистическое время дешевого косского вина. Как свидетельствуют данные археологических рас-

копок Боспора, Ольвии, ее периферии и других центров, ввоз косского вина в Северное Причерноморье получил особый размах именно в конце III—II вв. до н. э., что отразилось на материалах зарубинецких поселений Среднего Приднепровья.

Среди обломков косских амфор наиболее важным является фрагмент венчика и двустольной ручки с хорошо сохранившимся клеймом, имеющим вид одно-

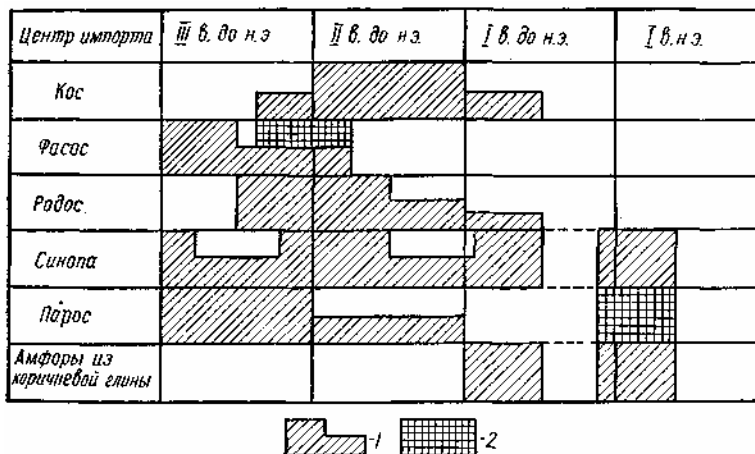

Рис. 45. Хронология поселения Пилипенкова гора:

1 — время и интенсивность поступления амфор в Северное Причерноморье (по И. Б. Зеест); 2 — крайние даты поступления амфор по зонам корреляции.

строчной греческой надписи ΑΠΟΛΛΑΔΟΣ. По определению Б. Н. Гракова, клеймо датируется 230—220 гг. до н. э. Обломок был найден в закрытом комплексе — яме-погребу № 32 жилища № 18.

В меньшем количестве на Пилипенковой горе встречены фрагменты позднеэллинистических амфор других известных античных винодельческих центров — Родоса, Фасоса, Пароса и Синоп. Однако эти фрагменты имеют важное значение: найденные в одних комплексах с косскими, они дают возможность сузить довольно широкие хронологические рамки косских амфор, обнаруженных на зарубинецких поселениях Среднего Приднепровья.

Как упоминалось, расцвет косского импорта относится ко второй половине III—II вв. до н. э. Однако косское вино, правда в меньшем количестве, поступало в Северное Причерноморье вплоть до первой половины I в. до н. э. Следовательно, неклеименные обломки косских амфор с Пилипенковой горы могут датироваться двухсотлетним отрезком времени — со второй половины III в. до н. э. по первую половину I в. до н. э.

На Пилипенковой горе эти обломки были обнаружены в нескольких закрытых комплексах (жилища № 2, 4, 6, 15, 18, 22, 34) вместе с фрагментами фасосских амфор, импорт которых в наше Причерноморье окончился в начале II в. до н. э. (Зеест, 1960, стр. 21).

Указанные находки на Пилипенковой горе позволяют нам утверждать, что косские амфоры попали сюда в тот промежуток времени, который соответствует

совпадению фасосского и косского импорта, то есть в период со второй половины III в. до н. э. по начало II в. до н. э. (рис. 45).

Это предположение подтвердилось найденным в 1968 г. обломком косской амфоры с клеймом 230—220 гг. до н. э.

Заключительный период существования поселения Пилипенкова гора относится к раннеримскому времени. В это время на поселение поступало вино в амфорах, черепок которых имеет коричневый цвет; глина с заметной примесью песка, а иногда и частиц черного цвета. Амфоры были с овальными в сечении или двустольными ручками, с тонкими, гладкими стенками и цилиндрической формы ножкой. Предположительное место производства этих амфор — Южное Причерноморье, время — I в. до н. э. — I в. н. э. (Зеест, 1960, стр. 108).

Время поступления раннеримского импорта на Пилипенкову гору может быть несколько сужено корреляцией совместных находок обломков амфор из коричневой глины с фрагментами синопских амфор (жилище № 7), которые поступали в Северное Причерноморье на протяжении всего эллинистического периода вплоть до начала I в. н. э. (Зеест, 1960, рис. 2). Если синопские амфоры попали на Пилипенкову гору именно в это время, тогда можно говорить о наиболее поздней дате поступления амфор из коричневой глины, которая будет соответствовать первой половине I в. н. э. Вероятно, этим временем следует ограничивать импорт античных товаров на территорию зарубинецкого Среднего Приднепровья.

Анализ амфорного материала Пилипенковой горы указывает на существование двух этапов в торговле античного мира с зарубинецкими племенами Среднего Приднепровья. Первый этап охватывает позднеэллинистическое время — с последней трети III в. до н. э. по первую половину I в. до н. э., о чем свидетельствует, главным образом, косский материал. После середины I в. до н. э. в торговле, возможно, наступил перерыв, длившийся несколько десятилетий (связанный с разрушением Ольвии и других античных центров в середине I в. до н. э. гетским царем Барбистой), на что указывают литературные (SC, стр. 173) и археологические источники.

С конца I в. до н. э., после восстановления Ольвии, которая была главным транзитным пунктом греческих товаров для Приднепровья, сюда начинают снова поступать товары античного производства. Это был второй этап в истории торговых связей античного Юга с Приднепровьем, который представлен раннеримскими материалами. Последний этап был более коротким, длившимся до середины I в. н. э. Он особенно хорошо прослеживается на материалах южных зарубинецких памятников, в частности Суботова (Максимов, 1960, стр. 37).

Итак, хронология зарубинецкой культуры Среднего Приднепровья может быть установлена по материалам Корчеватовского, Пироговского, Суботовского могильников и поселения Пилипенкова гора.

Наиболее ранней датой зарубинецких могильников будет последняя треть II в. до н. э., наиболее поздней — I в. н. э. (Пирогов).

Материалы Пилипенковой горы дают основание датировать это поселение временем от последней трети III в. до н. э. по середину I в. н. э.

Такое расхождение в хронологии могильников и поселений является искусственным. Оно вызвано завышением времени появления среднелатенских фибул, встречаемых в погребальных комплексах.

Если принять во внимание это обстоятельство и основываться на стабильных датировках античных материалов, встречаемых на поселениях, тогда расхожде-

ние в хронологии названных зарубинецких памятников Среднего Приднепровья исчезнет и, несомненно, синхронные могильники и поселения будут датироваться одним и тем же временем — последней третью III в. до н. э. — серединой I в. н. э. (рис. 46).

Нижняя дата зарубинецкой культуры примыкает, таким образом, к концу скифской эпохи на Среднем Приднепровье. Естественным поэтому представляются отдельные находки предметов скифского времени, встречаемые изредка на

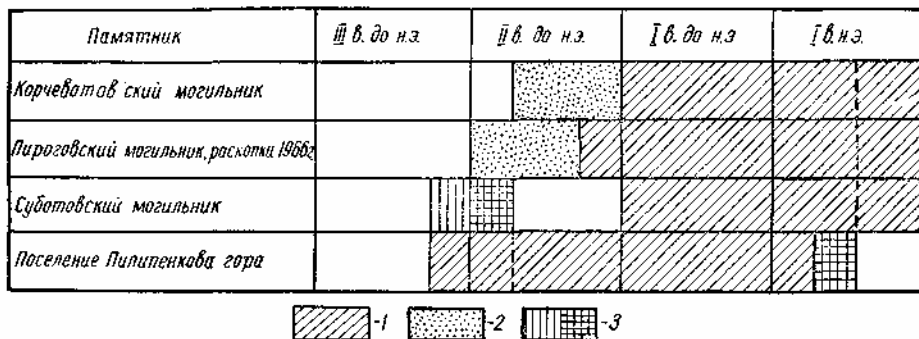

Рис. 46. Хронология зарубинецких памятников Среднего Приднепровья:

1 — датировка могильников (по фибулам); 2 — возможные ранние даты фибул; 3 — хронологические пределы датировочных предметов по зонам корреляции.

поселениях: в культурном слое, в жилищах, хозяйственных ямах и погребениях. Это бронзовые булавки с лировидной и посоховидной головками, бронзовые наконечники стрел позднескифских типов.

Что касается верхней даты зарубинецких памятников Среднего Приднепровья, то, вероятно, их исчезновение могло не совпасть с временем наиболее поздних, по-видимому, амфор, встреченных на поселениях; памятники могли существовать и позже, до конца I в. н. э.

Известно, что незадолго перед этим зарубинецкое население оставляет труднодоступные и укрепленные мысовые поселения. Одна часть населения переселяется в пойму, а другая покидает берега Днепра, уходя на новые земли, расположенные к северо-востоку (Десна), востоку (Трубеж) и западу (Южный Буг).

На Среднем Приднепровье в это время создается новая историческая обстановка, отраженная в различных по облику, пока еще недостаточно ясных, памятниках.

Вот некоторые из них. В пойме Днепра и его притоков известны фибулы и предметы II—III вв. н. э., встреченные в сопровождении чернолощенной керамики. Это — глазчатая фибула из Лютежа первой половины II в. н. э.; такая же фибула из Таценок и окрестностей Зарубинцев; в Рудьяках и Пасечном были обнаружены литые фибулы с высоким приемником паннонского типа II — начала III вв. н. э.; арбалетные фибулы конца II—III вв. н. э. найдены в Вишенках, Зарубинцах, Триполье, Ржищеве.

На этой территории в различных местах встречаются бронзовые предметы, украшенные цветной выемчатой эмалью, из которых наиболее богатой является находка в Салтановке (Ильинская и Тереножкин, 1955).

К концу II — началу III в. н. э. относятся отдельные экземпляры и клады римских серебряных динариев, обнаруженные на территории, расположенной севернее зоны распространения черняховской культуры. Таких пунктов на Среднем Приднепровье известно около 30, и ни один из них не является черняховским поселением или могильником. Наоборот, в большинстве местонахождений динариев были встречены обломки чернолощеной посуды (Киев-Печерск, Киев-Подол, Белгородка, Пирогов, Новые и Старые Безрадичи, Трахтемиров, Зарубинцы, Леплява, Пекари, Хмельна, Межирич, Сахновка, Михайловка и др.).

На этой же территории, то есть севернее зоны распространения черняховской культуры, обнаружены отдельные обломки черняховской гончарной посуды (Киев-Киселевка, Старокиевская гора, Лютеж, Малый Букрин), обломки стеклянных кубков (Лютеж). Наконец, здесь же расположены и памятники так называемого киевского типа. Их связь с зарубинецкими могильниками и поселениями весьма вероятна.

Очевидно, в конце I, во II—III вв. н. э. на Среднем Приднепровье, в пойме и на берегах рек существовало население, сохранявшее определенные черты классической зарубинецкой культуры, в жизни которого какую-то роль играли южные сарматские связи (фибулы паннонского типа) и северо-западные племена, где находились центры изготовления глазчатых фибул.

Эти пойменные поселения в большинстве своем не были долговременными. У нас нет возможности проследить их эволюцию. Возможно, они трансформируются в памятники киевского типа, с которыми их сближает топография, погребальный обряд, немногочисленность находок чернолощеной керамики и которые, вероятно, являлись одной из ветвей раннеславянского развития на Среднем Приднепровье в начале I тысячелетия н. э.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема происхождения зарубинецкой культуры привлекала к себе внимание ученых с момента открытия памятников этого типа. В настоящее время существует несколько точек зрения, подробно охарактеризованных нами в первой главе. Одна из них считает зарубинецкую культуру местной, представляющей собой дальнейший этап социально-экономического развития населения лесостепного Среднего Приднепровья. Согласно другой точке зрения, зарубинецкая культура не имеет корней в местных культурах раннего железного века. Она была создана пришельцами с северо-запада — поморскими племенами.

Мы полагаем, что и та, и другая концепции происхождения зарубинецкой культуры полностью не отражают объективной исторической действительности. Теория местного происхождения, например, не может удовлетворительно объяснить факт существования зарубинецких грунтовых могильников с погребальным обрядом трупосожжения, неизвестных в таком виде для позднескифского времени этой территории, но зато хорошо известных в Центральной Европе. Не удалось также построить эволюционную линию развития зарубинецкой чернолощеной керамики, выводя ее от чернолесско-скифских форм.

С другой стороны, сторонники привносной теории происхождения зарубинецкой культуры игнорируют такой важный этногенетический факт, как совпадение зарубинецкой кухонной посуды по формам и орнаментации с такой же

посудой населения позднескифского времени Приднепровья. Они не могут четко указать территорию формирования зарубинецкой культуры и показать наиболее ранние зарубинецкие комплексы и т. д.

Мы считаем, что к сложной проблеме происхождения зарубинецкой культуры нельзя подходить прямолинейно. По нашему мнению, зарубинецкая культура возникла в результате взаимодействия различных этнокультурных компонентов — местных и пришлых. Она представляла собой качественно новое явление, обладавшее новыми, характерными только для нее чертами. Это обстоятельство делает безуспешными поиски прямых аналогий зарубинецкой культуры в культурах предшествующего времени, существовавших на Среднем Приднепровье или в Центральной Европе. С другой стороны, как показывают факты, отдельные элементы зарубинецкой культуры могут проявиться в разных взаимосочетаниях в предшествующих культурах-субстратах, что видно на примере зарубинецкой территории, топографии поселений и могильников, устройства жилищ, погребального обряда, керамики, украшений.

Т е р р и т о р и я . При рассмотрении территории зарубинецкой культуры становится очевидным, что ее размеры изменялись с течением времени. Для генезиса культуры имеет значение установление раннезарубинецкой территории. Определяется она посредством картографирования фибул с треугольным щитком на спинке, которые справедливо считаются характерной зарубинецкой вещью. Ранние варианты таких фибул найдены в устье Горыни и на ближайших к нему берегах Припяти (Велемичи, Воронино, Отвержичи, Ремель), в Верхнем Приднепровье (Чаплин и др.), в Среднем Приднепровье (Корчеватое, Пирогов, Зарубинцы и др.). Эти находки дают нам основание утверждать, что в первоначальную зарубинецкую территорию входило Среднее Приднепровье (от устья Ирпени до Тясмина), Верхнее Приднепровье (в том числе Березена и Сож) и среднее течение Припяти с правобережными притоками (от устья Пины до Ствиги). Эти районы богаты заливными лугами, озерами, болотами, лесом, для них характерно также наличие легких луговых черноземных почв, легко возделываемых примитивными деревянными пашенными орудиями.

Зарубинецкие памятники Среднего Приднепровья, Верхнего Приднепровья и Средней Припяти отличаются друг от друга локальными особенностями (Кухаренко, 1966), но их надо считать памятниками одной этнокультурной области.

В предыдущий исторический период зарубинецкая территория была занята различными племенами. Представляющие их археологические культуры кое в чем сходны с зарубинецкой культурой, что имеет большое значение для выяснения ее генезиса.

В южной части Среднего Приднепровья, в бассейнах Тясмина и Роси обитали земледельческо-скотоводческие племена с культурой скифского облика (Петренко, 1967). В северной части этой территории жило население пока слабо изученной подгорцевской культуры (Даниленко, 1956, стр. 5—16). Подгорцевские материалы отмечаются вплоть до Стугны, где они располагаются вперемежку с памятниками скифского типа, которые доходят на Полесье до Припяти. Их считают принадлежащими скифам-пахарям Геродота (Тереножкин, 1965).

Верхнее Приднепровье занимали родственные подгорцевским племена милоградской культуры (Мельниковская, 1967, стр. 18). Они известны и на Припяти, где занимают восточную часть ее бассейна — вплоть до р. Горынь. Западнее Горыни располагаются памятники среднеевропейских культур — лужицкой

и позднее поморской. Эта припятская территория считается восточной границей их распространения (Кухаренко, 1961, стр. 9—11).

Таким образом, зарубинецкая территория в предшествующее время была занята лужицкой и поморской культурой, культурами скифов-пахарей и подгорцевско-милоградской. Существование этих культур способствовало возникновению трех теорий происхождения зарубинецкой культуры: «западной», «скифской» и «милоградской» (Третьяков, 1966, стр. 213).

Т о п о г р а ф и я . Месторасположение раннезарубинецких поселений имеет две особенности. Во-первых, все они находятся на берегах крупных рек или в непосредственной близости от них, во-вторых, размещены в местах, удобных для обороны.

Такая топография зарубинецких памятников отражает особенности эпохи, конкретную историческую действительность III—II вв. до н. э. на Среднем Приднепровье, когда опасность военного нападения являлась важнейшим фактором общественной жизни. В это время на западе передвигались кельтские, германские, позднеспоморские, на юге — сарматские и теснимые ими позднескифские племена. Хотя отношения между ними и зарубинецким населением не носили характера открытой войны, постоянная и серьезная опасность существовала. Она заставляла раннезарубинецкое население Лесостепи селиться на приднепровских холмах типа Пилипенковой горы или Юрковицы.

В предшествующую эпоху подобную оборонительную топографию имели поселения милоградских племен.

В хорошо укрепленных городищах жили и скифы-пахари южной части Лесостепи, находившиеся по соседству с воинственными скифскими кочевыми племенами (городища Плескачевское, Пастырское, Шарповское и др.). Поселения же Северной Скифии в V—III вв. до н. э. размещались по берегам небольших рек и ручьев, на открытой местности. Укреплений они не имеют, например поселения Каневщины: Бобрица, Грищинцы, Селище и др.

Неукрепленными были подгорцевские поселения, располагавшиеся среди болот и лесов, а также позднеспоморские поселения бассейна Припяти.

Можно, следовательно, сделать вывод, что в размещении зарубинецких и более ранних памятников существенной разницы не наблюдается. Топография их отражает особенности существования племен раннего железного века этой части Европы. Там, где была опасность военных нападений, люди селились на неудобных для жизни, но удобных для обороны холмах. Там, где такой угрозы не существовало, поселения размещались на открытой местности, в пойме.

Ж и л и щ а являются важным этнографическим признаком, отражающим происхождение и историю древних племен и народностей.

По своим особенностям зарубинецкие жилища делятся на три типа: наземные, углубленные и полуземлянки. Для каждого из трех районов зарубинецкой культуры ведущим является какой-либо один из названных типов жилища (рис. 47).

Верхнему Приднепровью свойственны наземные жилища. Их остатки обнаружены при раскопках Чаплина (Третьяков, 1959, стр. 124—126), Мохова, Горошкова и других зарубинецких поселений. Это были небольшие, в среднем 4 X 6 м, сооружения прямоугольной в плане формы, столбовой конструкции. Их стены, о чем свидетельствуют данные раскопок, дополненные этнографическими наблюдениями, строились из бревен, затесанные концы которых входили в

вертикальные пазы столбов-стояков. Глиной такие стены не обмазывались. Пол был земляным, как и везде в Приднепровье. В центральной части жилища находился очаг, представлявший собой круглое углубление в полу диаметром 0,7—0,8 м, заполненное камнем.

В Среднем Приднепровье сооружались жилища, немного углубленные в магерик. Их пол обнаруживается, как правило, на глубине на 0,3—0,5 м от

Культуры	Наземные жилища		Полуземлянки	
	План	Фас	План	Фас
Зарубинецкая культура Полесья				
Зарубинецкая культура Верхнего Приднепровья				
Зарубинецкая культура Среднего Приднепровья				
Позднепоморская культура				
Милоградская культура				
Позднекифская лесостепная культура				

Рис. 47. Отличительные особенности устройства жилищ.

современной поверхности. Форма жилищ прямоугольная или квадратная, длина стен — 3—5 м. Отличительной особенностью среднеднепровских жилищ являются стены каркасно-плетневой конструкции. Плетень держался на столбах и с двух сторон обмазывался глиной. На полу, ближе к центру жилища, находился очаг с глиняным или каменным бортом и неглубокой предочажной ямой.

На Полесье известны полуземлянки прямоугольной формы, площадью 20—25 м², углубленные в грунт до 1 м. Поскольку ям от столбов стен здесь не отмечено, можно предполагать, что стены были в виде бревенчатых срубов. Очаги по размерам и устройству аналогичны верхнеднепровским.

Во всех трех районах раннезарубинецкой культуры рядом с жилищами обязательно находят круглые в плане ямы до 1 м глубины с отвесными или слегка наклонными ко дну стенками, служившими кладовыми и погребями.

Конструктивные особенности жилищ всех трех районов зарубинецкой культуры находят свое объяснение в более далеком прошлом этих территорий.

Так, милоградские жилища представляли собой слегка углубленные в землю постройки в основном прямоугольной в плане формы, со стенами столбовой конструкции (Мельниковская, 1963, стр. 9). Возле жилищ сооружались ямы-погребца.

Культуры	Могильники		Погребенца				Инвентарь			Кости животных
	Грунто- вые	Курган- ные	Ямные	Урновые	Группо- положная	Кенотаф	Керамика	Фидулы	Оружие	
Полесская группа Зарубинецкой культуры	○		○	○	○	○	○	○		○
Верхнеднепровская группа Зарубинецкой культуры	○		○				○	○	○	
Зарубинецкие памятники Среднего Приднепровья	○		○	○	○ ³	○	○	○	○	○
Позднескифская	○	○	○		○ ³		○	○	○	○
Подгорцевская	○				○ ³		○			
Милоградская	○		○					○		
Позднепоморская	○		○	○			○	○	○	

Рис. 48. Отличительные черты погребального обряда.

Наличие небольшой боковой пристройки является, пожалуй, единственным существенным отличием этих жилищ от зарубинецких (рис. 47).

Жилища населения Лесостепной Правобережной Скифии V—III вв. до н. э. известны по раскопкам Пастырского и Каневского городищ. Размеры жилищ (3,5 X 4 м), прямоугольная форма, небольшое (до 0,5 м) углубление в грунт, конструкция очага и плетневых стен (Смиленко, 1953; Титенко, 1956; Богусевич» 1962, стр. 153) указывают на их близость к жилищам зарубинецкого времени. Хозяйственные ямы иногда находились внутри жилищ, что отмечено и на некоторых зарубинецких памятниках.

Жилища поморской культуры, известные на территории СССР, напоминают зарубинецкие полуземлянки Припяти срубной конструкцией стен, прямоугольной формой, размерами (4,0 X 4,5 м), каменными очагами у стены (Никитина, 1965, стр. 199).

Приведенные данные указывают на наличие прямых связей в домостроительстве между каждым из зарубинецких районов и существовавшими здесь

культурами предшествующего времени, причем преемственность в конструкциях жилищ оказалась более существенной, чем сходство между жилищами отдельных зарубинецких районов.

Погребальный обряд. Все три ранние локальные группы зарубинецкой культуры имеют много общих черт в погребальном обряде (рис. 48), к ним относятся: 1) внешний вид могильников — полей погребений, не имеющих теперь наземных отличительных признаков; 2) неглубокие могильные ямы (0,2—1 м от современной поверхности) вытянутой или округлой формы; 3) трупосожжение как главный тип погребений; 4) погребальный инвентарь в могилах — керамика, фибулы и другие украшения.

Однако в погребальном обряде этих трех групп зарубинецкой культуры замечаются определенные различия: а) в ориентации могильных ям; б) в размещении и составе погребального инвентаря; в) в соотношении различных видов трупосожжения и других типов захоронений.

Наибольшее количество отклонений от общезарубинецкой нормы наблюдается у верхнеднепровских могильников. Здесь известны только ямные трупосожжения, тогда как на Среднем Приднепровье и Припяти встречаются еще и урновые трупосожжения (4—28%), а также труположения. В могилах Верхнего Приднепровья кости домашних животных (остатки мясной ритуальной пищи) не встречаются, в то время как на Среднем Приднепровье их находят в каждой второй могиле; изредка их встречают в погребениях Полесья (рис. 48). Могильные ямы вытянутой формы расположены перпендикулярно к речному руслу (Среднее Приднепровье) или параллельно ему (Верхнее Приднепровье и Полесье).

Подобные различия в погребальном обряде трех локальных групп зарубинецкой культуры обусловлены различными причинами, среди которых наиболее важными были погребальные традиции археологических культур предшествующего времени.

Действительно, могилы позднескифского времени на Среднем Приднепровье, известные по материалам Грищенского, Бобрицкого, Берестняговского и других, некрополей, имели вид подкурганых или бескурганых грунтовых ям прямоугольной формы, ориентированных на восток — запад, глубиной до 1 м. Кроме труположений, здесь встречены также редкие трупосожжения, совершавшиеся непосредственно в могиле или, совсем уже редко, на стороне. В таких случаях в яму клали кучку кальцинированных костей, как в зарубинецких погребениях. В могилы помещали погребальный инвентарь: кухонные горшки, столовые миски, украшения, оружие и ритуальную пищу — мясо домашних животных (Петренко, 1961, стр. 86—96).

Очень похожи на них погребения подгорцевской культуры. Это были бескурганые труположения на спине, с вытянутыми конечностями, ориентированные головой на северо-запад. Погребальный инвентарь состоял из украшений и сосудов (Петровська, 1971).

Иначе выглядят милоградские и поморские погребения. Они представляют собой исключительно трупосожжения, произведенные на стороне. Могильники не имеют внешних признаков и являются, следовательно, полями погребений, как и зарубинецкие.

Очищенные от угля и пепла погребального костра кости умершего милоградцы клали на дно круглых или овальных неглубоких ям, ориентированных вдоль реки. Иногда в могилу клали обломки сосудов, глиняные грузики.

бронзовые или железные вещи, зубы жертвенных животных (Мельниковская, 1963, стр. 13).

Более разнообразным был поморский погребальный обряд. Сожженные кости, чаще всего не очищенные от угля и пепла, помещались в урны. Известны также ямные могилы, подклешовые, ящичные и др. В состав погребального инвентаря входила керамика (горшки, миски, кружки, кувшины, крышки), а также фибулы, булавки, браслеты, кольца, бусы. Оружия в погребениях очень мало (Никитина, 1965а, стр. 14).

Если сравнить погребальные обряды этих трех дозарубинецких культур с соответствующими по территории зарубинецкими, то можно увидеть наличие некоторого сходства. Следует подчеркнуть, однако, что большого соответствия при этом не наблюдается, поскольку зарубинецкий погребальный обряд представляет собой явление новое, обладающее чертами, свойственными только ему одному, которые не удается объяснить механически, вывести их с какой-либо «празарубинецкой» культуры — позднепоморской, скифской лесостепной или подгор цевско-милогр адской.

В процессе изучения зарубинецкой культуры такие попытки делались неоднократно. Так, П. Д. Либеров полагал, что «рассмотрение вопроса о развитии погребального обряда с трупосожжением в скифское время и во времена полей погребений, а также установление достаточно значительных общих черт этих культур, что проявляется в погребальном обряде и инвентаре, дает возможность предположить наличие на Киевщине единой этнической основы с времен бронзовой эпохи до самого предславянского времени» (Либеров, 1950, стр. 83).

Действительно, материалы позднескифских лесостепных могильников свидетельствуют, что в IV—III вв. до н. э. происходит некоторое возрождение старинных местных погребальных обычаев, проявлявшееся в исчезновении курганных насыпей, в возрождении обряда трупосожжения. Эти «скифские» обычаи заметны в зарубинецком погребальном обряде Среднего Приднепровья, в частности в тех погребениях Пирогова, куда во время захоронения клали горящие поленья, являвшиеся, вероятно, напоминанием о сжигавшихся деревянных склепах скифского времени. Как мы уже отмечали, эти погребения в Пирогове принадлежат к числу наиболее ранних.

Однако зарубинецкие могилы имеют многие другие особенности, отличающие их от скифских погребений с трупосожжением и не позволяющие в последних видеть источник зарубинецкого погребального обряда этого типа.

Это — трупосожжение на стороне, обычай класть в могилу кальцинированные кости, очищенные от следов погребального костра, иное расположение погребального инвентаря, иной его состав, в частности отсутствие оружия и античной посуды.

Кроме того, скифских могил IV—III вв. до н. э. с трупосожжением очень немного, всего около 5% всех известных погребений этого времени, открытых на правобережье Среднего Приднепровья (Петренко, 1967, стр. 17, 19, 58).

Подобные обстоятельства давали возможность исследователям, рассматривавшим зарубинецкую культуру в целом, утверждать, что до сих пор «спорным остается положение о формировании зарубинецкой культуры на основе скифской. Резкое отличие в погребальных обрядах делает этот тезис неприемлемым» (Смирнов, 1963, стр. 6).

Изучая зарубинецкие памятники Южной Белоруссии, Л. Д. Поболь пришел к выводу, что местная зарубинецкая культура возникла на основе более ранней местной культуры милоградского типа, о чем свидетельствует, по его мнению, и погребальный обряд (Поболь, 1960, стр. 16). Действительно, на Верхнем Приднепровье в милоградское и зарубинецкое время хоронили по обряду трупосожжения, в одинаково ориентированных, сходных по форме и глубине ямах. Но на этом сходство оканчивается, состав и размещение погребального инвентаря у милоградцев и зарубинцев оказались различными.

Указанное обстоятельство, а также несходство керамического комплекса дали другим исследователям основания утверждать, что «высказанная точка зрения о генетической наследственности между памятниками подгорцевского и милоградского типа и зарубинецкими не подтверждается анализом довольно обширных материалов Белоруссии» (Мельниковская, 1963, стр. 19).

Нам известна точка зрения Ю. В. Кухаренко о том, что позднелужицкие памятники Полесья и Волыни типа Могилян и позднепоморские подклешевые могильники типа Головно были основой зарубинецкой культуры, возникшей в бассейне Припяти (Кухаренко, 1960). Действительно, подобное мнение подтверждается некоторыми деталями погребального обряда зарубинецкой культуры, к числу которых относится бескурганый вид могильников, обряд трупосожжения, могильные ямы вытянутой формы и др.

Но зарубинецкие погребения Среднего Приднепровья обладают особенностями, которых нельзя найти в позднепоморской культуре. Это — наличие полных труположений, ритуальной мясной пищи, специфическая ориентировка могил и расположение инвентаря. Названные черты не представлены сколько-нибудь заметно в погребальном обряде зарубинецких могильников Припяти, откуда, по мнению Ю. В. Кухаренко, эта культура распространилась на Днепр. Существуют также и определенные различия в керамическом комплексе, которые дали А. И. Тереножкину возможность считать, что «высказывания Ю. В. Кухаренко относительно экспансии «западновенедских» праславян в Среднее Приднепровье не имеют под собой археологической основы» (Тереножкин, 1962, стр. 242).

Итак, зарубинецкому погребальному обряду присущи определенные локальные особенности, корни которых можно видеть также в культурах предшествующего времени. Влияние позднепоморской, позднелужичской, позднескифской лесостепной и подгорцевско-милоградской культур сказалось на формировании этих специфических черт зарубинецкого обряда (рис. 48).

К е р а м и к а. Зарубинецкая керамика представлена лепными и лощеными сосудами местного изготовления. Кроме того, на поселениях Среднего Приднепровья встречены фрагменты привозной древнегреческой керамики, главным образом амфор.

В количественном отношении на поселениях резко преобладают обломки простых (кухонных) сосудов — до 80% от общего числа фрагментов. Зато в погребениях чаще встречается лощеная (столовая) посуда.

Зарубинецкая кухонная керамика разделяется на три типа: горшки, крышки, сковородки; столовая представлена горшками, мисками, кружками и стопками (рис. 49). Всего на могильниках, где, как правило, обнаруживаются целые сосуды, найдено более 400 горшков, около 500 мисок, до 200 кружек и 20 стопок. Причем в памятниках Полесья и Среднего Приднепровья горшков найдено больше, чем мисок и кружек, а на могильниках Верхнего Приднепровья

преобладают миски, но не встречаются кружки. Стопки же известны только в Полесье.

Посуда каждой локальной группы зарубинецкой культуры имеет свои отличительные особенности.

Для Полесья характерны горшки первой группы. Они вытянутых пропорций с хорошо выраженными, высокими плечиками. Венчик небольшой, немного

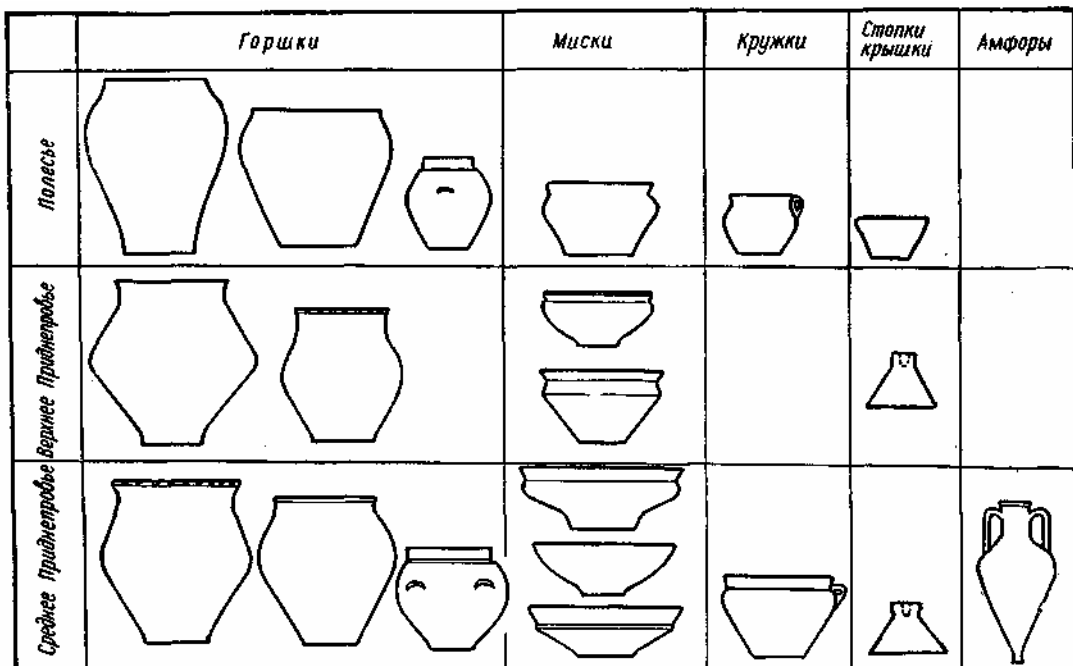

Рис. 49. Керамика зарубинецкой культуры.

отогнутый наружу. Поверхность лощеная или выглаженная, коричневого, иногда черного, цвета. Орнамент (ямки или насечки по плечу, расчлененный валик, подковки) встречается редко (Кухаренко, 1964, стр. 24—29).

У горшков второй группы такие же высокие, но слабо выраженные плечики и мало выразительный венчик. Поверхность лощеная или выглаженная, коричневого цвета.

У третьей группы горшков низкие плечики, расположенные на середине высоты сосуда, прямой венчик, поверхность чернолощенная или коричневого цвета, выглаженная или хруповатая. Орнамент встречается в виде бороздок в основе шейки лощеных сосудов или расчлененного валика по плечикам у хруповатых горшков (рис. 49).

Высокие миски с выпуклыми плечиками имеют плавно отогнутый наружу венчик с округлым краем, коричневую, выглаженную, иногда лощеную поверхность.

Часто встречаются лощеные небольшие кружки с ушком у края венчика и стопки — конусообразные сосудики с неровной поверхностью.

В Верхнем Приднепровье (рис. 49) известны горшки с низкими плечиками ребристого (первая группа) или мягкого (вторая группа) очертания. Венчик отогнут наружу. Поверхность лощеная, коричневого цвета. Орнамент в виде насечек по краю венчика или вертикальных бороздок встречается редко. Для третьей группы горшков характерны хроповатый или шершавый корпус и орнамент в виде расчлененного валика по плечикам или ямок по краю венчика.

Найдены конические крышки для горшков с пустотелой ручкой (они отсутствуют на Припяти и встречаются на Среднем Приднепровье) и диски-сковородки.

Верхнеднепровские миски относительно высоки. Их две группы. У тонкостенных мисок первой группы шейка отделена от плечика бороздкой, венчик отогнут наружу. Вторая группа представлена толстостенными острореберными мисками с коническим корпусом, прямым или немного отогнутым наружу венчиком с закругленным краем.

Для Среднего Приднепровья известны: 1) округлотелые горшки, с высокими плечиками и отогнутым наружу венчиком, нередко орнаментированным по краю ямками. У кухонных сосудов поверхность шершавая, серо-коричневого цвета, у столовых — отличного лощения, черного цвета, без орнамента; 2) подобной формы горшки, но с низко расположенными плечиками. Чернолощенные сосуды изредка орнаментированы гладким валиком или бороздкой по шейке или же подковками по корпусу. На поселениях кухонные горшки этого типа составляют большую часть всех керамических находок.

Среднеднепровские чернолощенные широкие миски имеют плавно очерченный корпус. Известно три группы таких мисок: 1) с прямым или загнутым внутрь венчиком; 2) с валиковидными плечиками, небольшим отогнутым наружу венчиком, имеющим с внутренней стороны две-три грани; 3) с острыми плечиками, высоким прямым или отогнутым наружу венчиком (рис. 49).

В этом районе зарубинецкой культуры частыми находками являются кружки, повторяющие профилировку чернолощенных горшков и мисок, с небольшими кольцевидными ручками.

Приведенные данные об основных группах местной посуды трех зарубинецких районов дают возможность утверждать, что, несмотря на общую внешнюю схожесть, керамика каждого района имеет свои важные отличительные признаки.

Нам представляется, что причины этого явления можно искать в наличии характерных керамических форм, свойственных предшествующим культурам — позднепоморско-лужицкой и лесостепной.

Действительно, у позднепоморской керамики Южной Польши и Западного Полесья (рис. 50) шершавая, лощеная или хроповатая поверхность коричневого или черного цвета. Орнаментирована она более богато, чем зарубинецко-припятская посуда, однако среди орнаментов встречаются также ямки по плечикам и расчлененный валик (Никитина, 1965а), что характерно для припятских сосудов.

Среди поморской керамики типичными являются выпуклобокие горшки с конической (прямой) шейкой, известные и в припятской посуде.

Поморские миски с выглаженной поверхностью полусферической формы, дно почти не выделяется. Возле венчика небольшая кольцевидная ручка (рис. 50). Венчик или прямой, или отогнут немного наружу: эта разновидность мисок проявилась потом в припятской керамике. Кувшины и кружки (отличающиеся друг от друга размерами) имеют округлобокий приземистый корпус, цилиндрическую

шейку, большую плоскую ручку. Подобные кружки иногда встречаются на Припяти (Кухаренко, 1964, табл. 7, 20).

Подгорцевская керамика позднего периода, по-видимому, очень близка лесостепной «скифской». Горшки — округлобокие, низкоплечие, плоскодонные, с отогнутым наружу венчиком, орнаментированным по краю ямками или насеч-

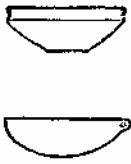

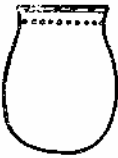
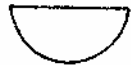
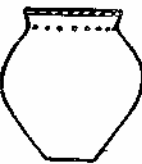

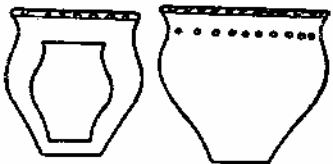

	Горшки	Миски	Кружки	Крышки	Амфоры
Позднепоморская					
Милоградская					
Подгорцевская					
Позднескифская					

Рис. 50. Керамика позднескифской, подгорцевской, милоградской и позднепоморской культур.

ками (рис. 50); миски — широкие и низкие, — с небольшим плоским дном и загнутым в середине краем венчика (Даниленко, 1956, стр. 5—16; Петровская, 1971). Поверхность выглаженная, коричневого цвета. Формы и орнаментация милоградских горшков и мисок имеют много общего с раннеподгорцевскими.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что позднепоморско-лужицкое влияние наиболее явственно ощущается на зарубинецкой Припяти, где бытуют горшки с цилиндрической шейкой, кружки с большими ручками и где часто применялся прием ошершавливания поверхности.

Такие хрупчатые горшки известны и на Среднем Приднепровье, но в небольшом количестве. Здесь, однако, сильны керамические традиции местной пред-

шествующей культуры. До 80% всех находок на поселениях составляют округлобокие низкоплечие горшки с отогнутым наружу венчиком, часто украшенным по краю ямками или насечками. Подобные сосуды были основной керамической формой на Среднем Приднепровье в V—III вв. до н. э. (Петренко, 1967, стр. 23). Высказанное Д. А. Мачинским мнение о том, что такие горшки не имеют отношения к позднескифской («зольничной») культуре, поскольку они «были распространены в разных культурах последних столетий до нашей эры в степной, лесостепной и южной части лесной Восточной Европы» (Мачинский, 1966, стр. 7) подтверждает наше предположение, так как на упомянутой им территории в дозарубинецкое время была распространена лишь позднескифская культура в различных ее вариантах. Нет сомнения в том, что эта керамика никаким образом не может быть связана с поморской культурой, которая рассматривается в качестве единственной предшественницы зарубинецкой.

Помимо поселений, горшки скифского типа встречаются в погребениях в качестве урн (могил № 13 и 30 Пирогова, № 4 и 8 Корчеватого) и в составе погребального инвентаря (сосуд № 76 и др. Корчеватовского могильника).

Кроме горшков, в зарубинецком среднеднепровском керамическом комплексе местными являются широкие миски с загнутыми внутрь краями, конические крышки для горшков, а также плоские сковородки. Последние известны не только в скифской, но и в лужицкой культуре.

Скифоидные миски находят полную аналогию в материалах Приднепровья V—III вв. до н. э. (Петренко, 1967, стр. 22) так же, как и крышки, известные не только в Лесостепи, но и на Нижнем Днепре. Если крышки были встречены только на поселениях, то миски обнаружены и в зарубинецких могилах (погребения № 7 и 86 Пирогова, № 23 Корчеватого).

Таким образом, роль поморской и лесостепной керамики в образовании части зарубинецкого керамического комплекса более или менее ясна. Что касается керамики милоградской культуры, то с зарубинецкой ее сближает только орнаментация.

Исследователи милоградской культуры склонны, в связи с этим, полностью отрицать роль местного верхнеднепровского субстрата. Нам представляется эта точка зрения излишне прямолинейной. Возможно, роль милоградцев была меньшей, чем, скажем, приднепровских племен, или иной, чем позднелужицко-поморского населения, но влияние милоградского субстрата явственно ощущается в топографии верхнеднепровских зарубинецких памятников, в устройстве жилищ, в погребальном обряде.

Помимо позднепоморско-лужицкой, скифской лесостепной и подгорцевско-милоградской основы, в придании всем трем районам зарубинецкой культуры более-менее единообразного облика важную роль сыграла латенская культура. В IV—II вв. до н. э. кельты создали в Средней Европе яркую и самобытную цивилизацию, оказавшую огромное влияние на весь европейский варварский мир (Филипп, 1961, стр. 192). Латенская культура определила особенности многих центрально-европейских культур независимо от их этнического содержания. Восточный рубеж латенского влияния проходил по зарубинецкой территории.

Влияние латена на зарубинецкую культуру проявляется в столовой чернолощеной керамике.

Формы зарубинецких чернолощенных горшков, мисок и кружек представляют собой, в общем, явление оригинальное, но истоки их следует искать в латенской

керамике и керамике провинциально-латенских культур. К числу заимствованных из арсенала латенских традиций относится также прием нанесения нескольких граней на внутренней стороне венчиков. Он может быть объяснен как подражание кельтской бронзовой посуде, имевшей угловато оформленные венчики.

Следует отметить, что подобное оформление венчика характерно лишь для зарубинецкой керамики Среднего Приднепровья. Видимо, эта область находилась с латенским миром в более тесном контакте, чем другие зарубинецкие области. На это указывает и значительное количество находок латенских бронзовых украшений и амулетов (Кухаренко, 1959, стр. 31, и ел.). Латенское влияние, очевидно, распространялось с юга и юго-запада, где кельты (на территории Румынии) появились еще в начале III в. до н. э. На рубеже III—II вв. до н. э. они занимали территорию в районе Ольвии.

На тесные связи зарубинецкого населения с латенским миром указывает распространение фибул, которые составляли непременную часть кельтской одежды.

Латенские фибулы еще в дозарубинецкое время приобрели популярность среди племен Центральной Европы. В единичных экземплярах они известны и в памятниках позднепоморской, лесостепных и милоградской культур.

В зарубинецкое время фибулы приобретают широкое распространение. Они встречаются почти в каждом зарубинецком могильнике. Всего их насчитывается более 450 экземпляров.

Зарубинецкие мастера, освоив производство по латенским образцам, создали оригинальную местную форму — фибулу среднелатенской (скрепленной) конструкции с треугольным щитком. Такие фибулы известны во всех трех районах распространения зарубинецкой культуры и больше почти нигде не встречаются (рис. 36).

Кроме многочисленных фибул с треугольным щитком и проволочных скрепленных среднелатенской схемы, в Среднем Приднепровье и на Припяти обнаружены более ранние расчлененные среднелатенские фибулы с восьмеркообразной спинкой и шариками на ней. Аналогии им известны на юго-западе (Причерноморье, Румыния, Словакия, Венгрия), указывая на область, откуда распространялось латенское влияние на Приднепровье.

Подведя итоги, можно констатировать, что анализ составных частей зарубинецкой культуры показывает присутствие различных компонентов позднелужицко-поморской, скифской лесостепной и подгорцевско-милоградской культур, которые отчетливо фиксируются в районах их распространения.

Это обстоятельство позволяет считать, что упомянутые культуры приняли участие в формировании зарубинецкой, в значительной мере определив те локальные особенности, которые отличают зарубинецкое Среднее Приднепровье от Верхнего Приднепровья и Припяти.

В образовании зарубинецкой культуры определенную роль сыграли позднепоморские племена, находившиеся в III—II вв. до н. э. в динамическом состоянии, вобравшие в свою культуру многие позднелужицкие и латенские черты.

Мы считаем, однако, что влияние позднепоморской культуры не следует преувеличивать. Об этом свидетельствуют немногочисленные и маловыразительные позднепоморские памятники бассейна Припяти и Волыни, расположенные на краю ойкумены этой культурной области. Естественно, что позднепоморские черты наиболее отчетливо проступают именно в этом ареале зарубинецкой культуры, в то время как на Приднепровье они менее заметны.

Зарубинецкую культуру в целом нельзя рассматривать исключительно как этап дальнейшего развития одной лишь поморской культуры. Она была этапом в развитии всех ее составных частей, а именно местного населения Волини и Приднепровья и смешавшихся с ним позднепоморско-лужицкими племенами.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Представление о зарубинецкой культуре останется незавершенным, если не будет сказано об этнической принадлежности людей, оставивших эти археологические памятники.

Проблема этнического содержания зарубинецкой культуры привлекала исследователей с момента открытия Зарубинецкого могильника. Уже более 70 лет ее решают археологи, историки, лингвисты, причем решения были самыми различными: зарубинецкое население считали потомками древних праславянских племен, живших на Среднем Приднепровье с эпохи бронзы; относили к различным древнегерманским племенам, переселившимся на Приднепровье с берегов Вислы или Одера; связывали с западными славянами, с западными балтами, наконец, с народом спорного, смешанного или неизвестного происхождения, который античные писатели называли бастарнами.

Разноречивость во мнениях относительно этноса зарубинского населения во многом зависела от методики исследования, от источников, которыми пользовались ученые, наконец, от их объективности.

Поскольку прямых указаний древних авторов об этнической принадлежности приднепровских племен рубежа нашей эры не имеется, для решения этого вопроса использовались археологические материалы и данные языковедческой науки.

Не все они, конечно, равноценны. До сих пор дискуссионным остается вопрос о возможностях этнического определения по памятникам материальной культуры. Тем не менее многие ученые полагают, что если археологические материалы, этническая принадлежность которых неизвестна, типологически сопоставляются с материалами, этнос которых уже определен, тогда этническая принадлежность неизвестной культуры имеет все основания считаться решенной.

Руководствуясь этим тезисом, часть исследователей, вслед за В. В. Хвойкой, считает зарубинецкую культуру славянской, поскольку она произошла от праславянской культуры Среднего Приднепровья более раннего исторического периода (Тереножкин, 1961, стр. 240).

Руководствуясь тем же тезисом, другие исследователи отрицают славянскую принадлежность зарубинецкой культуры, поскольку между нею и бесспорными славянскими древностями середины I тысячелетия н. э. нет никакой генетической преемственности (Седов, 1966, стр. 13).

Такие противоречивые определения одного и того же археологического материала дали основания ученым другой специальности — лингвистам — утверждать, что археология вообще не может решать проблемы этногенеза (Филин, 1962, стр. 75).

В этом утверждении есть определенная логика. Доказывать или отрицать славянство зарубинецкой культуры только на основании археологических данных (по утверждению лингвистов) труд абсолютно бесполезный. Тем более бесполезный, что преемственные связи между зарубинецкой культурой и более поздними, достоверно славянскими культурами, пока твердо не установлены.

Поскольку для решения вопроса об этносе зарубинецкого населения одних археологических материалов недостаточно, необходимо привлечение других данных.

Важнейшим источником при определении этноса древних обществ являются данные языкознания. Некоторые языковеды считают такие данные единственными и решающими (Филин, 1962, стр. 76).

Сравнительно-историческое языкознание, привлекая значительные и разнообразные лингвистические источники, установило, что древнейший славянский язык происходит от близкородственных индоевропейских диалектов. Однако от этого принципиально-теоретического решения до конкретного представления о времени появления древних славян, об их первоначальной территории, наконец, о памятниках их материальной культуры, еще очень далеко, здесь много еще недоказанного и спорного.

Этими обстоятельствами объясняются несогласия среди языковедов, не менее резкие, чем среди археологов, по кардинальным вопросам древнеславянской языковой и общей истории.

Языковеды, например, по-разному отвечают на вопрос — выделился ли первичный славянский (праславянский) язык непосредственно из индоевропейских диалектов или же праславянский был вначале составной частью балтославянского языка? Не согласны они друг с другом и в определении территории распространения праславянского языка — область ли это Среднего Приднепровья или же междуречье Одера — Вислы? Нет единства и в установлении времени распада праславянского языка на родственные языковые группы: восточную, западную и южную (Мейе, 1951; Бернштейн, 1961; Ван-Вейк, 1957; Курилович, 1958; Лер-Сплавинский, 1954; Шахматов, 1919).

Перечисленные и многие другие важные проблемы славянского прошлого являются до сих пор дискуссионными, главным образом, потому, что языковые явления сами по себе не содержат указаний о времени и территории распространения их носителей. Достаточно, вспомнить, к примеру, сколько споров возникло при попытке определить западную границу славянства в связи с этимологией слова «бук». Лингвисты так и не смогли ничего доказать — это сделали палеоботаники.

Очевидно, в объективном освещении проблемы этногенеза славян необходимы данные сравнительно-исторического языкознания и материалы археологии, а также этнографии, антропологии, палеоботаники, палеозоологии, которые особенно важны для установления абсолютной хронологии и направлений путей территориального распространения конкретного лингвистического явления. Успешное применение подобного синтетического метода известно (Горнунг, 1955, стр. 28).

На основании современных материалов древнейшая славянская история может быть в общих чертах представлена так.

Следует считать несомненным существование праславянского (общеславянского) языка, время выделения которого из индоевропейского определяется III—II тысячелетием до н. э. (Ван-Вейк, 1957; Бернштейн, 1961, стр. 25). С этого периода праславянский язык прошел несколько этапов развития: ранний (консервативный), длившийся около двух тысяч лет; средний — с конца I тыс. до н. э. до III—V вв. н. э., когда произошли серьезные преобразования славянской языковой системы, обусловленные образованием союзов племен, развитием тор-

говли, связями и столкновениями с германскими племенами, особенно готами — поздний — V—VII вв. н. э., представляющий собой время зарождения отдельных славянских языковых групп.

Для нас особенно важным является средний этап истории праславянского языка, поскольку сюда хронологически входит зарубинецкая культура.

О территории распространения праславянского языка у лингвистов нет единого мнения. Пожалуй, единственным положением, которое не вызывает у них разногласий, заключается в том, что границы праславянского языка не были стабильными, неоднократно и, вероятно, значительно меняясь.

О территориальных границах накануне распада общеславянского языка существуют две гипотезы: висло-одерская и среднеднепровская.

Согласно первой, разработанной польскими археологами и лингвистами, праславяне сформировались между Одером и Вислой. В первых веках нашей эры они начали расселяться на юг, восток и запад, что привело к распаду праславянского языка и положило начало исторически известным славянским народам.

Этой гипотезе противоречат некоторые важные факты.

По данным лексикологии, установлено, например, что носители общеславянского языка были хорошо знакомы со смешанным лесом умеренной климатической зоны (Мейе, 1951, стр. 395—412), его флорой и фауной, озерами и болотами, но что они не знали моря и жили в стороне от морских побережий, а также горных местностей и степей. Праславяне занимались земледелием, возделывая просо, ячмень, пшеницу (позднее рожь), овес, горох, мак, капусту, лук, репу, лен, коноплю; разводили домашних животных — собак, свиней, лошадей, коров, овец, коз; умели обрабатывать металлы, в том числе — железо. Жили праславяне в непосредственном соседстве с древними балтийскими племенами. Особенно тесными славяно-балтские контакты были в века, предшествующие нашей эре и в первые века нашей эры — именно этим объясняется, по мнению многих специалистов, балто-славянская языковая общность. Другие исследователи относят к этому времени существование фазы балто-славянского языкового единства. Как бы ни решалась эта специальная проблема, важным обстоятельством является установление факта, что праславяне жили южнее собственно балтов.

С древнегерманскими племенами в VI—V вв. до н. э. праславяне контактов не имели, поскольку в это время на территории западной, средней и южной Германии, то есть в зоне возможных древних славяно-германских контактов, обитали кельтские племена (Жирмунский, 1956, стр. 13). Такой контакт не отмечается и для последующего времени — III—I вв. до н. э., когда германские племена расселились по Одеру и Висле. Можно, следовательно, предположить, что в конце I тысячелетия до н. э. праславян еще не было на территории Висло-Одерского междуречья, что их от германцев отделял какой-то другой этнический массив, возможно, североиллирийский (Филин, 1967, стр. 34). Славяно-германские контакты относятся ко II—III вв. н. э., когда готы, передвигаясь с низовьев Вислы до берегов Черного моря, появились на Среднем Приднестровье и, возможно, Приднепровье.

В отличие от славяно-германского, тесный контакт отмечается между праславянским и иранским языками. Языковеды относят начало тесных славяно-иранских связей к середине I тысячелетия до н. э., то есть ко времени, когда скифы начинают проникать в лесостепную и лесную зоны, что хорошо известно по историческим и археологическим источникам. Среди слов, заимствованных

праславянами из иранских языков, видное место занимают религиозно-культурные термины, свидетельствующие о тесных контактах в области религии. К числу их относятся такие, как «бог» (в смысле «владыка»), «свят», «слово», «добрый», «идол» и др.

Интересные данные были получены при анализе названий дикорастущих деревьев. Оказалось, что названия деревьев, известные в лесной полосе, западнее среднего течения Днепра являются исконно праславянскими. Было также установлено, что территория праславянского языка находилась вне пределов произрастания бука, пихты, явора, лиственницы, тиса, черешни, распространенных до рубежа нашей эры западнее Повисленья и Поднестровья (К. Moszynski, 1957, стр. 54).

Важные сведения были получены при анализе гидронимов. Было установлено, что названия всех крупных рек Висло-Одерской территории, таких как Висла, Одер, Варта и другие, не являются славянскими. В то же время в районе Среднего Приднепровья и западнее его такие реки, как Десна, Припять, Тетерев имеют несомненно славянское происхождение. Здесь, правда, отмечено наличие балтийских, иранских и иных гидронимов еще невыясненного происхождения. Подобная гидронимическая пестрота, по мнению некоторых языковедов, объясняется тем, что территория, на которой обитали праславяне, в более ранние периоды была заселена различными индоевропейскими этническими образованиями, оставившими после себя языковые реликты (Бернштейн, 1961, стр. 65). Областей с чистой славянской гидронимией вообще нигде нет, в том числе и на Среднем Приднепровье.

Другие исследователи, сторонники идеи о балто-славянском языковом единстве, объясняют это явление тем, что праславянская территория издревле была заселена племенами, язык которых содержал и славянские, и балтийские элементы, то есть был родственен языку соседних к северу балтийских племен (Петров, 1965, стр. 116; его же, 1966, стр. 71—73).

Несмотря на все эти сложности и неясности, Среднее Приднепровье можно считать единственной из всех древних славянских земель территорией, где имеется самый значительный по размерам комплекс явно славянских и несомненно древних гидронимов.

Приведенные данные свидетельствуют, что праславянские племена во второй половине I тысячелетия до н. э. занимали равнину, ограниченную с севера землями древних балтийских племен, начинавшихся, как показывают материалы лингвистики и археологии, с левобережья Припяти, с юга — лесостепными и степными районами, занятыми иранскими племенами, с юго-запада, — возможно, фракийцами.

На западе славянские земли не достигали Вислы, но включали в себя бассейн Западного Буга, поскольку в праславянском языке сохранилось название рыбы лосося, биологический цикл которого связан с Балтикой. На востоке граница праславянских земель неясна, возможно, в число их входили Левобережье Днепра в нижних течениях Сожа и Десны (Филин, 1962, стр. 147).

Очерченной территорией славянской прародины в конце I тысячелетия до н. э. в географическом отношении является Среднее Приднепровье, заселенное в эту пору носителями зарубинецкой культуры. К заключению о праславянской принадлежности зарубинецкого населения приходят сейчас даже лингвисты, особенно осторожные в своих этноархеологических определениях (Филин, 1967, стр. 40).

У археологов нет оснований проявлять в этом отношении еще большую осторожность. Наоборот, археологические материалы, как это было показано в предыдущем разделе, убеждают, что субстратом среднеднепровской зарубинецкой культуры была лесостепная местная культура скифского времени, население которой, уже в предшествующую историческую эпоху, рассматривается в качестве праславянского (Горнунг, 1958, стр. 59; Тереножкин, 1961, стр. 234). Это обстоятельство также может служить аргументом в пользу праславянской принадлежности зарубинцев.

Помимо праславянского субстрата, как показывают работы ряда исследователей, в образовании зарубинецкой культуры определенную роль сыграла западная позднелужицко-поморская культура.

Этнос этой культуры неясен, так же как и этнос собственно лужицкой и поморской культур. В определении этнической принадлежности первой из них существуют разноречивые толкования, оценка которых выходит за пределы нашей работы. Отметим только, что отнесение ее к североиллирийской или праславянской культурам (J. Kostrzewski, 1955, стр. 203—204) имеет одинаковую силу убежденности при равном, в общем небольшом, количестве положительных аргументов. Поморская культура по этносу одними исследователями (Ю. Костжевский) считается славянской, другими — древнебалтской (М. Гимбутас, В. В. Седов).

Ранний железный век был периодом господства в этногенетическом процессе явлений интеграции и ассимиляции (Гретьяков, 1962, стр. 13), что отражалось не только в материальной культуре, но и в глоттогенетическом процессе (Шарадзенидзе, 1952). Учитывая эти особенности эпохи, а также этнос субстрата, который, как показывают памятники материальной культуры, имел значительный удельный вес, мы можем предполагать, что зарубинецкое население было праславянским.

Противники такой гипотезы ссылаются на отсутствие археологических связей между зарубинецкой и историческими раннеславянскими культурами. Этот аргумент, по чисто формальным соображениям, является важным. С ним необходимо считаться, но он не дает ключа к пониманию исторических явлений эпохи кануна крушения праславянского единства и образования исторических раннеславянских племен.

ВЫВОДЫ

Территория Среднего Приднепровья была ядром Древней Руси, возникшей в конце IX века. В еще более отдаленную от нас эпоху эти земли были родиной славян. Такое особое положение Среднего Приднепровья в славянской истории объясняет большой интерес, проявленный к нему со стороны многих поколений ученых.

Это обстоятельство породило также многочисленную литературу, посвященную рассмотрению и интерпретации памятников зарубинецкой культуры, оставленных среднеднепровским населением, жившим здесь на рубеже нашей эры.

В литературе, однако, не существует единого мнения по основным вопросам истории зарубинецкого населения, что следует объяснить слабой источниковедческой базой — отсутствием свидетельств древних писателей о населении Среднего Приднепровья этого времени и недостаточной изученностью самих зарубинецких памятников — поселений и могильников.

Однако археологического материала становится с каждым полевым сезоном все больше и больше. На Среднем Приднепровье уже насчитывается более 100 зарубинецких памятников, из которых почти четвертая часть исследована в разных масштабах раскопками и шурфовкой.

Изучение приднепровских поселений и могильников дает основание полагать, что на Среднем Приднепровье зарубинецкая культура возникла не вследствие миграции древних германских, балтийских или западнославянских племен и не в результате медленной постепенной трансформации местных культур, существовавших здесь в предшествующую историческую эпоху.

Анализ материалов зарубинецкой культуры показывает, что некоторые из них могут быть объяснены как привносимые, в то время как другие повторяют формы более ранних местных культур.

К числу первых относится зарубинецкая лощеная посуда, украшения из цветных металлов, погребения с трупосожжением. Местного происхождения оказалась вся нелощеная посуда, составляющая основную массу находок на поселениях, устройство жилых сооружений, некоторые черты погребального обряда.

Можно поэтому полагать, что в сложении зарубинецкой культуры Среднего Приднепровья принимало участие как местное население предшествующей эпохи, так и пришлые позднелужицко-поморские племена, служившие проводниками латенской культуры, влияние которой ощущается в зарубинецком керамическом комплексе и в зарубинецком цветном металле.

Это влияние позволяет отнести зарубинецкую культуру к числу многочисленных периферийных культур латенского мира, а их сходство с зарубинецкой, вызвавшее немало прозападных этногенетических построений, в значительной мере объясняется именно этим обстоятельством.

Сам процесс возникновения зарубинецкой культуры представляется как интеграция близких по происхождению местных и пришлых племен, обладавших в разных областях зарубинецкой территории различной степенью активности.

Время становления зарубинецкой культуры на Среднем Приднепровье следует отнести к последней трети III в. до н. э. Материалом, подтверждающим эту дату, являются предметы античного импорта — обломки амфор, обнаруженные почти на всех зарубинецких среднеднепровских поселениях.

Как показали раскопки, наиболее ранними античными товарами были амфоры с вином из Коса, Родоса, Фасоса, Синопы и некоторых других центров. Наиболее многочисленными оказались обломки косских амфор, производившихся со второй половины III в. до н. э. по начало I в. до н. э.

Совместное нахождение фрагментов косских и фасосских амфор, ввоз которых прекратился в начале II в. до н. э., позволяет со значительной долей уверенности говорить о том, что на зарубинецкие поселения эти товары начали поступать с конца III—начала II в. до н. э. Подобная датировка подтверждается корреляцией фасосских и родосских амфор, а также находками обломков косских клейменных амфорных ручек последней трети III в. до н. э.

К этому же времени относятся некоторые предметы скифского типа — бронзовые украшения и столовая керамика, обнаруженные в закрытых зарубинецких комплексах: жилищах, ямах и погребениях, то есть заведомо относящихся к зарубинецкому времени. Очевидно, эти материалы существовали на стыке двух эпох — скифской и зарубинецкой, следовательно, на рубеже III и II вв. до н. э.

Названная дата не совпадает со временем появления фибул на зарубинецких памятниках, что, по нашему мнению, свидетельствует о неправильной датировке зарубинецких фибул среднелатенской схемы, введенной недавно нашими исследователями, взявшими за основу хронологическую схему латена чешского археолога Я. Филипа. До недавнего времени подобные фибулы считались более древними, и подобная точка зрения является наиболее реалистической.

Конечная дата зарубинецких памятников на Среднем Приднепровье определяется I в. н. э. Здесь хронологическим эталоном являются амфоры, краснолаковая керамика и фибулы раннеримского времени.

Раннеримские амфоры представлены, главным образом, двумя типами: амфорами из коричневой глины и амфорами из белой глины, содержащей черные частицы минерала пироксена. Обломков амфор первого типа встречено довольно много на Пилипенковой горе, а светлоглиняных — на Суботовском поселении. Они датируются второй половиной I в. до н. э.— первой половиной I в. н. э. Этим же хронологическим отрезком определяется импорт краснолаковой столовой посуды, как простой, так и орнаментированной в стиле барботин.

Что касается фибул, то на их основании зарубинецкие памятники датируются более суммарно, а именно, I в. н. э. К этому времени относятся различные варианты одночленных так называемых воинских фибул со сплошным приемником и пружинных фибул с кнопкой на конце приемника, найденных во время раскопок поселений и могильников.

Датирующих материалов, которые относились бы к более позднему, чем I в. н. э., времени, в зарубинецких комплексах Среднего Приднепровья не найдено.

Однако в пойме Днепра, его притоков и других рек лесостепной зоны известны находки чернолощеной посуды и фибул II—III вв. н. э. Это Лютеж, Таценки и окрестности Зарубинцев, откуда происходят глазчатые латунные фи-

булы прусского варианта; Рудяки и Пасечное, где обнаружены литые фибулы о высоким приемником паннонского типа; Бортнички, где найдена вендская фибула; Вишенки, откуда известны арбалетные фибулы.

Значение этих находок заключается в том, что они фиксируют возникновение в Среднем Приднепровье новой исторической обстановки, в которой не последнюю роль играли сарматы и племена юго-восточной Прибалтики. Они также отражают судьбы населения Среднего Приднепровья, оставившего нам типичные памятники зарубинецкой культуры — поселения типа Пилипенковой горы и могильники типа Зарубинецкого и Корчеватовского.

Во II в. н. э. зарубинцы уже не проживали в мысовых поселках. Часть их переходит в пойму, где появляются памятники с чернолощеной керамикой.

Особенности и будущность этих памятников еще неясны. Возможно, их следует объединять с памятниками так называемого киевского типа, с которыми их роднит топография, погребальный обряд, немногочисленность находок чернолощеной керамики. Памятники киевского типа, существуя параллельно черняховским, представляли собой культуру, выразившую, по-видимому, одну из линий славянского этногенеза в Среднем Приднепровье.

Пойменные памятники зарубинецкого типа II—IV вв. н. э. близки также верхнедеснянским поселениям типа Почепа, появившимся в результате расселения среднеднепровских зарубинецких племен. Верхнедеснянские поселения хорошо датируются I—III вв. н. э., а найденная здесь черняховская керамика дает возможность предполагать и более позднее время их существования.

Зарубинецкое население Верхнего Подесенья оказало заметное культурное влияние на жившие в верховьях Днепра балтийские племена. Такое же влияние ощущается в среде древнего балтийского населения Верхней Оки и финно-угорских племен Волго-Окского междуречья. Вероятно, здесь имели место не только экономические, но и этнические связи, на что указывают окские памятники мощинского типа III—IV вв. н. э., имеющие общие черты с зарубинецкой культурой. О тесных связях мощинских племен середины I тысячелетия н. э. с Приднепровьем говорят, в частности, хорошо известные здесь украшения с эмалью.

Деснянская поздnezарубинецкая культура, по-видимому, генетически связана с местными древностями VI—VII вв., являющимися бесспорно раннеславянскими (Третьяков, 1966, стр. 255). Если это предположение будет доказано, тогда пойменные памятники II—III вв. н. э. и более позднего времени, изучение которых только начинается, явятся тем до сих пор не улавливаемым звеном, которое свяжет зарубинецкую культуру с исторически известными культурами славянских племен. Большое научное значение этих памятников очевидно.

Некоторые исследователи (В. Н. Даниленко, 1967) называют их поздnezарубинецкими. Это наименование правильно отражает суть явления. Однако, поскольку они недостаточно еще изучены и их связи с типично зарубинецкой культурой Среднего Приднепровья ясны далеко не в полном объеме, такое наименование пойменных памятников представляется пока недостаточно обоснованным. Не исключено, что эти памятники окажутся новым культурным явлением, возникшим на зарубинецком субстрате в послезарубинецкое время. А сама зарубинецкая культура станет рассматриваться как предшествующий этап в длительном и сложном процессе славянского этногенеза.

Зарубинецкие материалы дали возможность установить не только генезис и хронологию зарубинецкой культуры. В меньшей мере, но все же довольно от-

четливо, они позволяют судить о таких важных сторонах жизни приднепровского зарубинецкого населения, как общественное устройство, хозяйственная деятельность, идеологические представления.

О структуре зарубинецкого общества свидетельствуют устройство жилищ, размеры, планировка и размещение поселений, ритуальный инвентарь могил. Удалось установить, что Среднее Приднепровье было заселено несколькими родственными зарубинецкими племенами. Поселки каждого племени располагались редко, образуя скопления или гнезда поселений. Одно такое гнездо выявлено в районе Киева (Киселевка, Юрковица, Печерск, Лыбедь, Корчеватое, Пирогов и др.), другое отмечено вблизи Ржищева, третье — возле Канева. Гнездовое размещение поселений зафиксировано также на Сейме и Тясмине.

Зарубинецкие поселения были небольшими. На Пилипенковой горе, например, одновременно находилось около 70—80 жилищ, в которых проживало до 300—400 человек. Каждая семья вела самостоятельное хозяйство. Это были родовые поселки, состоящие из отдельных индивидуальных семей.

Вещи, найденные в жилищах, погребальный инвентарь, обнаруженный в могилах — однообразны и, в общем, немногочисленны. Это обстоятельство указывает на незначительное имущественное неравенство.

Зарубинецкая эпоха — второй по счету этап раннего железного века. Железо в это время выплавлялось в небольших сыродутных глиняных горнах, работавших на местной болотной руде и древесном угле. Выход металла был незначительным, на что указывает редкая встречаемость, небольшие размеры и вес орудий. Материалы поселений дают основание предполагать, что добыча железа и его последующая кузнечная обработка не были совмещены.

Уровень кузнечного ремесла был еще невысоким, изготовлялись предметы из железа, загрязненного шлаком. Обходились без цементации или закалки, повышающих прочность металла. Стали и пакетного металла зарубинецкие кузницы не знали. Кузнецы работали и с цветным металлом — бронзой, изделия из которой, как правило, отлично сохранившиеся, являются обычными находками на поселениях и особенно на могильниках. В отличие от железа, бронза была привозным металлом. Доставлялась бронза, вероятно, из античных городов Северного Причерноморья, бывших торговым посредником между производителями бронзы и зарубинецким населением Среднего Приднепровья.

Из бронзы местные мастера, сначала по привозным образцам, затем самостоятельно, изготовляли предметы личного убора и украшения. Из них наиболее известными являются фибулы, браслеты, кольца, булавки, подвески и др.

О домашнем характере этого ремесла говорят бронзолитейные тигли, найденные во многих жилищах Пилипенковой горы.

Очень важным является выяснение хозяйственной базы, экономической основы зарубинецкого общества. Вопреки традиционному представлению о главенствующей роли земледелия, мы думаем, что животноводство давало в тех условиях больше прибавочного продукта. Действительно, зарубинецкое население жило на берегах рек — Днепра, Припяти, Десны, в лесистой зоне (в ту пору граница леса проходила южнее), занимая малоплодородные прибрежные холмы. В таких условиях, вооруженные примитивными деревянными орудиями, люди могли в лучшем случае получать небольшие урожаи проса, ячменя или мягкой пшеницы — именно эти злаки культивировались тогда на Среднем Приднепровье, о чем говорят отпечатки их зерен на обломках сосудов, а также бобовых, репы, льна.

Совершенно в другом положении находилось животноводство. Безграничные луга поймы, густые дубовые леса создавали исключительно благоприятные условия для разведения домашних животных, прежде всего, свиней, крупного и мелкого рогатого скота, лошадей; не случайно многочисленные костные остатки обнаружены в культурном слое поселений и в погребениях.

Животноводство, наряду с лесными промыслами и охотой, было также базой обменной торговли с античными городами Северного Причерноморья, составляющей важную черту экономики зарубинецкого общества. К такому выводу можно прийти на основании сообщения древнегреческого историка II в. до н. э. Полибия. Такого же характера была экономика и у других племен Центральной Европы этого времени, в частности у древних германцев. Ф. Энгельс в своей работе «К истории древних германцев» отмечал, что земледелие имело уже большое значение, но скот все еще оставался главным достоянием*.

Значительно более сложным представляется выяснение идеологических представлений носителей зарубинецкой культуры. Здесь недостаточность источника сказывается особенно сильно.

Некоторые выводы можно сделать на основании особенностей погребального обряда. Трупосожжение — основной, а в некоторых районах культуры единственный тип погребения — указывает на широкое распространение культа огня. Наличие в могилах посуды, предметов личного убора и украшений, мясной пищи, иногда орудий труда свидетельствует о вере в существование потустороннего мира. Для зарубинецких погребений характерно отсутствие оружия в погребениях. Видимо, это можно объяснить большой ценностью предметов из железа — копий, дротиков, мечей — для многих племен Европы того времени, засвидетельствованной Тацитом.

Обращает на себя внимание единообразие в основных деталях погребального обряда, отмечаемое для всех областей распространения зарубинецкой культуры. Это обстоятельство дает возможность говорить об единстве населения, жившего на значительных по своим размерам пространствах Верхнего и Среднего Приднепровья и, с другой стороны, позволяет не включать в зарубинецкую территорию районы, где зафиксированы культуры с обрядами, в важных чертах отличающимися от зарубинецкого. К их числу относится, например, лукашевско-пояншеская культура (трупосожжения с захоронением праха в урнах, закрытых крышками, что для зарубинцев неизвестно) или пшеворская (трупосожжения с захоронением праха в ямах, в сопровождении инвентаря, побывавшего в огне погребального костра, что для зарубинцев не характерно) и пр.

Нами были рассмотрены результаты исследования памятников зарубинецкой культуры. Приведенные данные осветили некоторые неясные стороны и спорные аспекты истории населения Среднего Приднепровья на рубеже нашей эры.

Естественно, не все проблемы решены. Необходимо еще продолжать полевые работы, в частности по исследованию поздnezарубинецких памятников, имеющих большое значение для понимания этого этапа в истории сложения славян. Возможны и другие направления в исследовании зарубинецкого этапа истории населения Среднего Приднепровья, важность которого для славянской истории нет основания преуменьшать.

* К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 452.

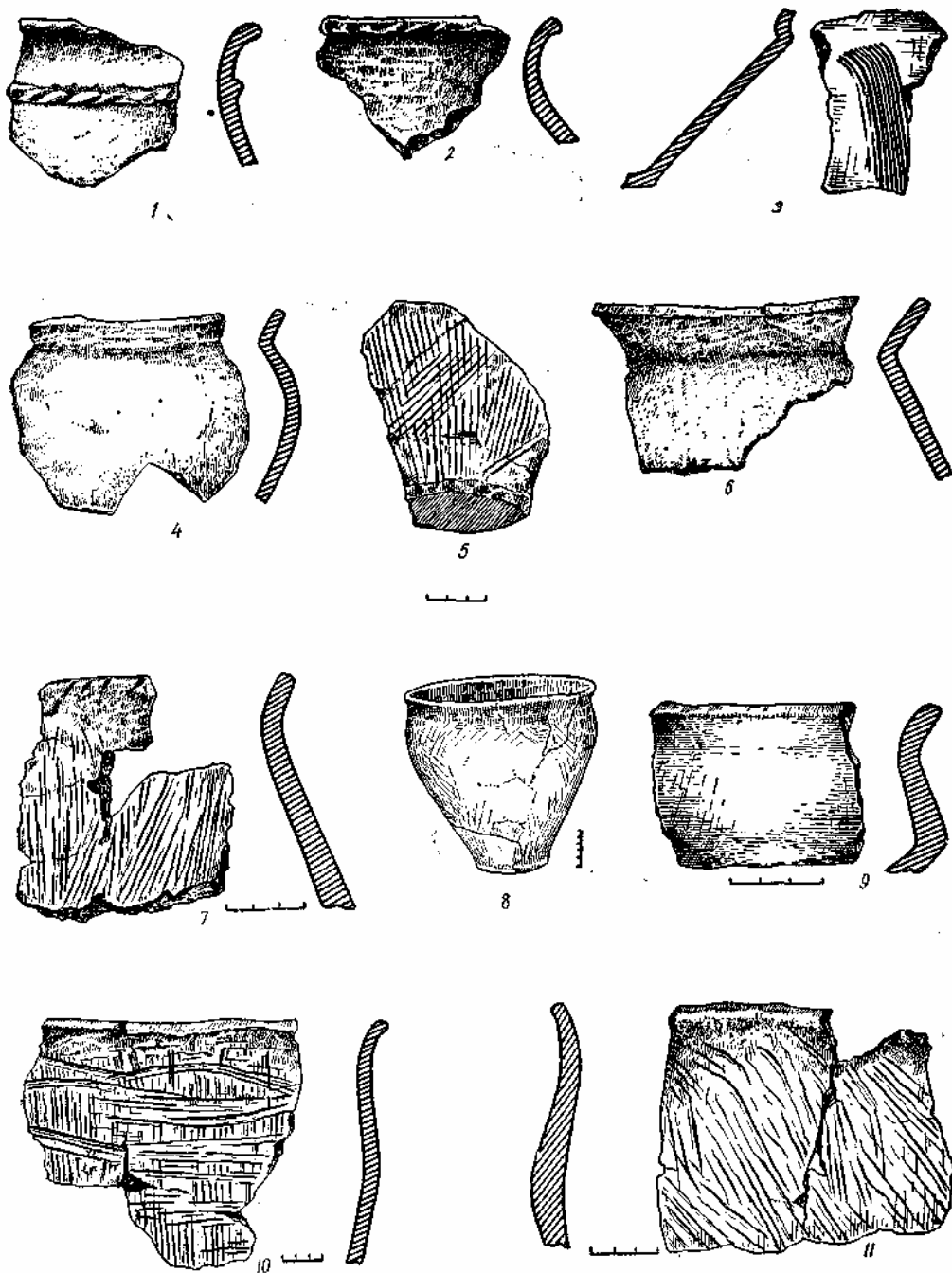

Табл. I. Поселения Казаровичи (1—6), Грини (7—11).

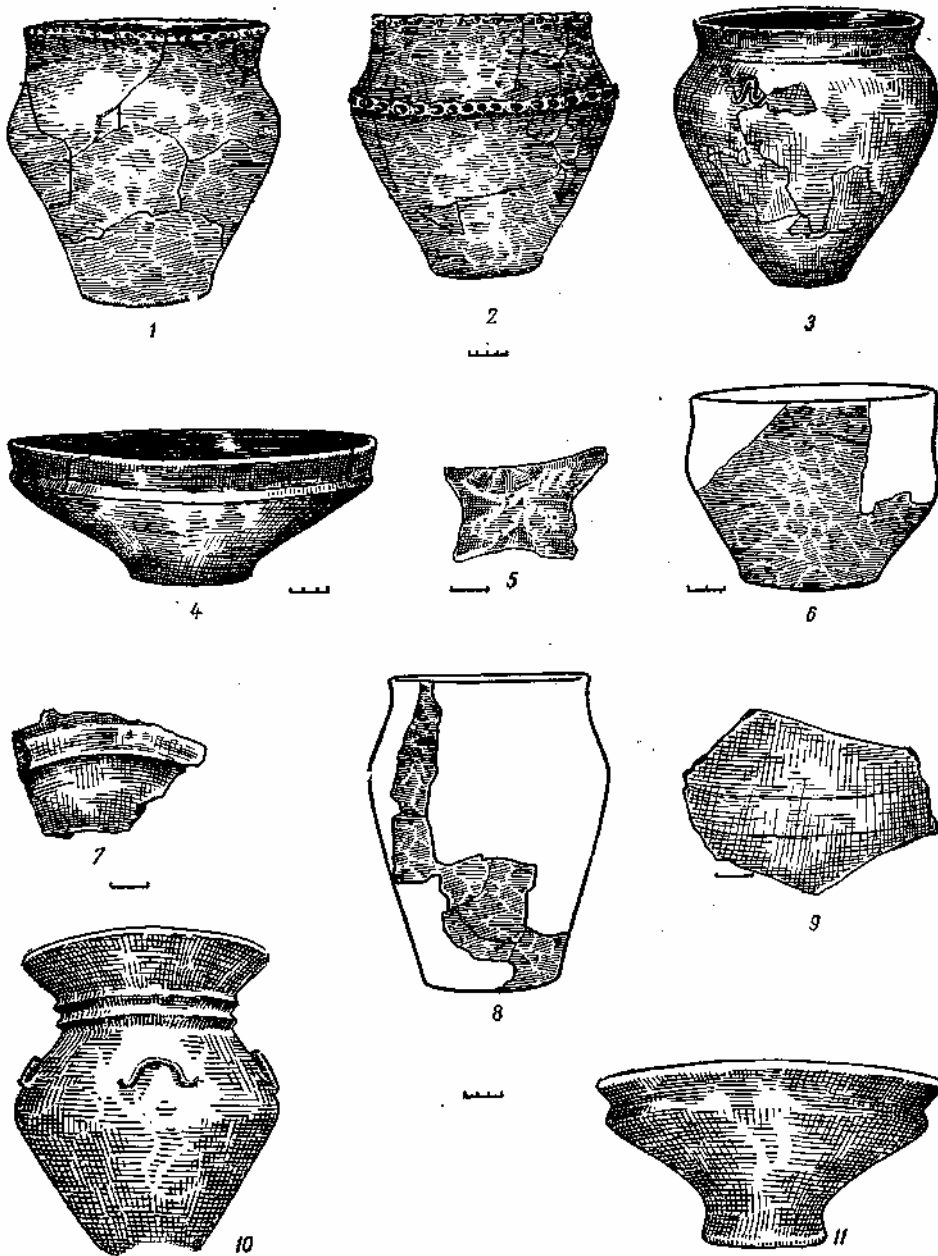

Табл. II. Поселение Лютеж и Трахтемировский могильник:

1—4 — зарубинецкая керамика; 5—стекло; 6, 8—сосуды середины I тысячелетия н. э.; 7, 9—обломки черняховских круговых сосудов; 10, 11—сосуды Трахтемировского могильника

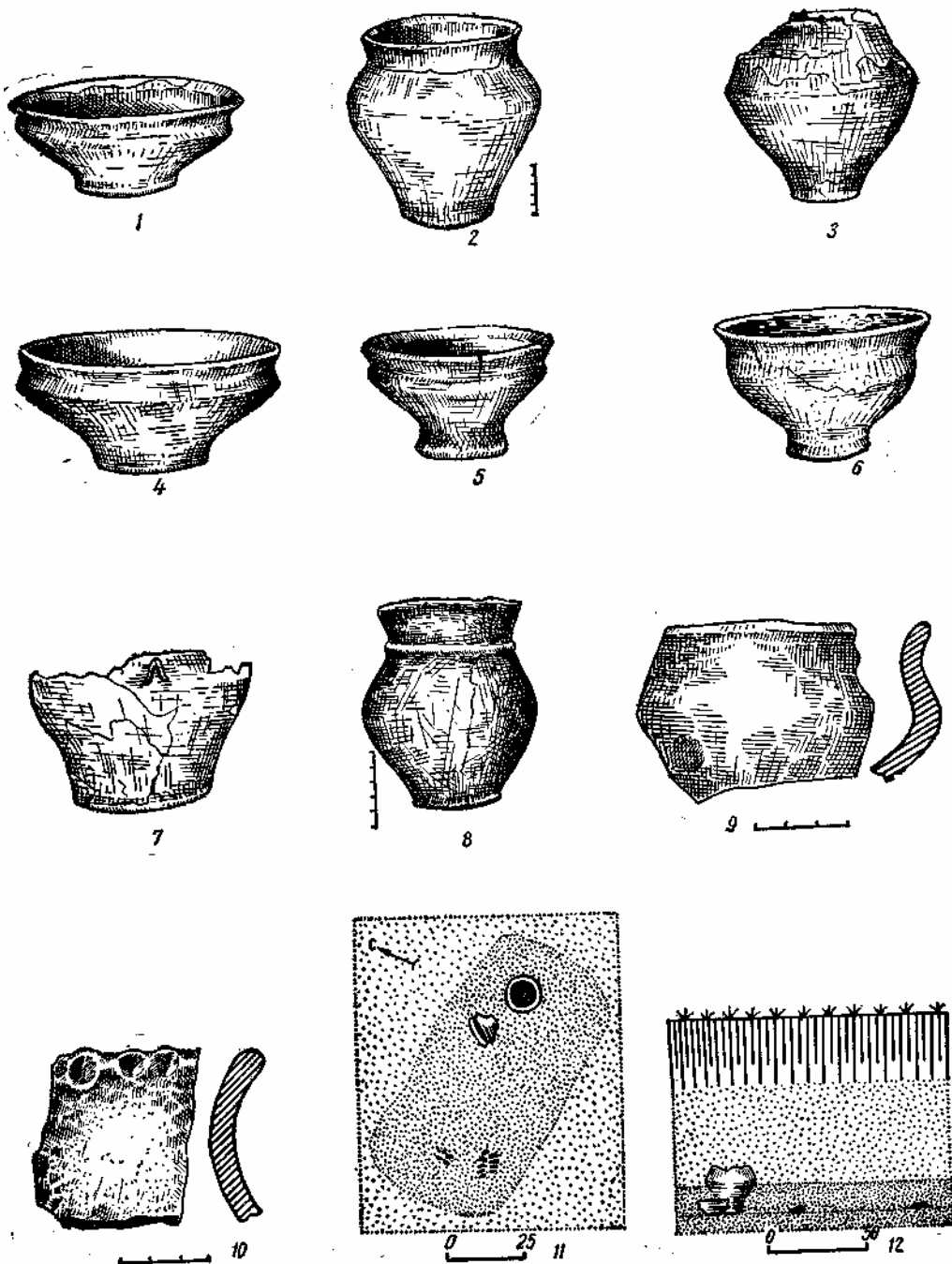

Табл. III. Могильник Хотяновка (1—8, 11, 12); поселение Погребы (9, 10).

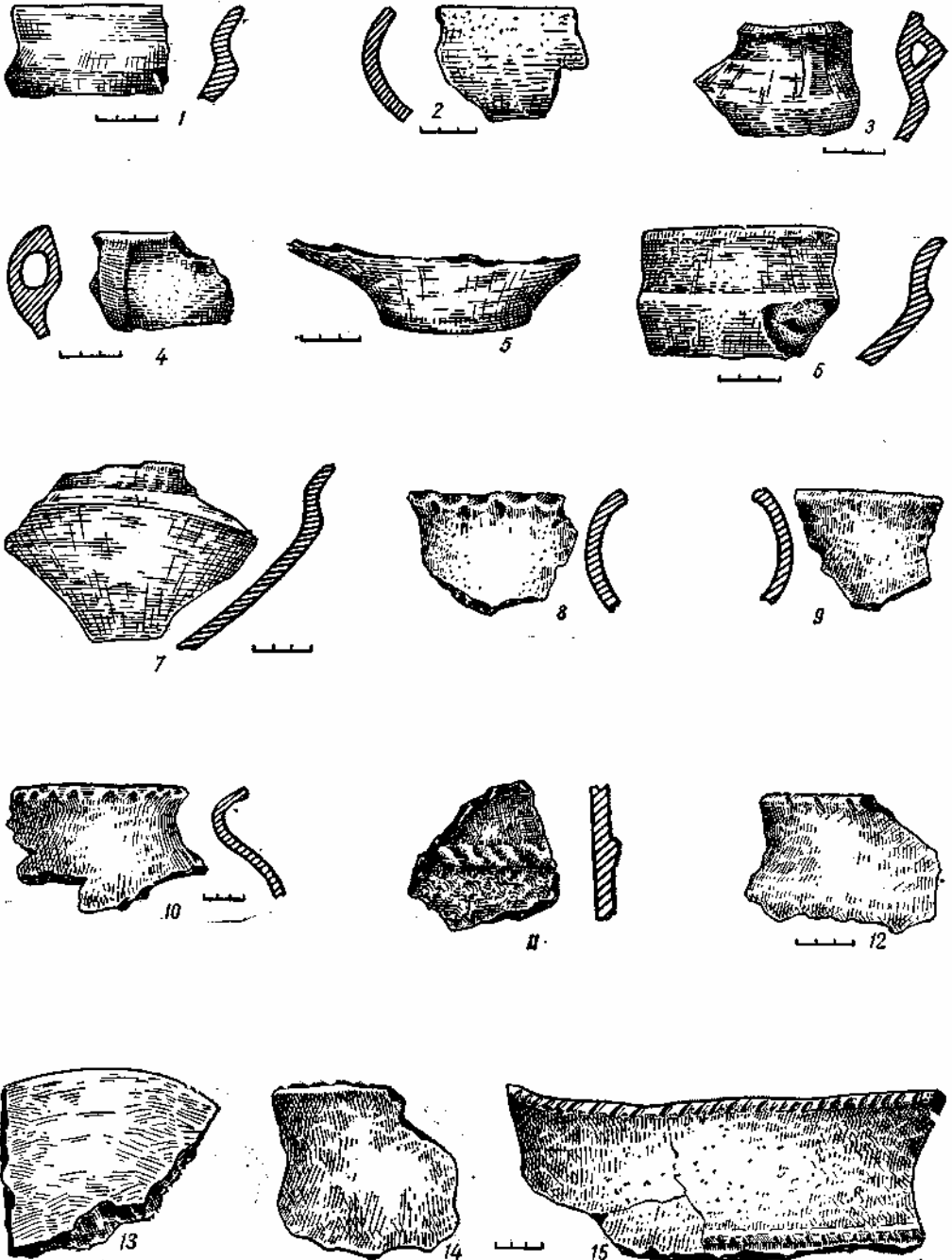

Табл. IV. Поселение на горе Юрковице в Киеве.

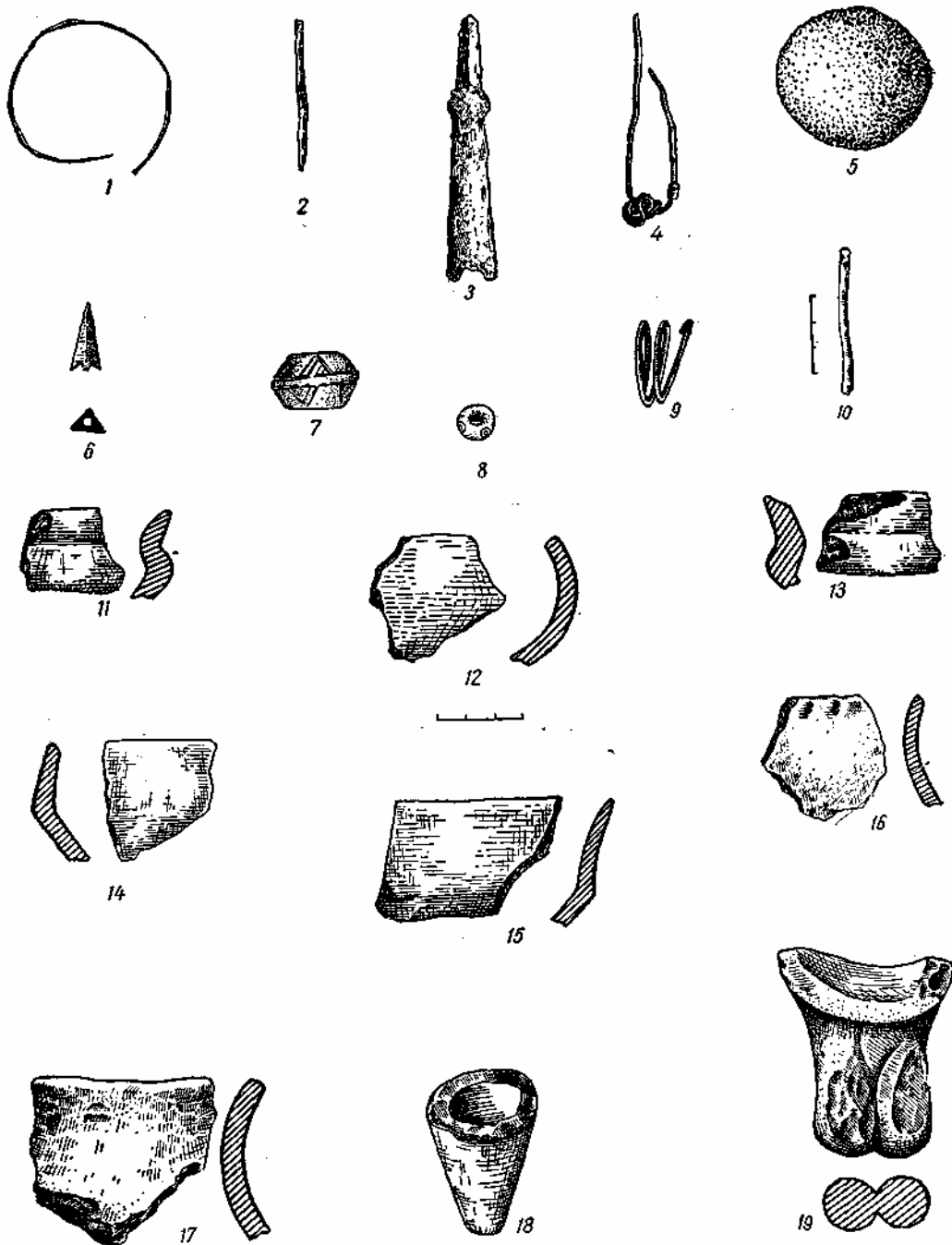

Табл. V. Поселение Юрковица (1—10); поселение на горе Киселевке в Киеве (11—19).

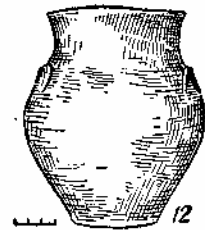
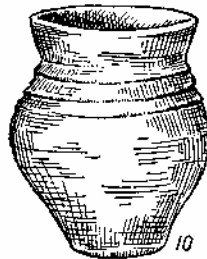
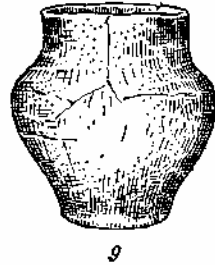
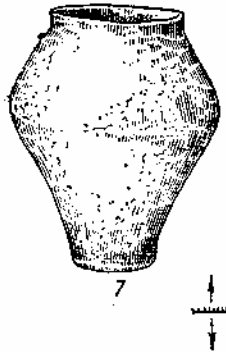
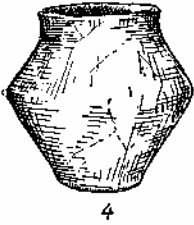
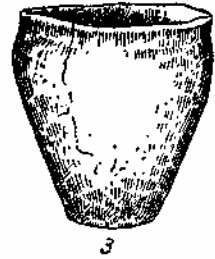
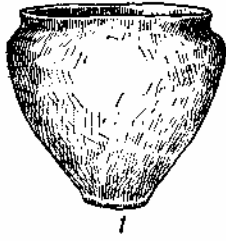
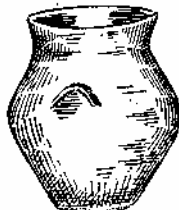

Табл. VI. Горшки из погребений Корчеватовского могильника.

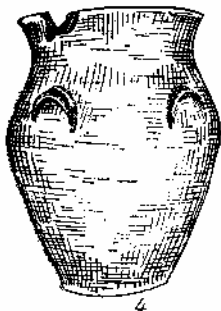
1

2

3

4

5

6

7

8

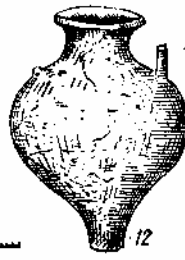
9

10

11

12

Табл. VII. Горшки, кувшины и амфора из Корчеватовского могильника.

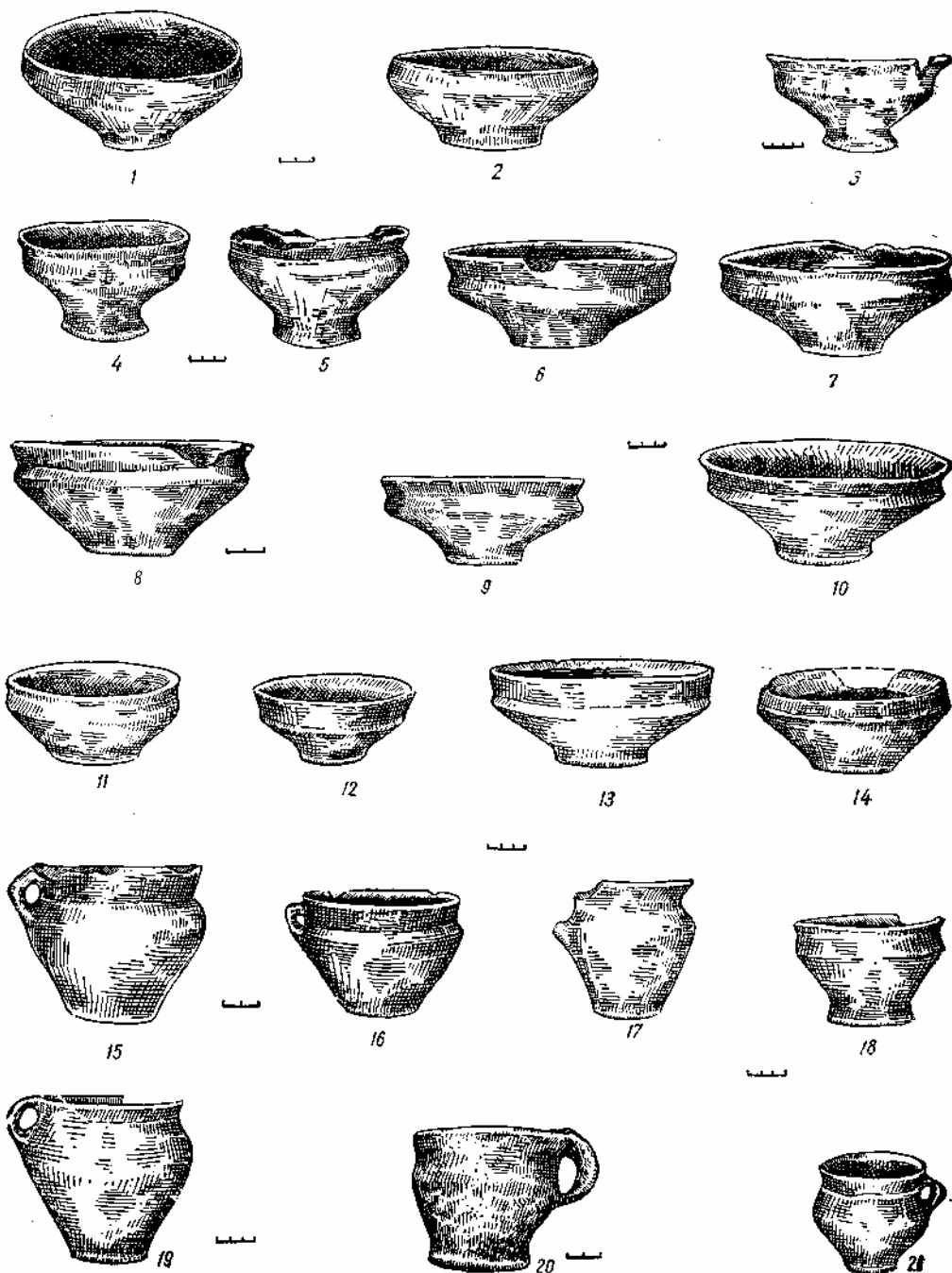

Табл. VIII. Корчеватое. Миски и кружки из погребений.

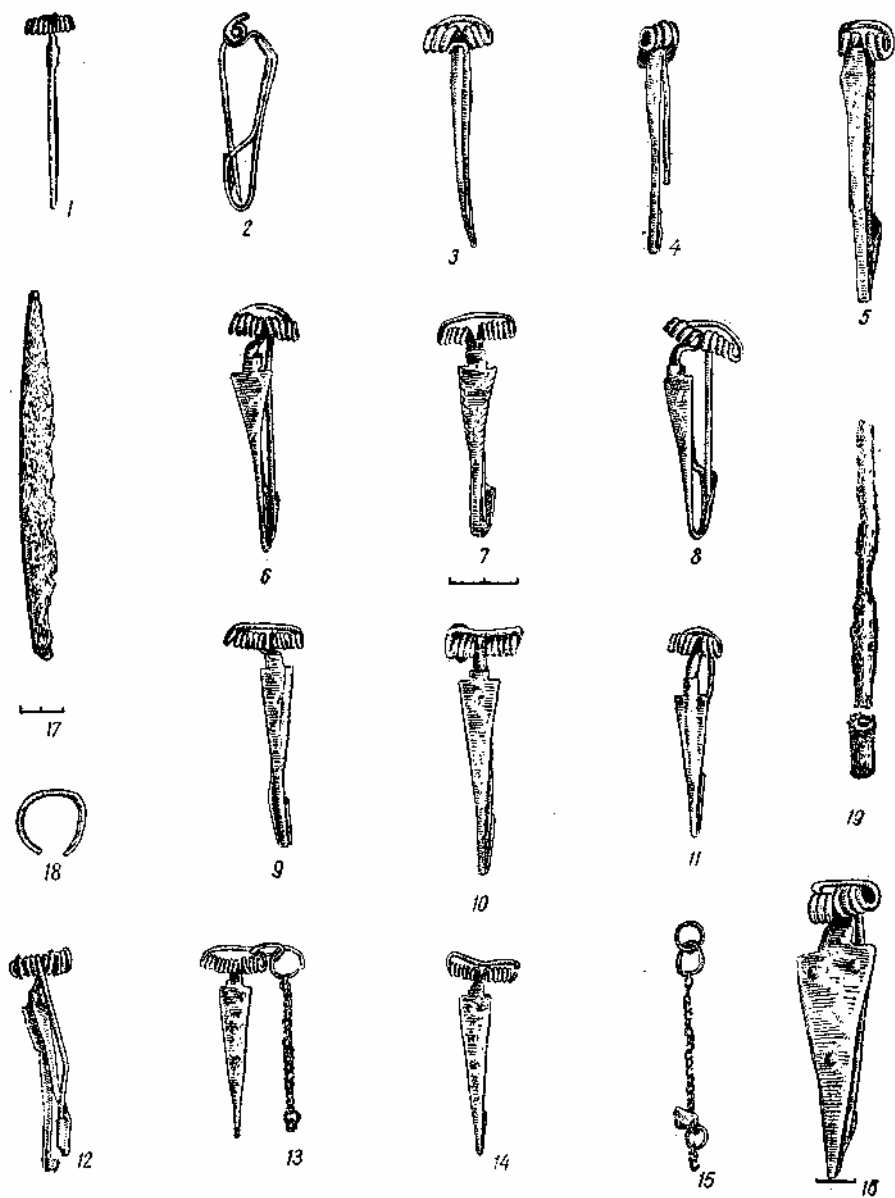

Табл. IX. Корчеватовские бронзовые фибулы, железный нож, кольцо и наконечник копья.

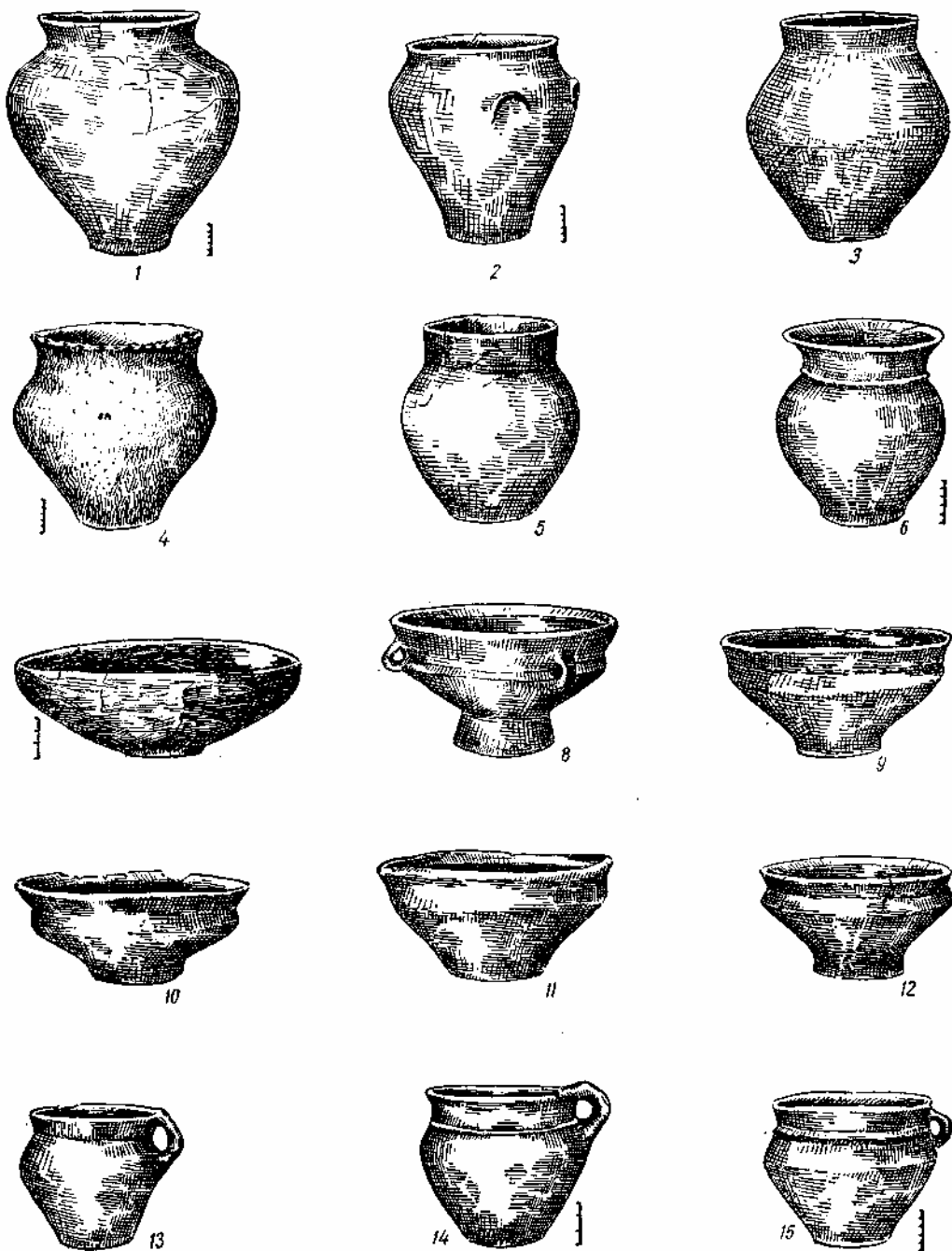

Табл. X. Сосуды из погребений Пироговского могильника (раскопки 1966 г.).

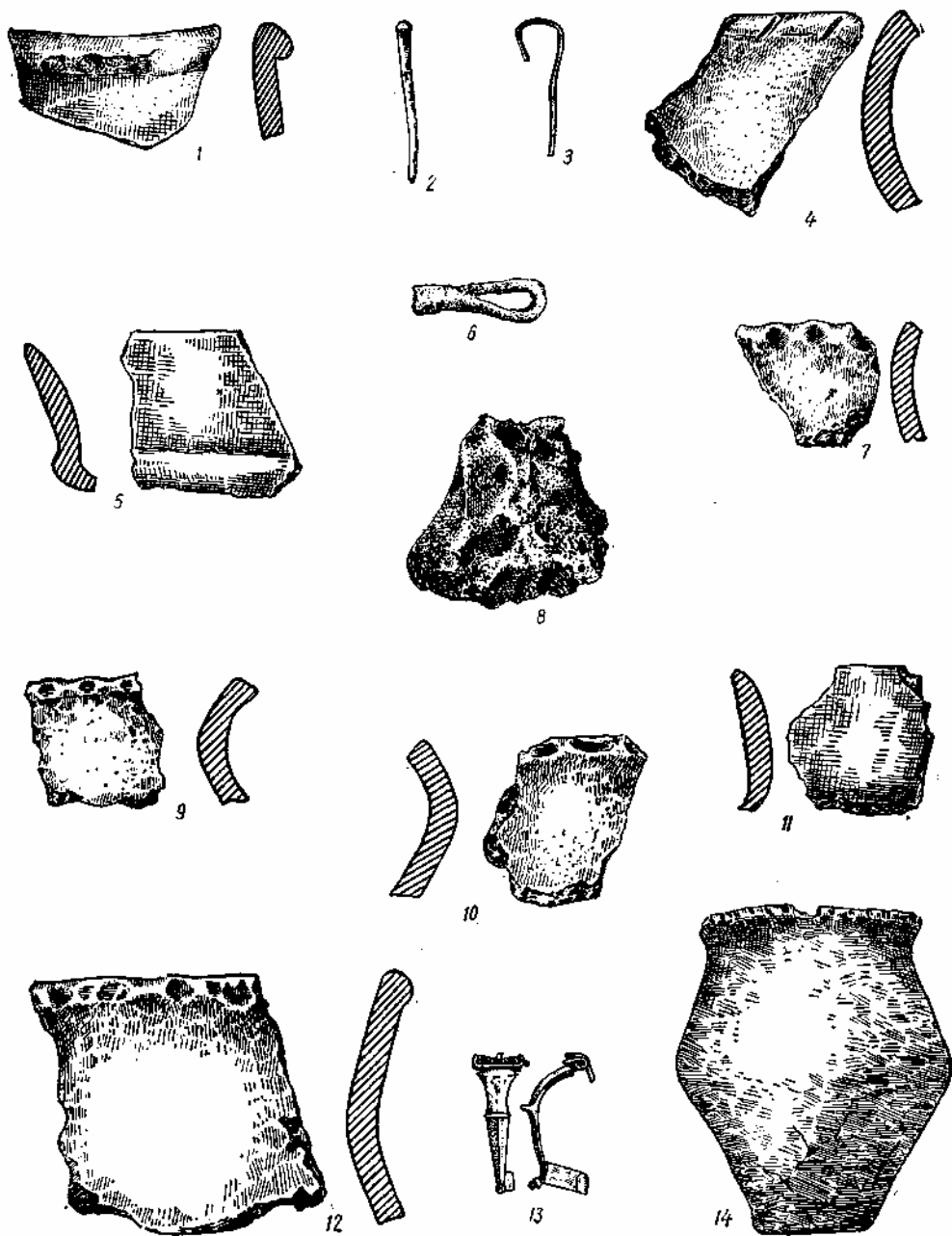

Табл. XI. Кийлов (1-5); Балько-Щучинка, (6, 14); Ходосовка (7, 8, 10, 11); Таценки (9, 12), Рудяки (13) (1-13- $\frac{1}{2}$ н. в., 14- $\frac{1}{8}$ н. в.).

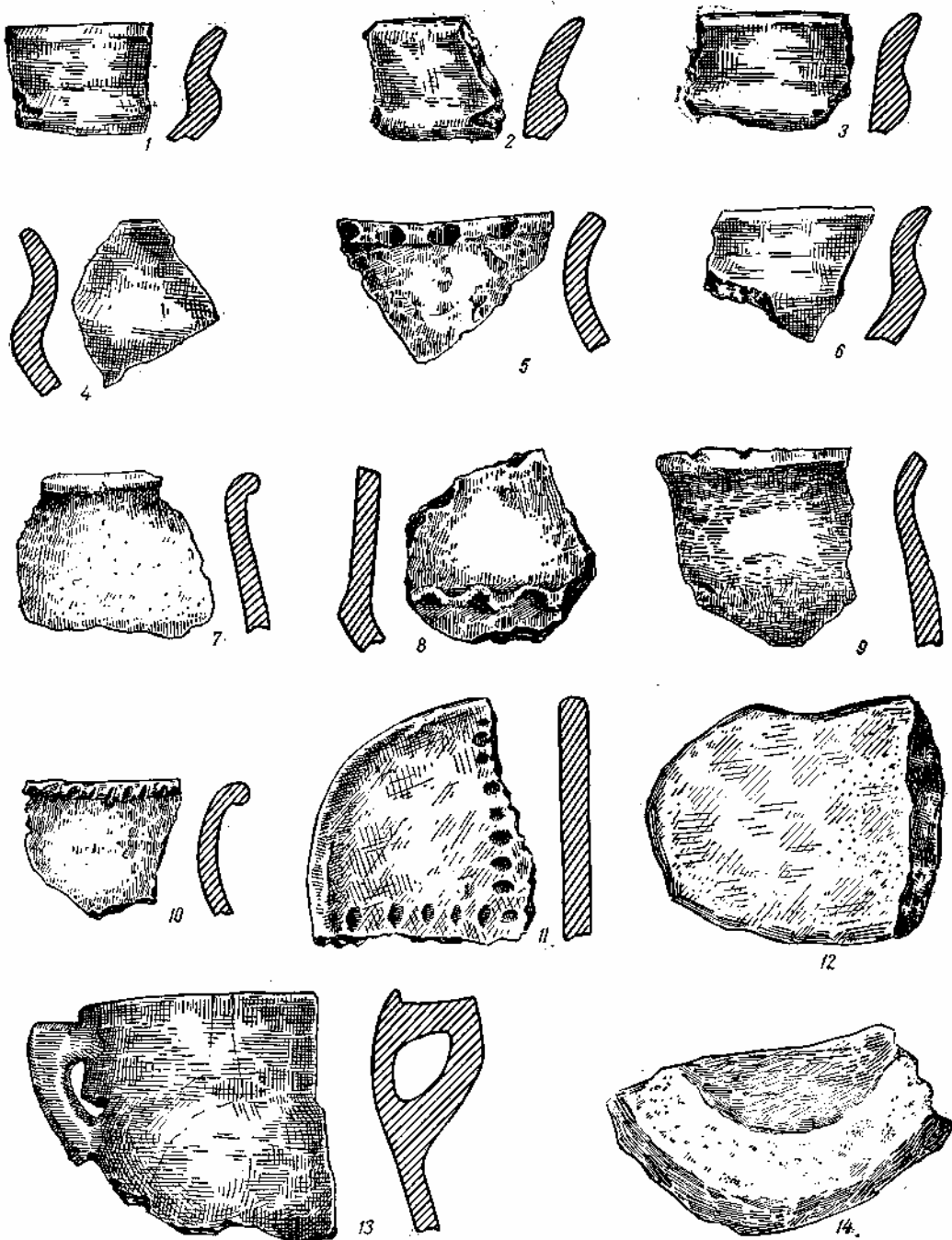

Табл. XII. Таценки (7—14— $\frac{1}{2}$ н. в.)

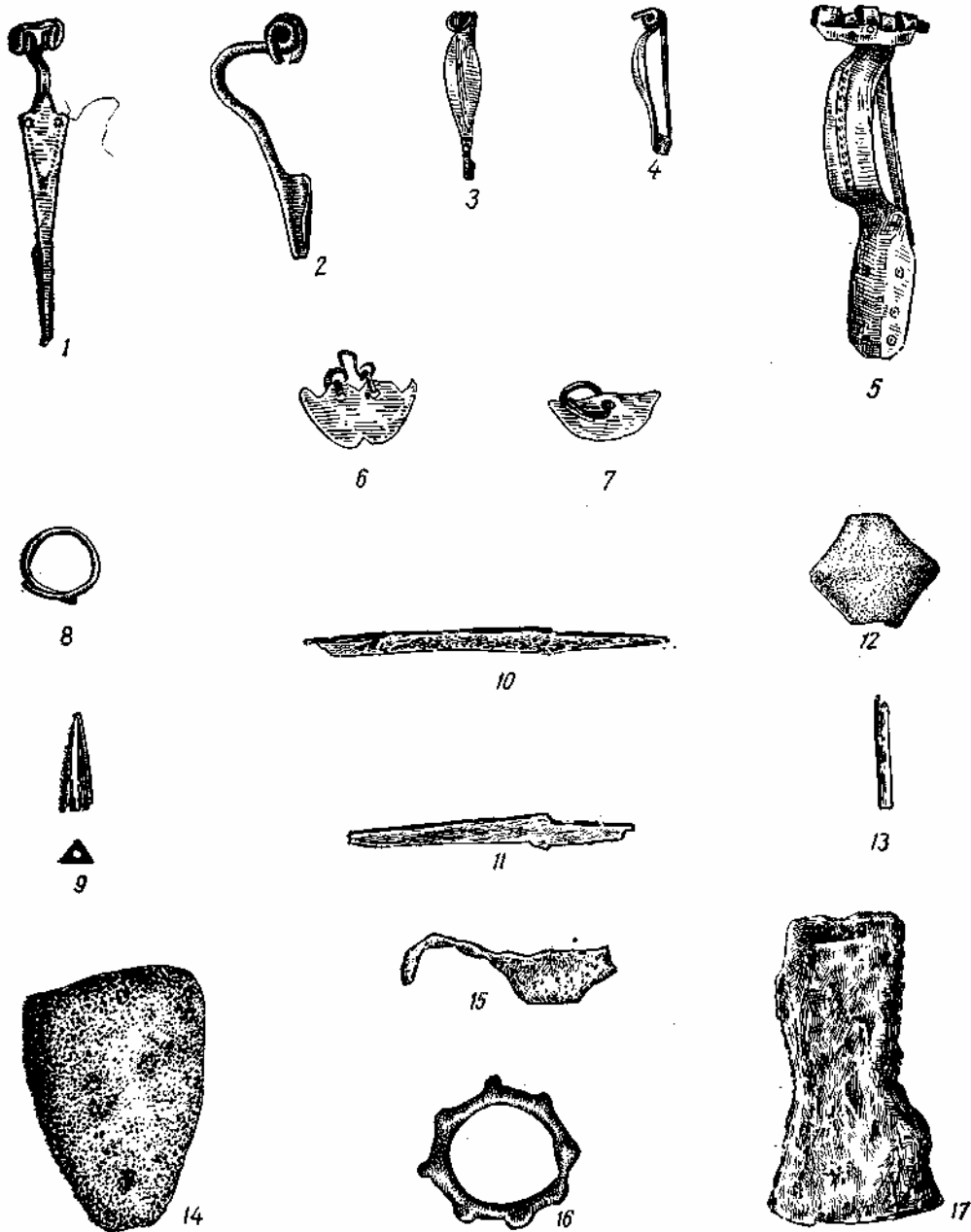

Табл. XIII. Ташенки (1—17— $\frac{3}{5}$ н. в.).

Табл. XIV. Городище Ходоров.

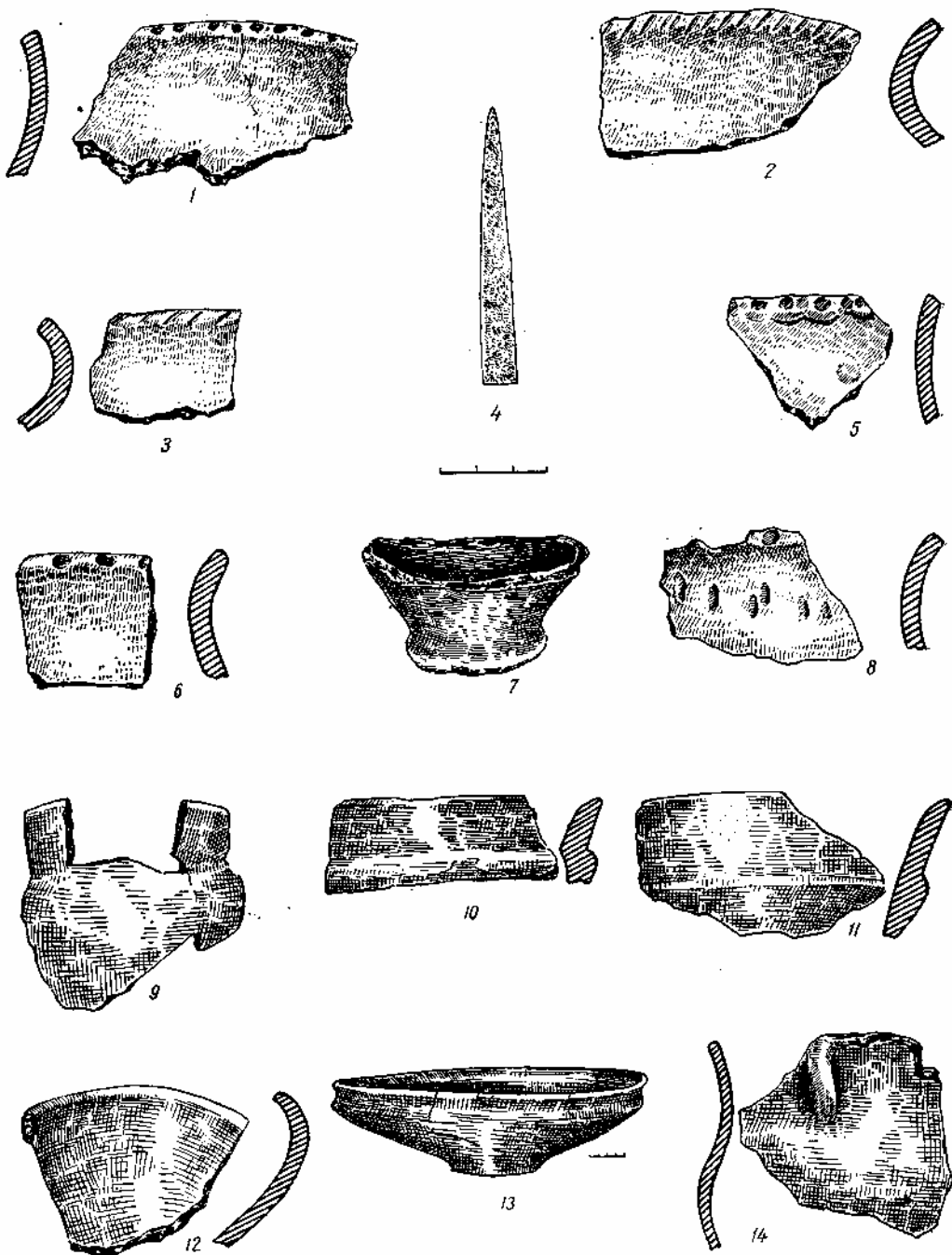

Табл. XV. Городище Монастырек.

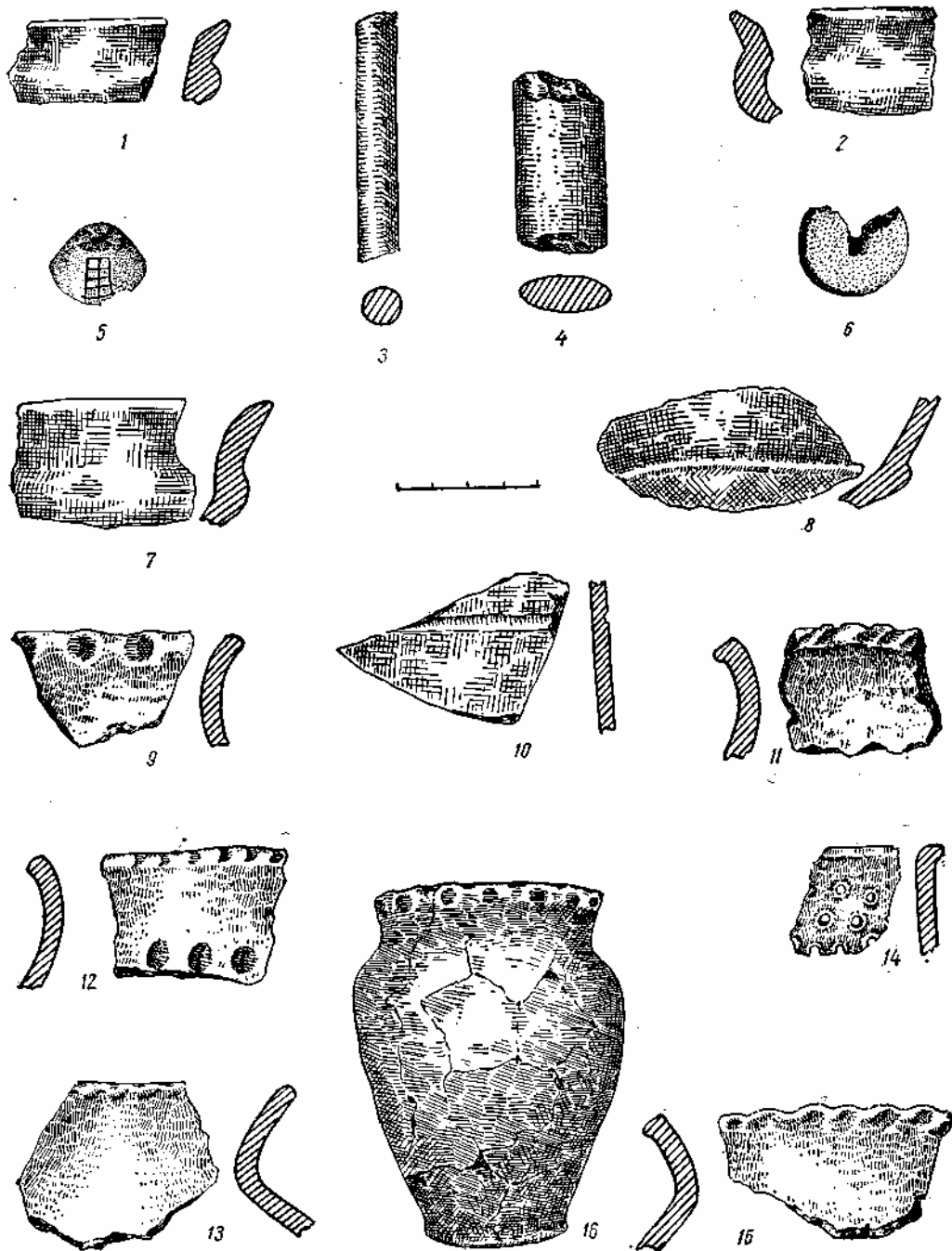

Табл. XVI. Поселение Зарубинцы (Малая горка) (16—¹/₆ н. в.).

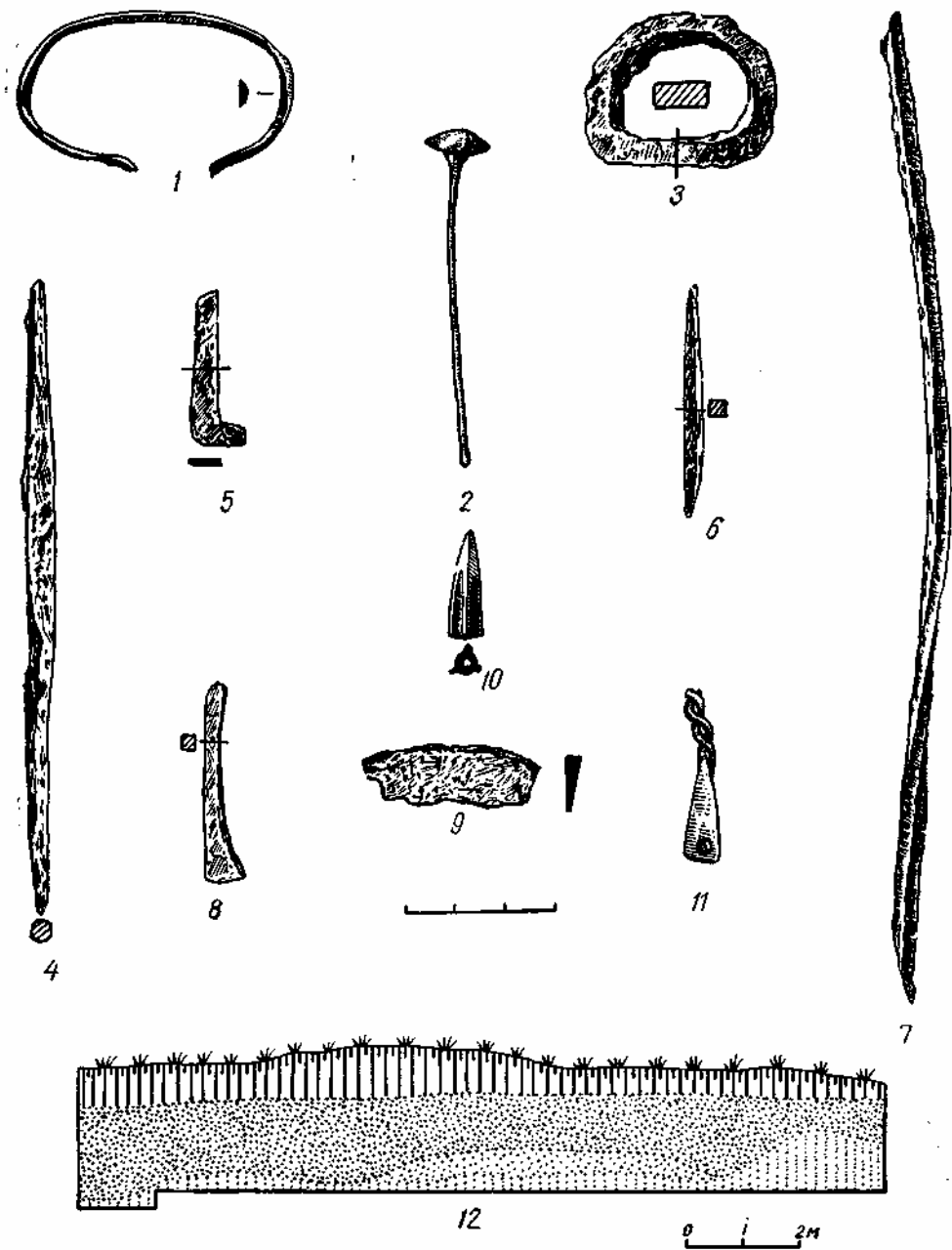

Табл. XVII. Зарубинцы.

Табл. XVIII. Городище Бабина гора (Бучак).

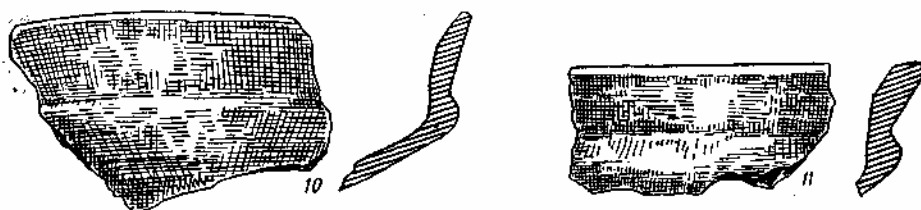
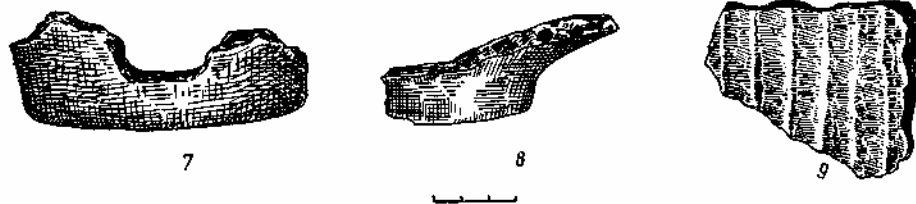
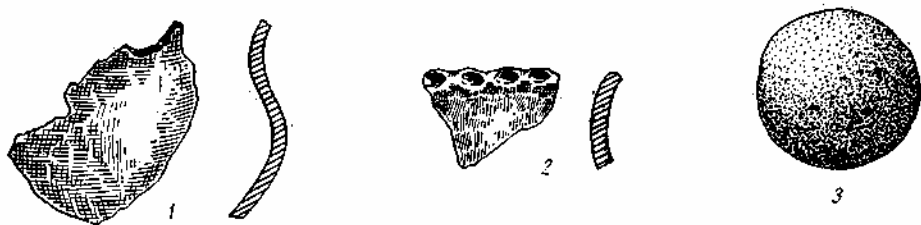

Табл. XIX. Поселение Селище (1—3) и гора Московка (Канев) (4—11).

Табл. XX. Городище Пилипенкова гора (11—1/5 н.в.)

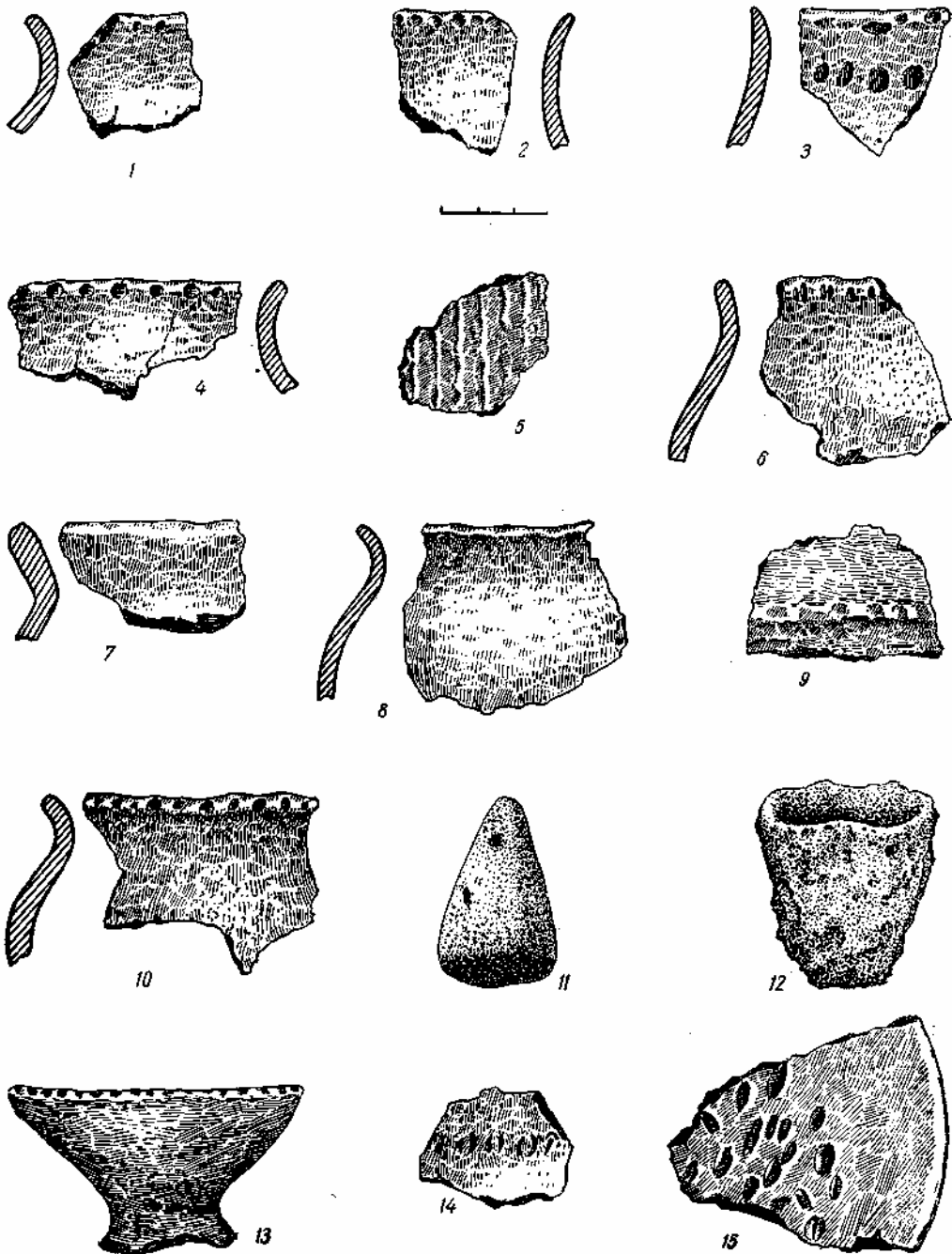

Табл. XXI. Пилипенкова гора.

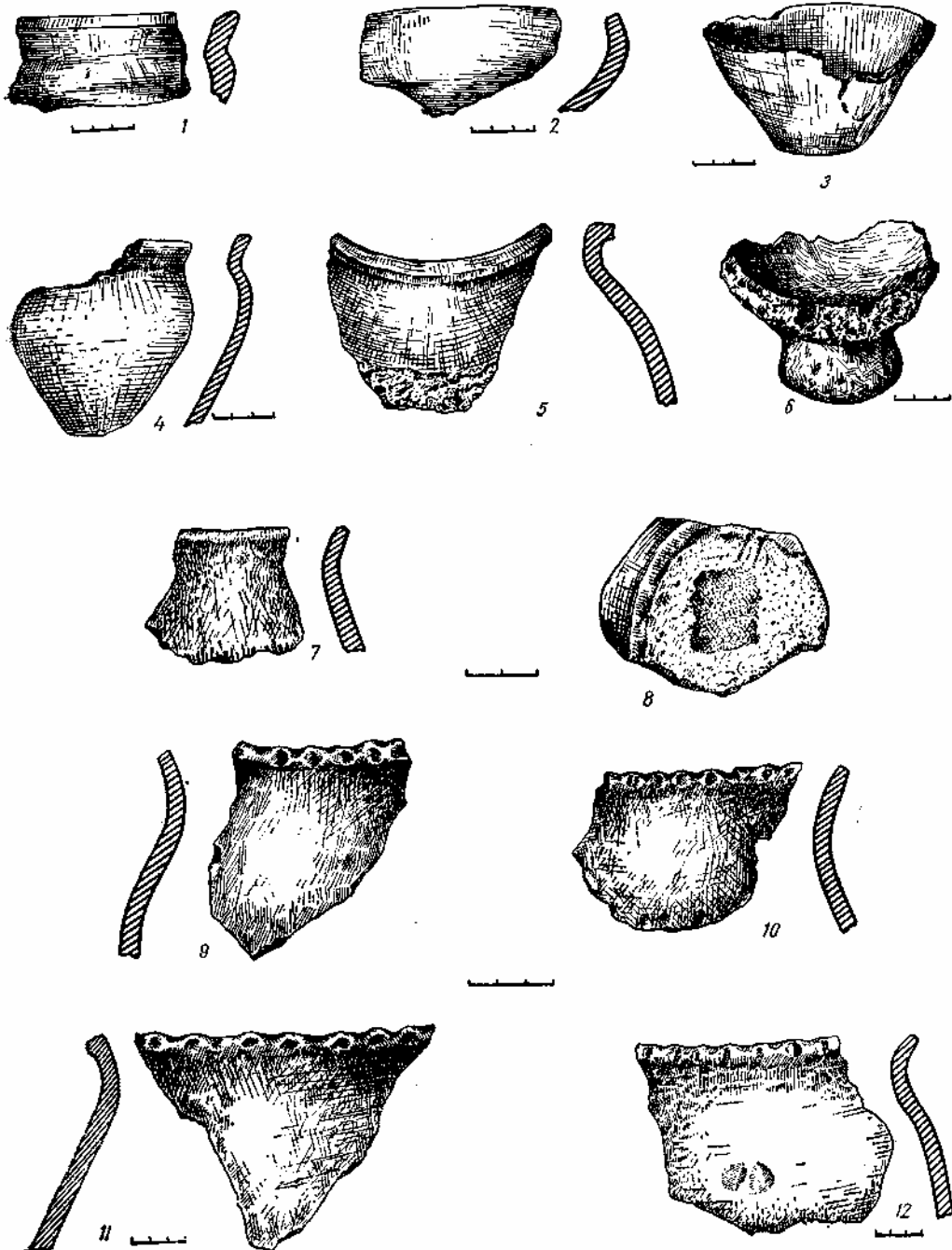

Табл. XXII. Поселение Харьвка.

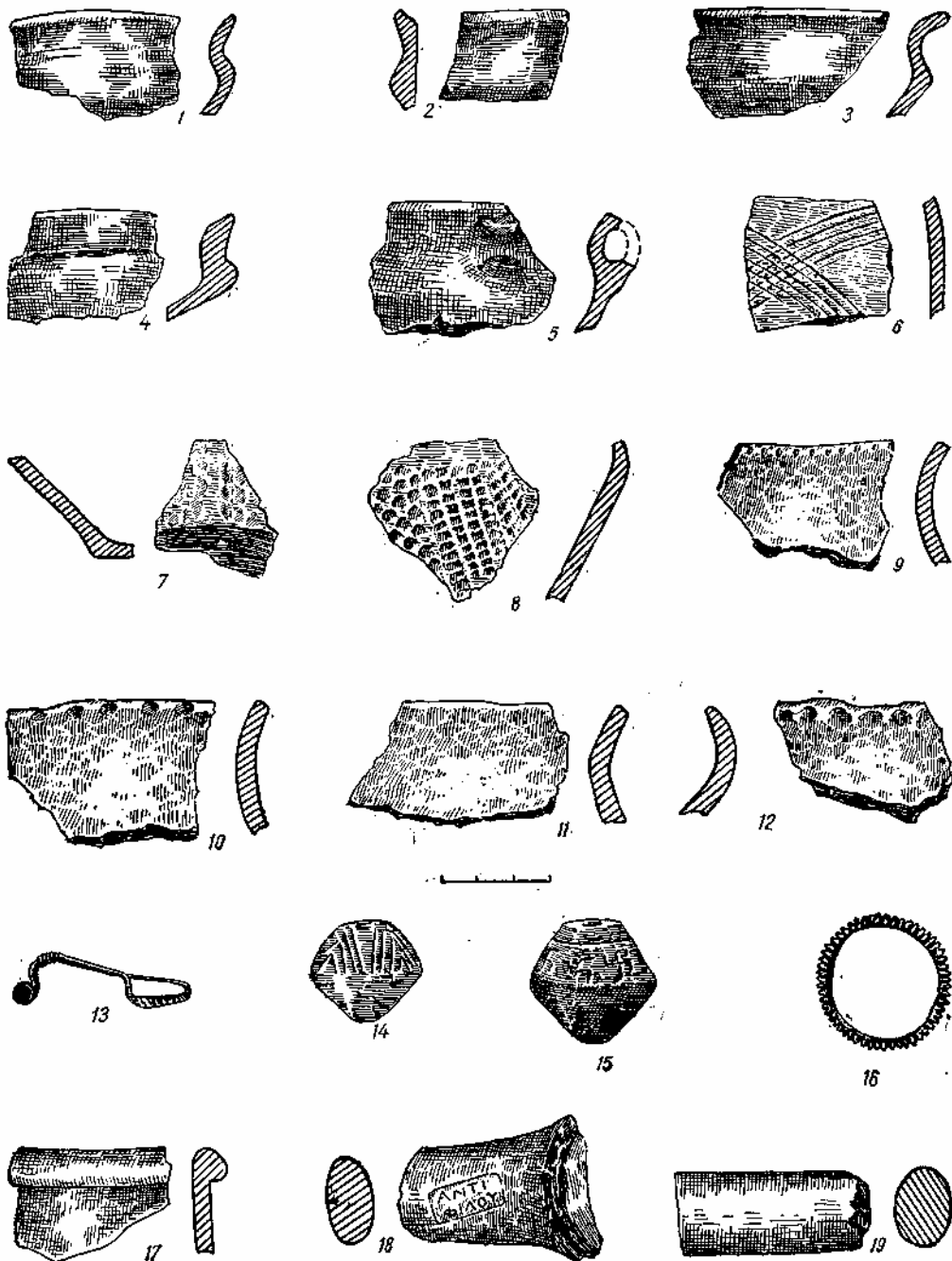

Табл. XXIII. Городище Басовка.

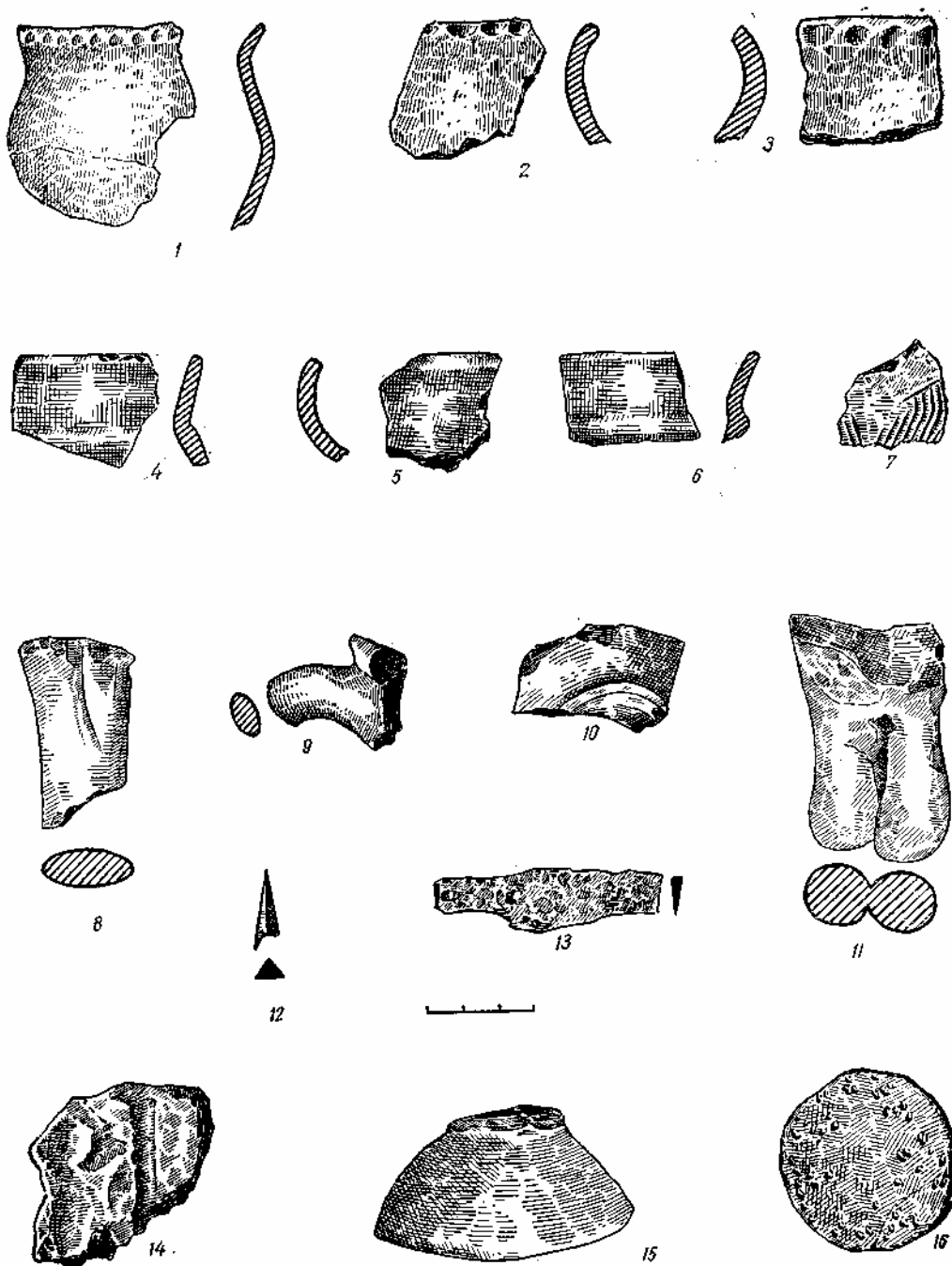

Табл. XXIV. Поселение Жаботин (Завадовка).

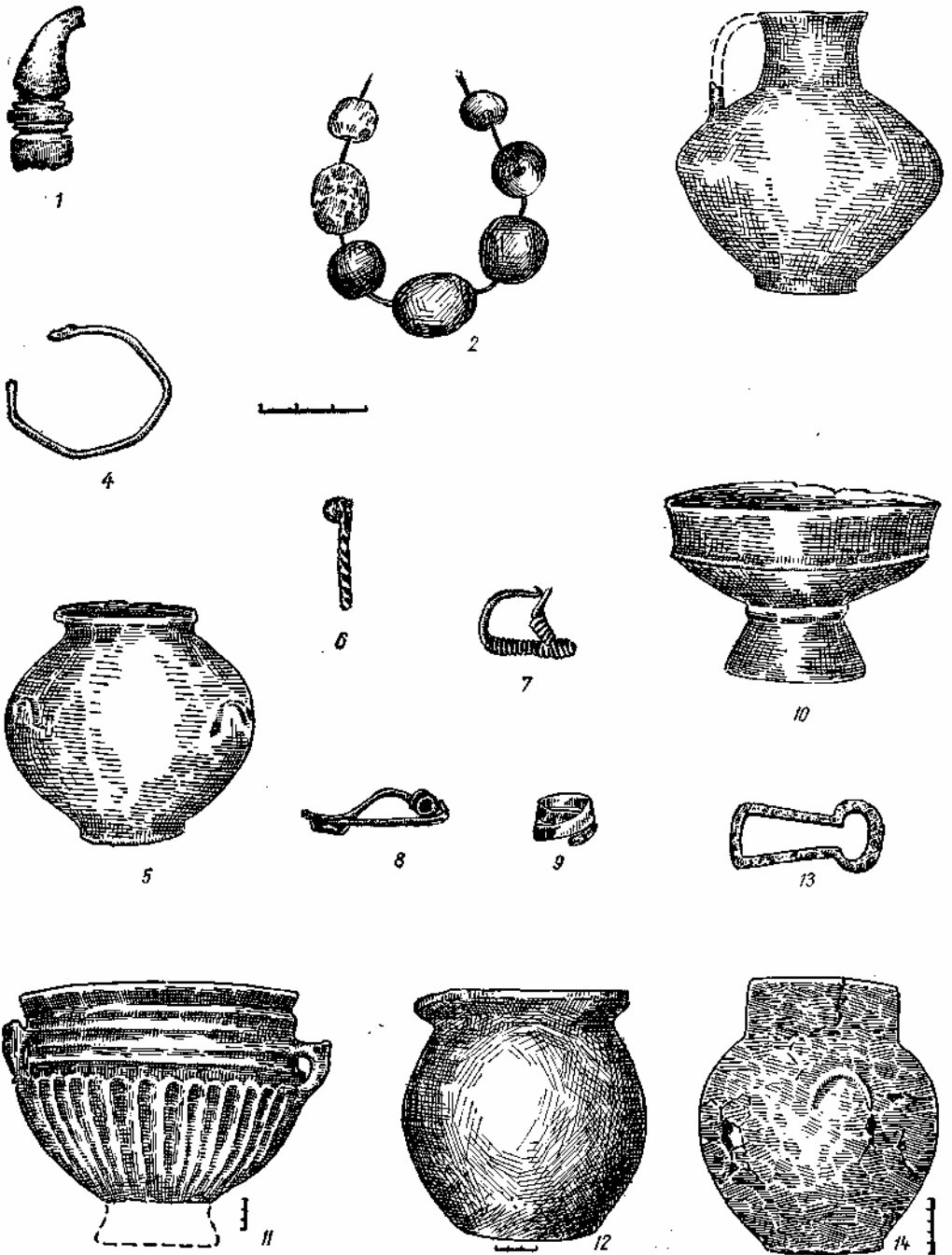

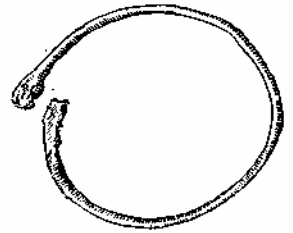
Табл. XXV. Суботовский могильник (1—12); могильник в с. Жаботин (13, 14) (3, 5, 10— $\frac{1}{4}$ н. в.).

1

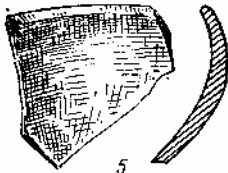
2

4

3

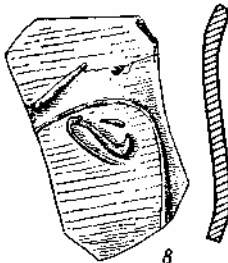
5

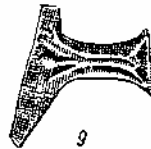
6

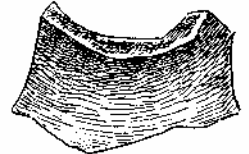
7

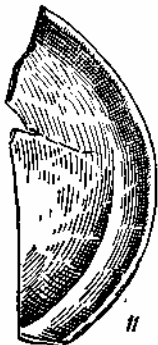
8

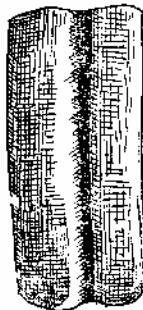
9

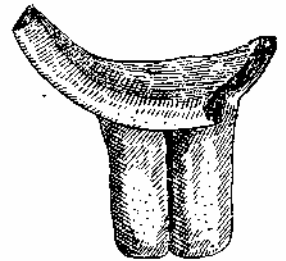
10

11

12

13

Табл. XXVI. Материалы с Суботовского могильника (1—4) и поселения (5—13) (1—1/6 н. в.).

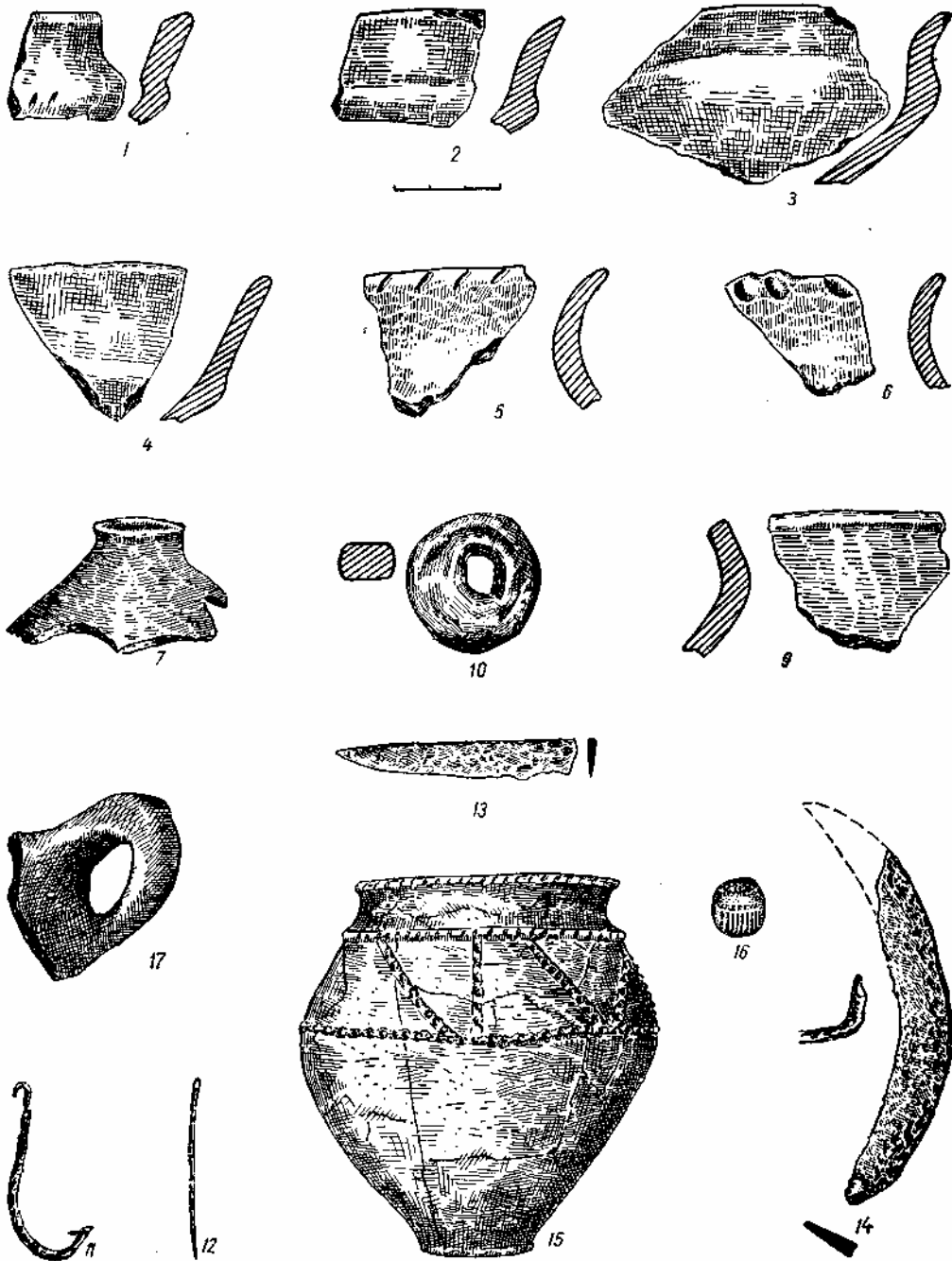

Табл. XXVII. Поселение Суботов (15—¹/₁₀ н. в.).

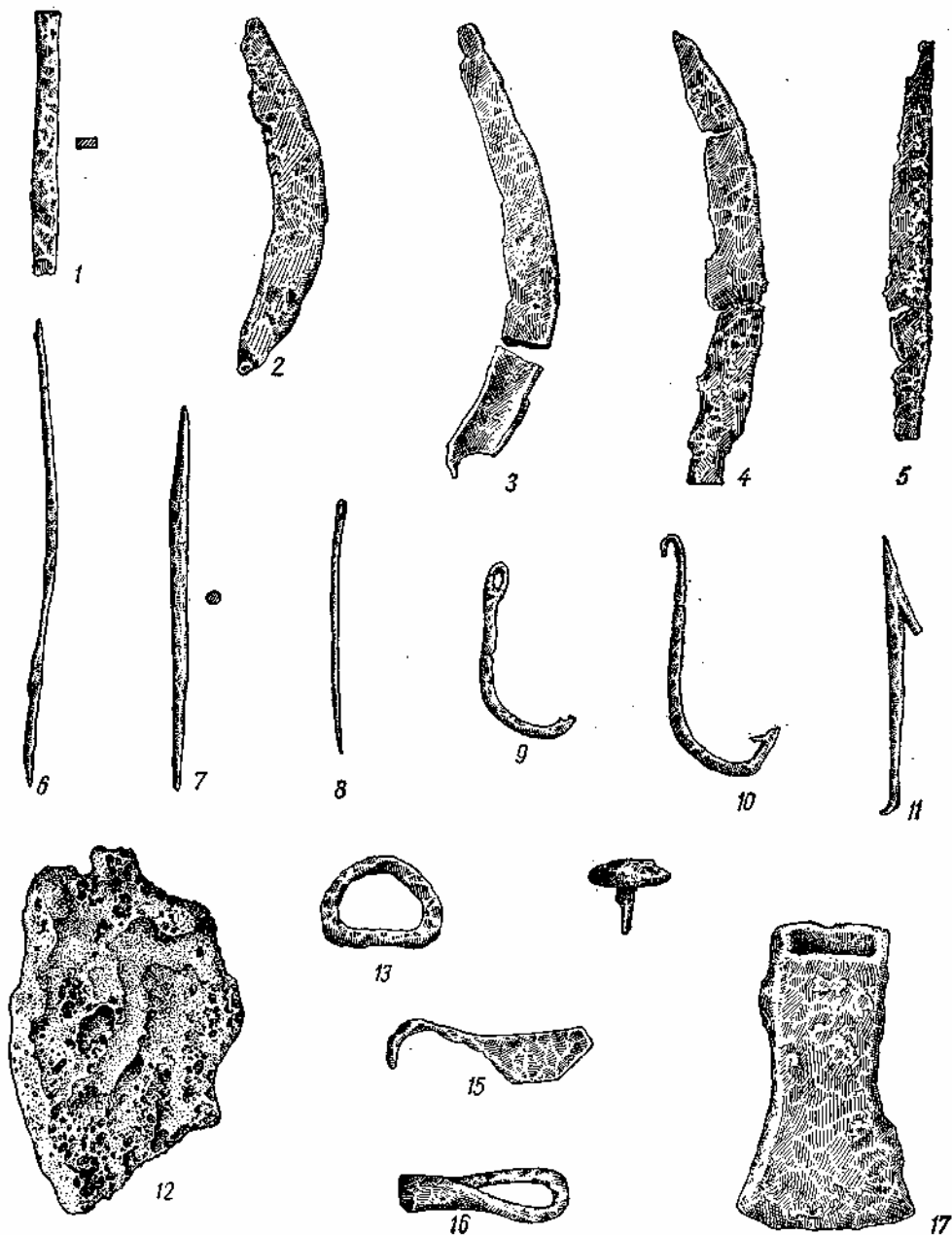

Табл. XXVIII. Кузнечные изделия. Обломок крицы (12) (1—17— $\frac{3}{5}$ н. в.).

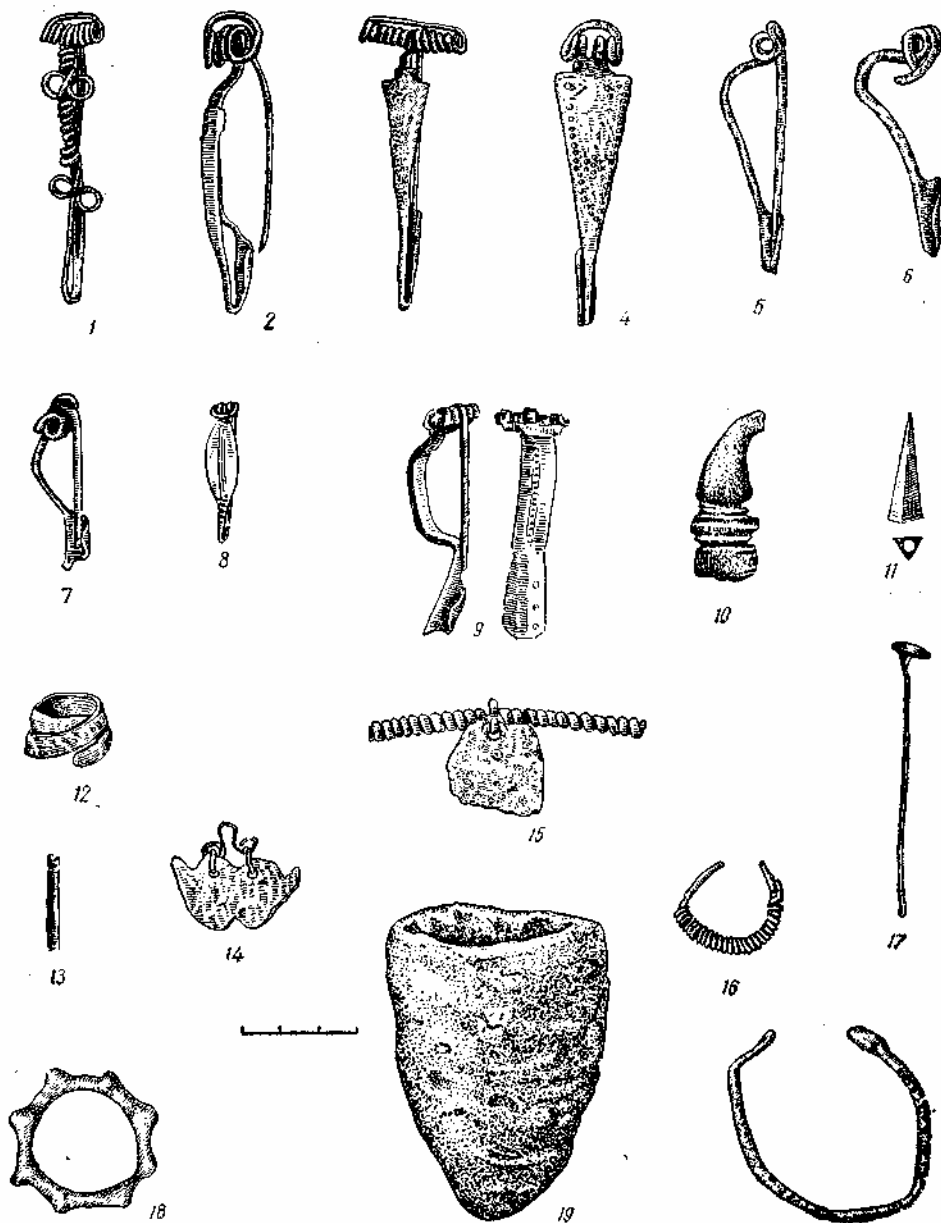

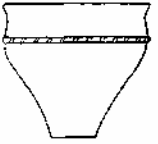

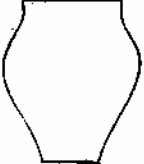

Табл. XXIX. Изделия из бронзы. Бронзолитейный тигель (19).

Простые горшки

Группа Вариант	А	Б	В
1			
2			

Лощеные горшки

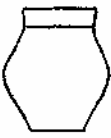

1			
2			
3			

Табл. XXX. Типы среднеднепровских зарубинецких горшков.

Лощеные миски

Группа Вариант	А	Б	В	Г
1				
2				
3				

Лощеные кружки

1				
2				
3				

Табл. XXXI. Типы среднеднепровских зарубинецких мисок и кружек.

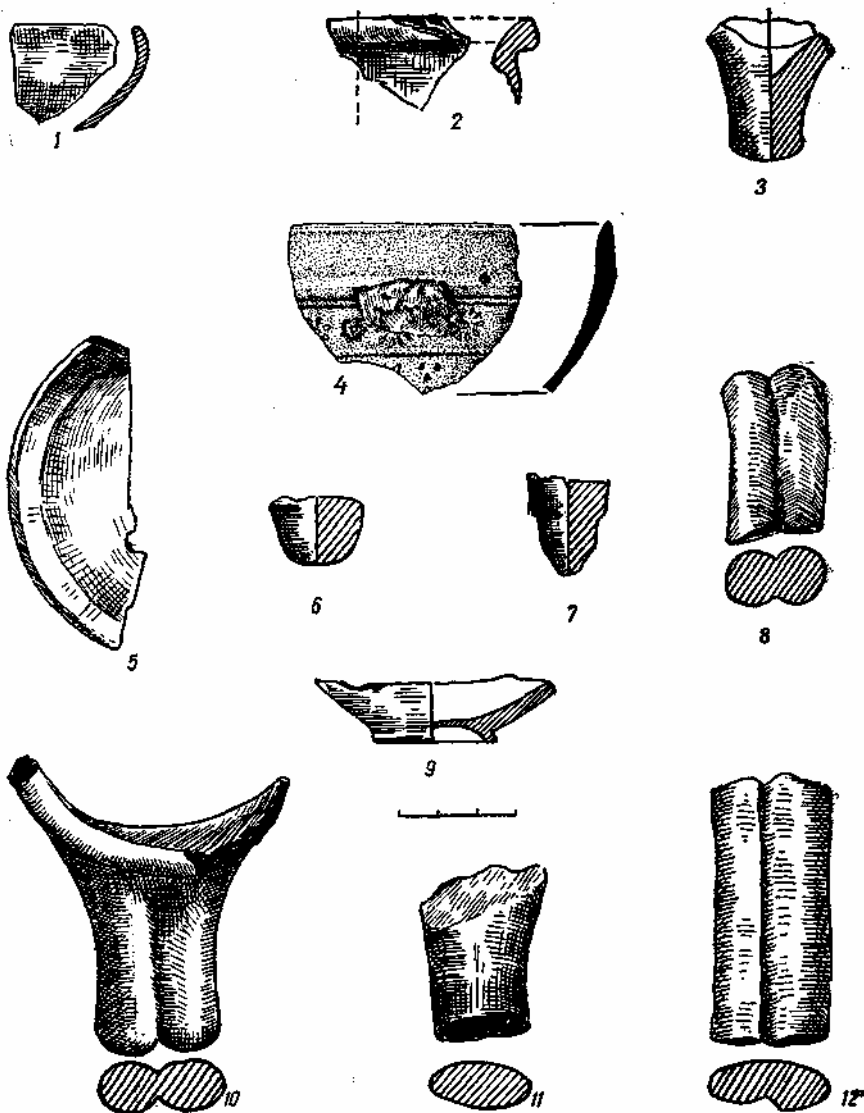

Табл XXXII Образцы античной керамики, найденной на зарубинецких поселениях Среднего Приднпровья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О РЕЗУЛЬТАТАХ
МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ЗАРУБИНЕЦКИХ КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИИ

Анализ выполнен Г. А. Вознесенской
Институт археологии АН СССР

Из исследованных 14 предметов, происходящих из семи памятников, почти все изделия оказались выкованными целиком из железа без дополнительных технологических операций. Установлено невысокое качество механической обработки металла. Железо сильно загрязнено шлаковыми включениями, причем нередки крупные включения, свидетельствующие о небрежной и нетщательной проковке как полуфабриката железа, так и самой заготовки. Металл обладает, как правило, крупным зерном, неоднородностью строения, деформированными кристаллами. Технологическая характеристика зарубинецкого черного металла существенно отличается от металла черняховской культуры, основным признаком которого является высокое качество кузнечной обработки (однородная структура, отсутствие шлака, применение пакетного металла, цементация и др.) и имеет много общего с металлом раннеславянского поселения у с. Пеньковка.

Анализ 500. Гвоздь. Зарубинцы, 1962 г., № 397. Гвоздь откован из железа. Микроструктура шлифа, сделанного на острие, — мелкозернистый феррит со следами перлита. Наблюдаются длинные, вытянутые вдоль направленияковки, шлаковые включения.

Анализ 501. Шило. Зарубинцы, 1962 г., № 330. Шило отковано из железа. Микроструктура шлифа, сделанного на поперечном сечении острия, — мелкозернистый феррит со следами перлита и многочисленными включениями шлака.

Анализ 502. Нож. Зарубинцы, 1961 г., № 304. Нож откован из железа. Микроструктура шлифа, сделанного на поперечном сечении клинка, — феррит со следами перлита. Шлаковые включения мелкие.

Анализ 503. Стержень. Зарубинцы, 1961 г., № 252. Стержень откован из железа. Микроструктура шлифа, сделанного на поперечном сечении перевитого конца стержня, — феррит и крупные включения шлака.

Анализ 504. Кресало (?) Зарубинцы, 1962 г., № 399. Предмет откован из железа. Микроструктура шлифа — феррит и включения шлака.

Анализ 506. Обломок серпа. Зарубинцы, 1961 г., № 60. Серп откован из железа. Микроструктура шлифа, сделанного на поперечном сечении клинка, — крупнозернистый феррит; ближе к острию — феррит со следами перлита и многочисленные включения шлака, вытянутые в направленииковки.

Анализ 508. Нож. Пилипенкова гора, 1966 г., № 230. Сохранившаяся часть клинка откована из железа. Микроструктура шлифа, сделанного на поперечном сечении клинка, — феррит и включения шлака.

Анализ 511. Топор-кельт. Таценки, 1961 г., № 398. Кельт откован из железа, местами слабо и неравномерно науглероженного. Микроструктура шлифа, сделанного на продольном сечении рабочей части орудия, — зоны чистого феррита и зоны феррита с перлитом. Перлит имеет сорбитообразный характер. Металл мелкозернистый.

Анализ 513. Нож. Таценки, 1962 г. Нож откован из железа. Микроструктура шлифа, сделанного на поперечном сечении клинка, — феррит и многочисленные включения шлака, вытянутые в направленииковки. На острие лезвия наблюдается структура феррита со следами перлита.

Анализ 515. Нож. Ходоров, 1962 г. № 72. Нож откован из железа. Микроструктура шлифа, сделанного на поперечном сечении клинка, — мелкозернистый феррит и многочисленные включения шлака.

Анализ 517. Дротик. Юрковица, 1965 г., № 1540. Дротик откован из железа, сильно загрязненного многочисленными крупными включениями шлака.

Анализ 519. Копье. Харьевка, 1950 г. Копье отковано из железа, загрязненного многочисленными включениями шлака. Зерно феррита крупное.

Анализ 520. Бритва. Таценки, 1962 г., № 101. Клинок бритвы откован из пакетного металла, в котором чередуются полосы мягкой стали с содержанием углерода 0,1% и полосы чистого феррита. Металл мелкозернистый, шлаковых включений мало. (Бритва относится к поздnezарубинецкому времени. — *Е. М.*)

Анализ 525. Серп. Суботов, 1955 г., № 132. Клинок серпа откован из неравномерно углероденной сырьевой стали. Микроструктура шлифа, сделанного на поперечном сечении клинка, — зоны с феррито-перлитной структурой (содержание углерода от 0,1—0,2% до 0,6%) и чисто ферритные зоны. Металл мелкозернистый, включений шлака мало. (Серп датируется раннеримским временем. — *Е. М.*)

ПРИЛОЖЕНИЕ №

2

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О РЕЗУЛЬТАТАХ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА
ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ,
ОБНАРУЖЕННЫХ НА ЗАРУБИНЕЦКИХ ПАМЯТНИКАХ

Анализ выполнен Т. Б. Барцевой
Институт археологии АН СССР

Основными примесями к медной основе были олово и олово со свинцом, представленные в долях процента. Все другие элементы представлены в сотых и тысячных долях процента и являются естественными примесями.

Искусственной добавкой в некоторых вещах был цинк, который представлен в долях процента. Этот сплав, так называемая латунь, характерен для определенных типов вещей (в частности для фибул причерноморского типа и для фибулы из Лютежа, аналогии которой имеются в Прибалтике). Такие латунные сплавы известны для прибалтийского и причерноморского металлов и в более позднее время (III—IV вв. н. э.).

Предмет	Памятник	Cu	Sn	Pb	Zn	Sb	As
Фибула	Великие Дмитровици	осн.	11,0	4,3	0,005	0,2	0,4
Фибула	Пирогов, поселение	осн.	7,0	3,7	0,003	0,1	0,2
Браслет	Басовка	осн.	3,5	2,3	—	0,25	0,2
Фибула	»	осн.	10,0	4,0	0,009	0,14	0,22
Фибула	Юрковица	осн.	4,5	2,0	—	0,08	0,22
Наконечник стрелы	Завадовка	осн.	7,0	6,5	—	0,016	0,09
Булавка	Зарубинцы	осн.	7,0	0,027	0,009	0,045	0,45
Фибула	»	осн.	11,0	5,0	0,01	0,25	0,05
Браслет	»	осн.	0,13	0,055	3,3	0,45	0,01
Наконечник стрелы	»	осн.	18,0	0,7	—	0,17	0,06
Фибула	Суботов, могильник	осн.	0,003	0,035	12,0	0,013	0,015
Серьга	»	осн.	0,07	0,06	18,0	0,016	—
Перстень	»	осн.	0,0015	0,003	—	0,016	—
Браслет	»	осн.	0,003	0,002	—	0,19	0,1
Наконечник пояса	»	осн.	6,0	0,027	—	0,023	—
Фибула	Кийлов, поселение	осн.	0,16	0,05	20,0	0,045	0,06
Булавка	»	осн.	0,04	0,07	11,0	0,015	—
Пронизка	Таценки	осн.	3,5	0,065	—	0,08	0,17
Наконечник стрелы	»	осн.	16,0	3,7	—	0,02	0,05
Подвеска	»	осн.	5,0	0,05	—	0,04	0,6
Фибула № 3990	»	осн.	3,5	4,5	—	0,13	0,14
Фибула парная № 3991	»	осн.	3,7	2,1	0,009	0,9	0,6
Фибула парная № 3992	»	осн.	4,5	1,0	0,045	0,1	0,16
Кольцо латенского типа	»	осн.	2,7	3,7	0,06	0,09	0,027
Подвеска № 3993	»	осн.	13,0	0,07	?	0,009	0,2
Фибула глазчатая	Лютеж	осн.	2,0	0,065	11,0	0,13	0,027
Кольцо	»	осн.	6,0	0,04	0,012	0,025	0,23
Пластина	»	осн.	8,0	1,3	—	0,01	0,06

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДИАГНОСТИРУЕМЫХ ОБЛОМКОВ КОСТЕЙ
ЖИВОТНЫХ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ПИЛИПЕНКОВА ГОРА
(раскопки 1966—1968 гг.)

Определение произведено Н. Г. Тимченко
Институт зоологии АН УССР

Местонахождение Вид животных	Кости	Особь	Местонахождение Вид животных	Кости	Особь
Жилище № 4			Лошадь	1	1
Бык домашний	14	2	Коза или овца	24	2
Лошадь	6	3	Культурный слой поселения		
Коза или овца	6	2	Бык домашний	14	3
Лось	3	1	Лошадь	8	3
Жилище № 5			Свинья домашняя	6	3
Бык домашний	1	1	Коза или овца	9	2
Лось	1	1	Собака	1	1
Жилище № 6			Свинья дикая	1	1
Бык домашний	25	5	Лось	1	1
Лошадь	13	3	Раскопки 1968 г.		
Свинья домашняя	5	2	Бык домашний	15	2
Коза или овца	3	1	Овца или коза	4	2
Собака	1	1	Свинья домашняя	21	3
Лось	5	1	Конь домашний	19	2
Бобр	2	1	Собака	2	1
Судак	1	1	Лось	2	1
Яма № 1			Олень	1	1
Свинья домашняя	1	1	Свинья дикая	7	2
Яма № 3			Бобр	1	1
Бык домашний	14	5	Всего найдено		
Лошадь	10	1	Бык домашний	85	19
Свинья домашняя	11	10	Лошадь	57	13
Коза или овца	2	2	Коза или овца	48	11
Свинья дикая	12	4	Свинья домашняя	54	21
Олень	7	1	Собака	4	3
Яма № 16			Свинья дикая	20	7
Бык домашний	2	1	Лось	12	5
			Олень	8	2
			Бобр	3	2
			Судак	1	1
Итого				282	85

Возраст животных: 1) бык — все животные взрослые; 2) лошадь — молодые животные отсутствуют; 3) коза или овца — одна особь являлась животным 18—24 месяцев; 4) свинья домашняя — несколько имели возраст до 22 месяцев.

Размеры животных были близки к животным черняховской культуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4
ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ
ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ПИРОГОВСКОГО МОГИЛЬНИКА
(раскопки 1966 г.)

Определение произведено В. И. Бибикиной
Институт зоологии АН УССР

№ погребения	Наименование животного	Количество		Возраст
		костей	особей	
2	Бык	2	1	взрослый
5	Овца или коза	2	1	молодая
8	Свинья	2	2	молодая и взрослая
9	Свинья	1	1	взрослая
11	Овца	2	1	взрослая, не старше трех лет
18	Свинья	1	1	взрослая, не старше трех лет
20	Свинья	1	1	взрослая, не старше трех лет
21	Свинья	4	1	взрослая
23	Свинья	4	1	взрослая
27	Свинья	1	1	молодая, шесть—восемь месяцев
28	Свинья	2	2	взрослая, не старше трех лет
29	Овца или коза	6	1	молодая
31	Бык	2	1	молодой, полтора-два года
34	Овца	1	1	взрослая
34	Бык	1	1	взрослый
37	Овца	1	1	взрослая
45	Свинья	1	1	два-три года
50	Овца или коза	1	1	молодая

Всего в 19-ти погребениях найдено костей: быка домашнего пять от трех особей; мелкого рогатого скота 15 от семи особей; свиньи домашней 17 от 11 особей. Итого: 37 костей от 21 особи.

В качестве ритуальной пищи с покойником клались хорошие куски туши — чаще всего филейная и плечевая части.

Среди просмотренных костей имеются остатки очень молодых свиней (поросят) и овец. Основную массу составляют остатки животных не вполне взрослых и взрослых. Остатков старых животных не встречено.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕРЕПОВ ТРУПОПОЛОЖЕНИЙ
ПИРОГОВСКОГО МОГИЛЬНИКА
(раскопки 1966 г.)

Череп определены С. И. Круц.
Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР

Погребение №35. Череп принадлежит мужчине 55—60 лет. Тип черепа северный, европеоидный, массивный, с высокой черепной крышкой, мезокранный, с широким лицом. Подобные черепа отмечены у населения Среднего Приднепровья, обитавшего здесь от неолита до исторических славян.

Погребение №32. Череп долихокранный, более грацильный, чем у погребения № 35. Принадлежит мужчине 45—55 лет.

Погребение №44. Плохо сохранилось. Череп принадлежит ребенку 7—5 лет.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— I в. н. э.— СА, 1961 М. № 1.
- Амброз А. К.* К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э.— СА, 1964, М., № 1.
- Анохин Г. И.* К проблемам заселения и возникновения поземельной общины в древней Норвегии.— Культура и быт народов зарубежной Европы. М., 1967.
- Артамонов М. И.* Венеды и лужицкая культура.— Вестник ЛГУ, 1951, № 1.
- Артамонов М. И.* Венеды, невры и будины в славянском этногенезе.— Вестник ЛГУ, 1946, № 2.
- Артамонов М. И.* Происхождение славян. Л., 1950.
- Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология.— Проблемы всеобщей истории. Л., 1967.
- Беленя К.* Древняя металлургия железа в Центральной Польше.— СА, 1959, М., № 1.
- Березовець Д. Т.* Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр.— АП, т. V. К., 1955.
- Березовець Д. Т.* Звіт про роботу Сеймсько-Слов'янської експедиції 1949 р. Научный архив ИА АН УССР.
- Березовець Д. Т.* Плуг з Токарівського торфовища.— Археологія, т. VII. К., 1952.
- Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Изд. АН СССР, М., 1961.
- Бибиков С. Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого триполья.— СА, 1965, М., № 1.
- Бидзилья В. И. и Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж.— МИА, № 160. М.— Л., 1969.
- Блифельд Д. И.* Древнейшее славянское поселение на Черниговщине.— КСИА, вып. 1. К., 1952.
- Блифельд Д. ф.* Дослідження древнього Белгорода.— АП, т. III. К., 1952а.
- Бобринский А. А.* Древнерусский гончарный круг.— СА, 1962, М., № 3.
- Бобринский А. А.* О некоторых особенностях формовочной технологии керамики из памятников черняховской культуры.— КСИА, вып. 121. М., 1970.
- Богусевич В. А.* Древнейшее славянское поселение на Пшшпенковой горе.— Труды Канівського біогеографічного заповідника, № 8. К., 1950.
- Богусевич В. А.* Канівська археологічна експедиція.— АП, т. III. К., 1952.
- Богусевич В. А. и Ланка Н. В.* Зарубинецкое поселение на Пилипенковой горе близ г. Канева.— МИА, № 70, 1959.
- Бондарь Н. Н.* Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э.— СА, XXIII. М., 1955.
- Бручинский И. Е.* Очерки климата русской равнины в историческую эпоху. Л., 1957.
- Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957.
- Варрон Марк-Теренций.* О сельском хозяйстве. М.— Л., 1963.
- Витое М. В.* Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение.— СЭ, № 2, М., 1955.
- Вознесенская Г. А.* Металл Троицкого городища.— МИА, № 129. М., 1967.
- Вознесенская Г. А.* Металл зарубинецкой культуры. Доклад на XIV научной конференции ИА АН УССР. 1969.
- Вознесенская Г. А.* Обработка железа у племен черняховской культуры.— КСИА, вып. 121. М., 1970.
- Вязьмитина М. I.* Золота Балка. К., 1962.
- Георгиев В.* Исследования по индоевропейскому языкознанию. М., 1948.

- Горнунг Б. В.* Индоевропейское языковое единство и его распадение. Сборник в честь академика Дечева. София, 1958.
- Горнунг Б. В.* Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи. М.— Л., 1955.
- Городцов В. А.* Бытовая археология. М., 1910.
- Готье Ю. В.* Железный век в Восточной Европе. М.— Л., 1930.
- Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, № 36. М., 1954.
- Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Две археологические культуры в Скифии Геродота.— СА, XVIII. М., 1953.
- Гумилев Л. Н.* Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. История СССР, 1967, № 1.
- Даниленко В. М.* Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р.— АП, т. VI. К-, 1956.
- Даниленко В. Н.* Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР.— Доклады VI научной конференции Института археологии. К-, 1953.
- Даниленко В. Я., Дудкин В. П., Круц В. А.* Археолого-магнитная разведка в Киевской области.— АЙНУ, вып. 1. К-, 1967.
- Довженок В. І.* Землеробство древньої Русі. К-, 1961.
- Довженок В. И., Ланка Н. В.* Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось.— МИА, № 70, 1959.
- Жирмунский В. М.* История немецкого языка. М., 1956.
- Заверняев Ф. М.* Почепское селище.— МИА, № 160. М.— Л., 1969.
- Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, № 83. М., 1960.
- Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, № 16. М.— Л., 1951.
- Иванишев Н. Л.* О древних сельских общинах в юго-западной России. К., 1863.
- Ільїнська В. А.* Басівське городище.— Археологія, т. XVIII. К., 1965.
- Ильинская В. А.* Поздне斯基фский слой Басовского городища.— КСИА, вып. 11. К., 1961.
- Ильинская В. А.* Керамика скифских погребений Посулья.— ВССА, 1954.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Новая находка блях с эмалью на Киевщине.— КСИИМК, вып. 60. М., 1955.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
- Канівець В. І.* Звіт про розвідкові розкопки біля с. Погреби в 1952 р. Научный архив Института археологии.
- Каргер М. К.* Древний Киев, т. I. М.— Л., 1958.
- Карышковский П. О.* Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I в. до н. э.— Нумизматика и эпиграфика, т. V. М., 1965.
- Каспарова К. В.* Могильник и поселение зарубиенской культуры у деревни Отвержичи.— КСИА, вып. 112. М., 1967.
- Катан Порцій.* Земледелие. М.— Л., 1950.
- Кирьянов А. В.* Земледелие племен зарубиенской и черняховской культур.— Возникновение и развитие земледелия. М., 1967.
- Кнабе Г. С.* Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе.— СА, М., 1959, № 3.
- Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг.— МИА, № 25, 1952.
- Коваленя А. З., Шутаў С. С.* Матер'ялы з дагісторые Тураўшчыны.— Працы Археалагічнай камісіі БАН, т. II. Менск, 1930.
- Колесник С. В.* Человек и географическая среда. Л., 1949.
- Колчин Б. А., Круг О. Ю.* Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа.— Археология и естественные науки. М., 1965.
- Коршенко С. В.* Материалы для составления карты распространения культур полей погребений на территории УССР. Научный архив ИА АН УССР, 1939.
- Косвен М. О.* Семейная община.— СЭ, М., 1948, № 3.
- Кравченко Н. М. К.* вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках.— КСИА, 121, М., 1970.
- Краснов Ю. А.* К истории раннего земледелия в лесной полосе Европейской части СССР.— СА, 1965, М., № 2.
- Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР.— САИ, М., 1961.
- Кругликова И. Т.* Земледелие в античных городах Северного Причерноморья.— Возникновение и развитие земледелия. М., 1967.

- Крушельницкая Л. И.* Кельтский памятник в Верхнем Поднестровье.— КСИА, вып. 105. М., 1965.
- Кубишев А. И.* Новый могильник зарубинецкой культуры.— Археологические открытия 1966 г. М., 1967.
- Кубишев А. И., Крущ В. А.* Работы Чапаевского отряда Киевской археологической экспедиции.— АИНУ, вып. 1. К., 1967.
- Кубишев А. И., Максимов Е. В.* Пироговский могильник.— МИА, № 160. М.— Л., 1969.
- Куза А. В.* Зарубинецкое поселение около Житомира.— КСИА, вып. 102. М., 1964.
- Кува А. В., Кубишев А. И.* Нові зарубинецькі пам'ятники на Середньому Придніпров'ї.— Археологія, 1971, вып. 3.
- Кузищин В. И.* Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э.— I в. н. э.— Издание МГУ, 1966.
- Курилович Е.* О балто-славянском языковом единстве.— ВСЯ, III. М., 1958.
- Кухаренко Ю. В.* К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях.— СА, XIX. М., 1954.
- Кухаренко Ю. В.* Чаплинский могильник.— МИА, № 70. М., 1959.
- Кухаренко Ю. В.* Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы.— СА. М., 1959а, № 1.
- Кухаренко Ю. В.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры.— СА, М., 1960, № 1.
- Кухаренко Ю. В.* Памятники раннего железного века на территории Полесья.— САИ. М., 1961.
- Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура.— САИ. М., 1964.
- Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест-Тришин.— КСИА, вып. 100. М., 1965.
- Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М., 1969.
- Лер-Сплавинский Т.* О происхождении и прародине славян.— ВИ. М., 1946, № 10.
- Либеров П. Д.* К вопросу о связи культуры полей погребения с культурой скифского времени на Киевщине.— КСИИМК, вып. XXXIV. М., 1950.
- Либеров П. Д.* К истории земледелия у скифских племен Поднепровья.— МИЗ. М., 1952, № 1.
- Либеров П. Д.* К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа.— МИА., № 53. М., 1960.
- Литин В.* Металлургия чугуна, железа и стали, т. I. М., 1964.
- Лявданский А. Н.* Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции.— СГАИМК, № 7—8. М., 1932.
- Ляпушкин И. И.* К вопросу о культурном единстве славян. Исследования по археологии СССР.— Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова. ЛГУ, 1961.
- Ляпушкин И. И.* Днепровская Левобережная экспедиция 1947 г. Научный архив ИА АН УССР.
- Мади З.* Припонтийские кельты.— Античное общество. М., 1967.
- Максимов Е. В.* Памятники зарубинецкого типа в с. Суботове.— КСИА, вып. 9. К., 1960.
- Максимов Е. В.* Античный импорт на Среднем Придніпров'ї в зарубинецький час.— Археологія, т. XV. К., 1963.
- Максимов С. В.* Археологічні дослідження на поселенні поблизу с. Зарубинці. Археологія, т. XVII. К., 1964.
- Максимов Е. В.* О происхождении зарубинецкой культуры. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий. Минск, 1966.
- Максимов Е. В.* Землеробство і скотарство на Середньому Придніпров'ї на рубежі нової ери.— УЖ, 1969. К., № 8.
- Максимов Е. В.* Хронология древностей зарубинецкой культуры в Среднем Приднепровье.— МИА, № 160. М.—Л., 1969 (1969а).
- Максимов Е. В.* Новые зарубинецкие памятники в Среднем Приднепровье.— МИА, № 160. М.— Л., 1969 (1969б).
- Максимов Е. В.* Новые данные о зарубинецкой культуре Среднего Поднепровья. Археологические открытия 1970 года. М., 1971.
- Максимов С. В.* Про датування зарубинецької культури.— Археологія, вип. 1. К., 1971 (1971а).
- Максимов С. В.* Зарубинецьке городище Пилипенкова гора.— Археологія, вип. 4., К., 1971, (1971 б).
- Максимова М. И.* О дате Артюховского кургана.— СА. М., 1960, № 3.
- Малиновская З. П.* Из материалов по этнографии вепсов.— Западнофинский сборник. Л., 1930.
- Мартьянов В. В.* К лингвистическому обоснованию гипотезы о вислянско-одерской прародине славян.— ВЯ, № 4. М., 1961.
- Массон В. М.* Земледелие раннеклассовых обществ, Возникновение и развитие земледелия. М., 1967.

- Махно Е. В.* Раннеславянские (зарубинецко-корчеватоаские) памятники в Среднем Приднепровье. — СА, ХХІІІ. М., 1955.
- Махно Е. В.* Лесостепь Левобережья УССР в I—VI вв. н. э. Научный архив ИА АН УССР, 1955а.
- Махно Е. В.* Раскопки зарубинецких поселений в Киевском Приднепровье в 1950 г. — МИА, № 70. М., 1959.
- Махно С. В.* Похоронения на Замковій горі в Лубнах. — Археологія, т. XVIII. К., 1965.
- Махно Е. В., Самойловский И. М.* Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье. — МИА, № 70. М., 1959.
- Мачинский Д. А.* О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур. — КСИА, вып. 94. М., 1963.
- Мачинский Д. А.* О соотношении пшеворской и зарубинецкой культуры. Тезисы докладов на I международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965.
- Мачинский Д. А.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. — КСИА, вып. 107. М., 1966.
- Мачинский Д. А. К.* вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешти-Лукашевка. — Археология Старого и Нового света. М., 1966а.
- Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. — САИ. М., 1964.
- Мельниковская О. Н.* О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинецкой культур. — СА. М., 1963, № 1.
- Мельниковская О. Н.* Памятники раннего железного века в юго-восточной Белоруссии. — КСИА, вып. 94. М., 1963а.
- Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
- Митрофанова В. И.* Отчет об археологических исследованиях в зоне Киевского водохранилища в 1962 г. Научный архив ИА АН УССР.
- Неприна В. Л., Корпусова В. М.* Розвідка по Десні та Сейму. — АДНУ, вип. IV. К-, 1972.
- Надерле Л.* Славянские древности. М., 1956.
- Никитина В. Б.* Вновь открытые памятники поморской культуры. — КСИА, вып. 102. М., 1964.
- Никитина В. Б.* Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине. — СА. М., 1965, № 1.
- Никитина В. Б.* Поморская культура. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1965а.
- Онайко Н. А.* Античный импорт на территории Среднего Приднепровья (VII—V вв. до н. э.). — СА. М., 1960, № 2.
- Онайко Н. А.* Античный импорт на территории Среднего Приднепровья (IV—III вв. до н. э.). — СА. М., 1962, № 1.
- Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. — САИ. М., 1970.
- Пасек Т. С.* Пороська експедиція 1945 р. — АП, т. I. К-, 1949.
- Пачкова С. П.* Металлургический центр зарубинецкой культуры у с. Лютеж. — СА. М., 1970, № 1.
- Пачкова С. П., Янушевич З. В.* Землеробство племен зарубинецкой культуры. — Слов'яноруські старожитності. К., 1969.
- Петренко В. Г.* Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. — МИА, № 96. М., 1961.
- Петренко В. Г.* Могильник скифского времени у с. Грищенцы. — МИА, № 113. -М., 1962.
- Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — САИ. М., 1967.
- Петров В. П.* Зарубинецкий могильник. — МИА, № 70. М.—Л., 1959.
- Петров В. П.* Зарубинецко-корчуватівська культура Середнього Подніпров'я і синхронні культури суміжних територій. — Археологія, т. XII. К-, 1961.
- Петров В. П.* Давні слов'яни та їх походження. — УІЖ, 1963, № 4.
- Петров В. П.* Черняховский могильник. — МИА, № 116. М., 1964.
- Петров В. П.* Исторична географія та проблема слов'янського етногенезу на матеріалах гідронімів. — Історичні джерела та їх використання, вип. 2. К-, 1966.
- Петровская Е. А.* Отчет о разведке 1963 г. на территории Каневского водохранилища. Научный архив ИА АН УССР.
- Петровська С. О.* Пам'ятки пізньоскіфського часу на р. Стугні. — Археологія, т. XVI. К., 1964.
- Петровська С. О.* Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я. — Археологія, вип. 2. К., 1971.
- Пещерова Е. М.* Гончарное производство Средней Азия. М.—Л., 1959.
- Поболь Л. Д.* Поселение и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине, Автореферат кандидатской диссертации. М., 1960.

- Поболь Л. Д.* Зарубинецкая культура на территории Белоруссии. VII Международный Конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966.
- Поболь Л. Д.* Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий. Минск, 1966а.
- Погребова Н. Н.* О некоторых исследованиях в области археологии раннего железного века за рубежом.—СА. М., 1958, № 3.
- Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре.—МИА, № 64. М., 1958.
- Покровська С. Ф., Ковпаненко Г. Т.* Могильник біля с. Калантаєве.—Археологія, т. XII. К., 1961.
- Рапопорт П. О.* Обстеження городищ в районі Кисва.—Археологія, т. VII. К., 1952.
- Розкопки в Києві на горі Кисілівці в 1940 р.*—Археологія, т. I. К., 1947.
- Романовская М. А.* Население Карпато-Днепровского района во II—I вв. до н. э.—Автореферат кандидатской диссертации. М., 1968.
- Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Рудинський М. Я.* Археологічні збірки Полтавського музею. Полтава, 1928.
- Русанова И. П.* Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. на северо-востоке Украины и юге Белоруссии.—Древности Белоруссии. Минск, 1966.
- Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948.
- Савчук А. П.* Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине.—КСИИМК, вып. I. К., 1952.
- Савчук А. П.* Находки железного века на Киевщине.—МИА, № 160. М.—Л., 1969.
- Самойловський І. М.* Корчуватський могильник.—Археологія, т. I. К., 1947.
- Самойловський І. М.* Корчеватський могильник.—МИА, № 70. М.—Л., 1959.
- Самойловський І. М.* Пам'ятки культури полів поховань у Києві.—Археологія, т. VII. К., 1952.
- Самойловський І. М.* Розвідки і розкопки в Києві та його околиці в 1947—1948 рр.—АП, т. III. К., 1952а.
- Самойловський І. М.* Суботовський могильник.—КСИА, вып. 9. К., 1960.
- Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья (до XIV в.). Автореферат докторской диссертации. М., 1966.
- Сизов И. А.* К истории льноводства в СССР.—МИЗ, II. М.—Л., 1956.
- Слободин В. М.* К вопросу о развитии и смене систем земледелия.—МИЗ, I. М., 1952.
- Сміленко А. Т.* Про деякі датуючі речі в культурі полів поховання.—Археологія, т. VI. К., 1952.
- Смиленко А. Т.* Дневник раскопок на Пастырском городище в 1953 г. Научный архив АН УССР.
- Смирнов А. П.* Древние славяне. История СССР, т. I. М., 1966.
- Смирнов А. П.* Некоторые нерешенные задачи археологии раннего железного века.—КСИА, вып. 4. М., 1963.
- Смішко М. Ю.* Відносно концепції про германську належність культури полів поховань.—Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 3. К., 1961.
- Смишко М. Ю.* Погребения раннежелезного века в с. Могиляны Ровенской области.—КСИА, вып. 7. К., 1957.
- Советов А. В.* О системах земледелия. Избранные сочинения. М., 1867 (переизд. 1950).
- Спицын А. А.* Курганы скифов-пахарей.—ИАК, вып. 65. Пг., 1918.
- Спицын А. А.* Поля погребальных урн.—СА, X. М., 1948.
- Симонович Э. А.* К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребения.—СА. М., 1958, № 1.
- Сьмонович Э. А.* К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа начала нашей эры. Записки Одесского археологического общества, т. I, 1960.
- Сьмонович Э. А.* К вопросу о скифской принадлежности черняховской культуры.—СА. М., 1962. № 2.
- Тацци Корнелий.* О происхождении германцев и местоположении Германии. Сочинения, т. I. Л., 1969.
- Телегин Д. Я.* Отчет об исследовании неолитических стоянок окрестности Киева за 1954 г. Научный архив ИА АН УССР.
- Телегин Д. Я., Круц В. А.* Исследования неолитических поселений в зоне Киевского водохранилища в 1963—1964 гг. Научный архив ИА АН УССР.
- Тереножкин А. И.* Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье.—ВССА. М., 1954.
- Тереножкин А. И.* Археологические исследования близ Смелы в 1952 г.—КСИА, вып. I, К., 1954 (1954а).
- Тереножкин А. И.* К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время.—СА, XXIV. М., 1955.

- Тереножкін А. І.* Предскифський період на Дніпровському Правобережжє. К., 1961.
- Тереножкін А. І.* Прародина славян і лужицька культура.— КСИА, вып. 11. К., 1961 (1961а).
- Тереножкін О. І.* Пам'ятки скіфів-орачів в південному Поліссі.— Археологія, т. XIX. К., 1965.
- Тітенко Г. Т.* Розкопки пам'яток скіфського часу на Пастирському городищі.— АП, т. VI. К., 1956.
- Голочко П. П.* Исторична топографія стародавнього Києва. К., 1970.
- Фурманська А. І.* Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, т. VIII. К., 1953.
- Хавлюк П. І.* Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі.— Археологія, вып. 4. 1971.
- Хвойка В. В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. К., 1913.
- Хвойка В. В.* Поля погребений в Среднем Приднепровье. Записки Русского археологического общества, новая серия. СПб., 1901, т. XII, вып. 1—2.
- Цалкин В. И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966.
- Шарадзенідзе Т. С.* Процессы дифференциации и интеграции языков.— ВЯ-М., 1952, № 1.
- Шафарик П. И.* Славянские древности. М., 1837.
- Шмидт Е. А.* Могильник у д. Козичина около Смоленска.— МИА, № 70. М., 1959.
- Топоров В. Н., Трубочев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1948.
- Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953.
- Третьяков П. Н.* Итоги археологического изучения восточнославянских племен. М., 1958.
- Третьяков П. Н.* Чаплинское городище.— МИА, № 70. М., 1959.
- Третьяков П. Н.* Этногенетический процесс и археология.— СА. М., 1962, № 4.
- Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966.
- Третьяков П. Н.* Восточные славяне и балтийский субстрат.— СЭ. М., 1967, № 4.
- Третьяков П. Н.* Зарубинецкая культура и поднепровские славяне.— СА. М., 1968, № 4. "
- Третьяков П. Н.* и *Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1968.
- Трубочев О. Н.* Из славянско-иранских лексических отношений.— Этимология, 1965, М., 1967.
- Федоров Б. Г.* Население Пруто-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, № 89. М., 1960.
- Филин Ф. П.* Некоторые проблемы славянского этно- и глоттогенеза.— ВЯ. М., 1967, № 3.
- Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.— Л., 1962.
- Филип Ян.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
- Шнитников А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария.— Известия Всесоюзного географического общества, т. XVI. М.— Л., 1957.
- Шовкопляс А. М.* Памятники зарубинецкого времени в г. Киеве. Материалы и исследования по археологии СССР, № 160. Л., 1969.
- Шовкопляс А. М.* Поселение зарубинецкой культуры в Киеве. Археологические открытия 1970 года. М., 1971.
- Шовкопляс А. М.* Раскопки поселения Луг — IV на Почайне.— АЙНУ, вып. III. К., 1969.
- Шрамко Б. А.* Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. Докторская диссертация. К., 1965.
- Antoniewicz W.* Archeologia Polski. Warszawa, 1928.
- Dechelette J.* Manuel d'Archeologie Prehistorique Celtique et Gallo-Romaine, m. II, z. 3, 1914. Paris.
- Ebert M.* Reallexicon der Vorgeschichte, XIII. Berlin, 1929.
- Filip J.* Keltové ve střední Evropě, 1956. Praha.
- Hachmann R.* Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. 41. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1960. Berlin, 1961.
- Kietlińska A., Miklaszewska R.* Cmentarzysko grobów kloszowych we wsi Transbor.— Materiały starożytne, IX, 1965. Warszawa.
- Kietlińska A., Dąbrowska T.* Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicymierz.— Materiały starożytne, IX, 1963. Warszawa.
- Kmieciński J.* Zagadnienie tzw. kultury gocko-gepidzkiej na pomorzu wschodnim w okresie wczesnorzymskim. Łódź, 1962.
- Kossinna G.* Die illyrische, die germanische und die keltische kultur der frühesten Eisenzeit.— Mannus, VIII, 1915, Leipzig.
- Kostrzewski J.* Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w Pradziejach. Poznań, 1961.
- Kostrzewski J.* Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955.
- Malinowski T.* Popielnicze domkowe kultury pomorskiej,— Z otchłani wieków, 1967, z. 3. Warszawa.

- Marciniak J.* Cmentarzysko ciałopalne z okresu pioznotateuskiego w Wilanowie koło Warszawi.—
Materiały starożytne, m. II.
- Moberg C. A.* Between La Tene II and III.—Acta archeologica, m. XXIII. Kobenhavn, 1952.
- Moszynski K.* Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław — Kraków, 1957.
- Nosek S.* Kultura grobów skrzynkowych w Polsce Południowo-Zachodniej. Kraków, 1946.
- Parovit-Pesikan M.* Les Illyriens au contact des Grecs.— Archeologia Yugoslavia, V, 1964. Beograd.
- Petersen E.* Die frühgermanische Kultur in Ostdeutschland und Polen.— Vorgeschichte Forschungen, 1929, Berlin.
- Pleiner R.* Zklady slovanskeho železarsciho hutnictvi v Ceskyh zemich. Praha, 1958.
- Reinecke P.* Aus der russischen archäologischen Literatur.— Mainzer Zeitschrift, I, 1906. Mainz.
- Reinecke P.* Zur Kenntnis der la Tene-Denkmäler der Zone nordwärts der Alpen.— Festschrift Mainz, 1902.
- Schwantes G.* Jastorf und Latene.— Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte, I. Band, 1955.
- Szmit Z.* Sprawozdanie z poszukiwań archeologicznych w Hryniewiczach Wielkich koło Bielska Podlaskiego.— Wiadomości archeologiczne, t. VII. Warszawa.
- Tackenberg B.* Zu den Wanderungen der Ostgermanen.— Mannus, 22, Leipzig, 1930.
- Tischler O.* Über die Gliederung der la Tene Periode, 1885.
- Violler D.* Les sepultures du second age du fer sur la plateau Suisse. Genf, 1916.
- Vouga P.* La Tene. Leipzig, 1923.
- Vulpe R.* Le probleme des Bastarnes ä la lumiere des decouvertes archeologiques en Moldavie. Bucuresti, 1955.
- Vulpe R.* Sapäturile de la Pojenesti din 1949.— Materiale archeologice, vol. I. Bucuresti, 1953.
- Wiedmer-Strn J.* Das gallische Gräberfeld bei Münsingen. Bern, 1908.
- Wiklak H.* Początki kultury łużyckiej w Polsce środkowej. Łódź, 1963.
- Zeman J.* Severn! Morava v mladši dobe fimske. Praha, 1961.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

- АИНУ — Археологические исследования на Украине
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
БАН — Белорусская Академия наук
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии
ВСЯ — Вопросы славянского языкознания
ВЯ — Вопросы языкознания
ИА — Институт археологии Академии наук УССР (СССР)
ИАК — Известия Археологической комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИЗ — Материалы по истории земледелия
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СТАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СЭ — Советская этнография
SC — Известия древних писателей — греческих и латинских — о Скифии и Кавказе, т. I. СПб., 1893.
УІЖ — Український історичний журнал

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Зарубинецкая проблема в научной литературе. Славяне, германцы или балты?	7
Памятники зарубинецкой культуры на Среднем Приднепровье	17
Основные черты зарубинецкой культуры Среднего Приднепровья	60
Вопросы датировки, происхождения и этнической принадлежности	106
Выводы	134
Приложения	171
Литература	175
Список сокращений	182

Максимов Евгений Владимирович

СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ
НА РУБЕЖЕ НАШЕЙ ЭРЫ

*Печатается по постановлению ученого совета
Института археологии АН УССР*

Редактор *Л. Л. Ващенко*
Художественный редактор *С. П. Квитка*
Оформление художника *Г. С. Ковпаненко*
Технический редактор *Б. М. Кричевская*
Корректор *Л. П. Малашикина*

Сдано в набор 29/X 1971 г. Подписано к печати
6/IV 1972 г. БФ 00328. Зак. № 1—2198. Изд. № 4.
Тираж 1400. Бумага № 1, 70X90¹/₁₆. Условн. печ.
листов 13.46. Учетно-изд. листов 14,82. Цена
1 руб. 83 коп.

Издательство «Наукова думка», Киев, Репина. 3.

Отпечатано с матриц Киевского полиграфическо-
го комбината в Нестеровской городской типо-
графии Львовского областного управления по пе-
чати, г. Нестеров, ул. Горького, 8. Зак. 4267.